

В. И. КОСТИЦЫН

**ЛАРИСА ПОПУГАЕВА –
ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ
АЛМАЗОВ В РОССИИ**

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

В. И. Костицын

**ЛАРИСА ПОПУГАЕВА –
ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ
АЛМАЗОВ В РОССИИ**

Пермь 2016

УДК 551+553.81

ББК 26.342

К 723

Костицын В. И.

К 723 Лариса Попугаева – первооткрыватель алмазов в России / В. И. Костицын; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2016. – 232 с.

ISBN 978-5-7944-2761-5

Жизнь выдающегося геолога, первооткрывателя двух месторождений алмазов (первого коренного и второго – самого богатого в России) Ларисы Попугаевой (1923–1977) полна драматических поворотов. На ее долю выпали расстрел отца и статус «дочь врага народа», Великая Отечественная война и защита Москвы от фашистских самолетов, открытие первого коренного месторождения алмазов «Зарница» в Советском Союзе и кража века, неприятие коллег и громкая российская и международная слава. Судьба сурово обошлась с Ларисой Попугаевой, она прожила всего 54 года. Даже разработка открытого ею алмазоносного месторождения «Зарница» началась только через 44 года (в 1998 г.) и через 11 лет после ее кончины. Тем не менее имя Ларисы Попугаевой навечно связано с алмазами, как имя Юрия Гагарина с космосом, и отнять этого невозможно.

Книга о Ларисе Попугаевой адресована геологам, студентам, преподавателям и сотрудникам геологических факультетов вузов России и, прежде всего, Санкт-Петербургского и Пермского государственных университетов, в которых она училась, а также всем тем, кто любит мир минералов и познает их открытие.

УДК 551+553.81

ББК 26.342

*Печатается по решению ученого совета геологического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета*

ISBN 978-5-7944-2761-5

© Костицын В. И., 2016

© ПГНИУ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Вступление.....	5
Из истории поисков алмазов в России.....	7
Планировали светлое будущее, оказалось – дочь «врага народа».....	16
Школьные годы.....	22
Студентка Пермского университета.....	27
Участник Великой Отечественной войны.....	30
Студентка Ленинградского университета.....	34
Исследования Сибирской платформы до открытия коренного месторождения алмазов Л. А. Попугаевой.....	40
Первые годы геологической работы Л. А. Гринцевич, 1950–1951 годы.....	49
Рождение семьи и квартирная проблема.....	51
Экспедиция Сарсадских-Попугаева, 1953 год.....	53
Что было известно о пикроильмените и пиропе – спутнике алмаза до открытия Попугаевой.....	61
Дневниковые записи 1953 года.....	66
Открытие кимберлитовой трубки «Зарница», 1954 год.....	81
Кимберлиты и чем они интересны.....	94
Месторождение алмазов «Зарница» в настоящее время.....	97
Происходившие события до открытия трубки «Зарница»...	100
Развитие событий после открытия кимберлитовой трубки «Зарница».....	103
Драматическое совещание геологов в Нюрьбе и приписание открытия месторождения алмазов Амакинской экспедиции.....	106
Искания Л. А. Попугаевой по выходу из сложившейся ситуации, 1955–1957 годы.....	120
Аспирантура и защита диссертации.....	129
Лауреаты Ленинской премии за открытие месторождений алмазов в Якутии.....	133
Борьба за справедливость по награждению.....	139
Работа в научно-исследовательской лаборатории камней-самоцветов (ЦНИЛКС).....	152

Совещание у председателя Совета Министров СССР	
А. Н. Косыгина.....	155
Начальник лаборатории ВНИИЮвелирпрома.....	158
Встречи с известными людьми и сотрудником КГБ.....	163
Друзья, разочарования и конфликты.....	168
Последние годы жизни и увлечения.....	173
Последний день Л. А. Попугаевой.....	183
Интервью Н. Н. Сарсадских об открытии трубки	
«Зарница» и о Ларисе Попугаевой.....	186
Воспоминания о Ларисе Попугаевой.....	194
Семья Ларисы Попугаевой и как она чтит память о ней.....	207
Признание заслуг и награды Л. А. Попугаевой.....	214
Заключение.....	223
Литература.....	224

ВСТУПЛЕНИЕ

Лариса Анатольевна Попугаева – человек-легенда! Неслыханная ее популярность связана не только с тем, что она открыла первое в стране коренное месторождение алмазов – трубку Зарница, но и с тем, что она после этого открытия перенесла массу страданий, унижений, оскорблений. Перенесла все муки ада, какие даже врагам не принято желать, моральные муки, которые бывают тяжелее физических.

Лариса Гринцевич (Попугаева) – студентка Пермского государственного университета (1941–1942 гг.), участник Великой Отечественной войны (1942–1945 гг.) и выпускник Ленинградского государственного университета (1945–1950 гг.), получившая всероссийскую и мировую славу, имя которой известно людям, даже далеким от геологии. Если бы ее открытие явилось делом случая или удачи, то вряд ли бы ее личность привлекла особое внимание.

Публикации о ней не иссякают до последнего времени, хотя с момента ее открытия прошло более 60 лет. Она поставила точку в многолетних исследованиях большого количества геологов по тематике коренных месторождений алмазов. Вместе с тем, ее открытие явилось результатом прекрасной профессиональной подготовки, проявлением советского патриотизма, воспитанного в ней с детства, азартного характера, но и жертвенной работы. Все в ее судьбе выглядело с внешней стороны блестяще: широкая известность, орден Ленина. Между тем сделанное открытие обернулось для нее личной трагедией.

В феврале 1956 г. на XX съезде КПСС Председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин в «Отчётном докладе съезду» сообщил: «Замечательным открытием последних лет является обнаружение месторождений алмазов в Якутии». Безусловно, имя первооткрывателя не было названо, а произошло открытие. 21 августа 1954 г. Геолог Лариса Попугаева вместе с рабочим Федором Беликовым открыли первую в СССР алмазоносную кимберлитовую трубку, которая была названа «Зарницей».

После десятилетних безуспешных поисков многочисленных геологических экспедиций и трат миллионов рублей данное открытие показало, что в стране, наконец, найдено коренное ме-

сторожение алмазов. Причём, сделала это в 1954 г. ленинградская геологическая партия, состоящая всего из двух человек: начальника партии Л. А. Попугаевой и рабочего Ф. А. Беликова. На следующий год, используя опыт Ларисы Попугаевой и новый метод пироповой съёмки, было найдено в Якутии десять кимберлитовых трубок, в том числе богатейшие алмазные трубки «Мир» и «Удачная». А через несколько лет СССР стал крупнейшей алмазодобывающей страной.

У победы всегда много отцов. Открытие Л. А. Попугаевой администраторы мощной местной Амакинской геологоразведочной экспедиции решили незаконно присвоить своей экспедиции, заодно и многолетний труд геологов ленинградской Центральной экспедиции, а заслуги геологов-первооткрывателей Л. А. Попугаевой и Н. Н. Сарсадских принизить. В итоге правда всё-таки восторжествовала, но только через несколько десятков лет.

Самое раннее упоминание о Л. А. Попугаевой в печати в связи с её открытием было опубликовано 8 мая 1956 г. в иркутской газете «Восточно-Сибирская правда» в статье «Сибирские алмазы»: *«Первую трубку в Якутии нашла геолог тов. Л. А. Попугаева»*.

По-видимому, впервые содержательно описал историю обнаружения «Зарницы» московский журналист Валерий Осипов в 1958 г. в книге «Тайна Сибирской платформы», имеющей характер художественного очерка.

В 1978 г. Г. И. Свиридов опубликовал повесть о Ларисе Попугаевой. Затем она была переиздана с изменениями и дополнениями под новым названием в 1981 г. Однако правда у него совмещается с вымыслом, события и их хронология искажены. Какие-то ключевые моменты не упомянуты, зато второстепенные эпизоды расписаны подробно.

В начале 1990-х годов сибирский журналист Р. Н. Юзмухаметов опубликовал очерк о Ларисе Попугаевой в нескольких номерах газеты «Мирнинский рабочий». В нём, наконец, была преодолена поверхностность предыдущих сочинений на тему о Попугаевой и, главное, впервые раскрыты последовавшие за

находкой «Зарницы» безобразные события вокруг первооткрывательницы.

Н. Н. Сарсадских, бывший руководитель и непосредственный начальник Ларисы Попугаевой тоже опубликовала книгу, а затем дала многочисленные интервью, посвящённые истории открытия этого месторождения, и их взаимоотношениям с Ларисой Анатольевной.

В 2007 г. о Л. А. Попугаевой был снят телевизионный фильм – один из четырёх под общим названием «Победительницы». Она оказалась в одном ряду с артисткой Марией Савиной, революционеркой и дипломатом Александрой Коллонтай и певицей Лидией Руслановой.

Настоящее издание подготовлено на основе монографии Е. Б. Трейвуса «Сверкнувшая как зарница» (2009), публикаций участников событий 1950-х годов, авторов статей в научных журналах, а также собственных исследований автора.

Автор выражает искреннюю благодарность Евгению Борисовичу Трейвусу за идею написания книги, предоставленные материалы и многочисленные консультации, а также дочери Л. А. Попугаевой – Наталье Викторовне Попугаевой за поддержку данной идеи, предоставленные документы и фотографии.

ИЗ ИСТОРИИ ПОИСКОВ АЛМАЗОВ В РОССИИ

Пермский край

Первый алмаз России и Европы был найден в **1829 г.** в **Пермской губернии** на даче Бисерского завода Адольфовской золотоносной россыпи, расположенной в долине речки Полуденки, левого притока р. Койвы, у села Крестовоздвиженские Промысла (в настоящее время – пос. Промысла Горнозаводского района Пермского края), где производилась разработка золотоносных россыпей.

При вторичной промывке золотоносных песков крепостным, 14-летним промывальщиком Павлом Поповым, был найден камень, выделяющийся от других. Минералог Ф. Шмидт, слу-

живший управляющим, определил в нем алмаз. *Это был первый российский алмаз.* За кристалл Павел получил вольную. Шмидт,

Карта Пермского края

ствоиспытатель А. Гумбольдт, высказывавший ранее мысль о вероятном нахождении алмазов на Урале. Ему был подарен второй алмаз весом 132 мг на день его 60-летия, отмечавшегося в Миассе 2 (14) сентября 1829 г. Третий алмаз преподнесен ему же. В свою очередь А. Гумбольдт алмаз, найденный вторым, подарил Берлинскому Королевскому музею, а третий алмаз пре-

искушенный в науках о драгоценных камнях, приказал интенсивно выискивать в золотых россыпях прозрачные камешки. Вскоре в этом же месте, именуемом сейчас Алмазный Ключ, было найдено еще два кристалла.

Вскоре в сейфе, где хранилось намытое золото и первый алмаз, лежали еще два искрящихся кристалла – первые алмазы России.

Первый найденный кристалл весил 105 мг, два других – 132 и 253 мг. Всего в течение 1829 г. было обнаружено 4 кристалла. В это время по России совершал поездку известный есте-

поднес в Берлине жене Николая I императрице Александре Федоровне в ноябре 1829 г.

После этого были найдены алмазы и в других россыпях по рекам Тискос и Полуденка, у церкви в поселке Промысла, у деревни Северной. Всего до 1917 года в различных районах Урала при отмывке золотоносных песков было найдено около 250 алмазов, почти все они были редкие по красоте и прозрачности, т.е. настоящие ювелирные алмазы. Самый крупный весил 25 карат.

Но говорить о появлении алмазной промышленности было еще рано. До 1930-х годов даже ведущие геологи СССР решительно отрицали возможность найти отечественные месторождения алмазов. Советский Союз покупал алмазы в Южной Африке.

Позднее международная обстановка сложилась не в нашу пользу и поставка зарубежных алмазов прекратилась. Начиная с 1938 г. был принят ряд постановлений Правительства СССР о расширении поисков алмазов, стали проводиться систематические поисковые и разведочные работы. В результате поисковых работ, проведенных в 1938–1939 гг. в бассейне р. Койвы на Урале, было не только подтверждено наличие алмазов в россыпях: Крестовоздвиженской (1938) и Адольфовской (1939), но были обнаружены и новые россыпи: Кладбищенская (1938) и Среднеполуденская (1939).

С 1940 г. работы на алмазы были активизированы и на базе алмазных партий ВСЕГЕИ и ВИМСа Комитетом по делам геологии при СНК СССР была создана **Уральская алмазная экспедиция**. Первым начальником был назначен Зайцев, главным геологом А. П. Буров, в 1941–1943 годах начальником был М. Ф. Шестопалов, в 1943–1946 годах – С. А. Годован. За период с 1941 по 1945 гг. на западном склоне Урала были открыты первые в СССР промышленные алмазоносные россыпи.

В 1946 г. Уральская алмазная экспедиция была реорганизована в **Третье геологическое управление Министерства по делам геологии** (*Первое управление занималось ураном, Второе – золотом*) с целью расширения поисково-разведочных работ на алмазы по всей территории СССР. Именно на Урале тогда сложился коллектив геологов-алмазников: И. И. Краснов,

А. П. Буров, М. А. Гневушев, Н. Н. Сарсадских, В. С. Трофимов и Н. В. Кинд, которые затем успешно продолжили исследования в Якутии.

В 1953 г. партией № 33 обнаружены алмазы по р. Боровухе, левому притоку Вильвы. Но в 1957 г. в связи с прекращением работ на Среднем Урале поисково-разведочные работы на водоразделе Вижай-Вильва, одном из самых интересных объектов западного склона Среднего Урала, были свернуты.

Единственным предприятием по добыче алмазов в Пермском крае с 1946 по 2013 год было предприятие «Уралалмаз» в г. Красновишерске. Уральские алмазы оставались одними из лучших в мире по своим качественным характеристикам. Поэтому хотя на долю Пермского края приходилось 0,1 % общероссийской добычи, в валюте это составляло примерно 2 %.

Но в начале января 2014 г. «Уралалмаз» объявлен банкротом, хотя в собственности компании еще 9 лицензий на добычу алмазов и подготавливаются к разработке новые месторождения в Пермском крае.

Якутия

Началом истории добычи алмазов в Якутии можно считать **1840-е** годы, когда геолог Р. К. Маак с коллегами вернулся из экспедиции на р. Виллой и высказал предположение, что Виллюйский округ должен быть богат на железную руду, соляные залежи и драгоценные камни. Он описывал наличие большого количества «гнезд» голубой глины в районах между Виллюем и Малой Ботуобией, но в то время не придали этому внимания. В начале XX века над этим вопросом уже работал ряд ученых-геологов, таких как В.И. Вернадский, В.С. Соболев и др. Они указывали, что существует сходство между геологическим строением Южноафриканской и Сибирской платформ, поэтому очень велика вероятность наличия в Сибири коренных месторождений алмазов. Дополнительным стимулом для продолжения поисков явилось то, что многие страны стали отказывать Советскому Союзу в поставке алмазов.

Россыпи алмазов Урала были пригодными для промышленной добычи, но все же слишком незначительными для того,

чтобы обеспечить все возрастающие потребности промышленности.

Карта Якутии

В годы Великой Отечественной Войны работа геологических экспедиций была практически остановлена, но уже в 1946 году И. В. Сталин дает распоряжение о форсированном развитии поиска алмазов в СССР. В 1947 г. в Сибирь отправляются первые экспедиции, в 1949 г. в бассейне реки Вилюй был найден первый официально зарегистрированный якутский алмаз. До 1953 г. в разработке находились алмазные россыпи, найденные в отложениях у рек Вилюй и Оленек. В те годы технология добычи алмазов была слабо развита, методика была основана на промывании и обработке песка и галечника со дна или берегов рек.

Но всё это не давало никаких сведений о наличии в этих местах кимберлитовых трубок. Над вопросом разработки метода поиска коренных месторождений алмазов в те годы много работали ленинградские и якутские геологи.

В августе 1954 г. с помощью разработанного ленинградскими учеными метода «пироповой съемки» Л. А. Попугаевой была найдена первая в Якутии кимберлитовая трубка, названная «Зарница». Это было выдающееся для нашей страны событие, из тех, что называют «открытиями века». Уже к концу 1955 г. было открыто 15 коренных месторождений алмазов. В 1956 г. начали промышленную разработку трубки «Мир» и вокруг нее образовался поселок «Мирный», который за два года вырос до размеров города.

История показывает, что открытия такого масштаба всегда совершаются людьми смелыми, по-настоящему увлеченными своим делом, безгранично верящими в успех. Именно таким незаурядным человеком и была Лариса Анатольевна Гринцевич (Попугаева). История добычи алмазов в Якутии неразрывно связана с её именем. Однако все её заслуги присвоила себе Амакинская экспедиция, начальник которой добивался перевода Л. Попугаевой в штат своих сотрудников задним числом. Лариса Анатольевна подверглась многочисленным оскорблениям, издевательствам и неприкрытому шантажу. Угрожали даже тем, что она никогда не увидит больше свою маленькую дочь. Через три месяца, не выдержав, она подписала заявление о переводе. Мало того, после возвращения в Ленинград, Л. А. Попугаеву обвинили в попытке присвоить себе чужое открытие.

В 1957 г. геологам Амакинской экспедиции была торжественно вручена Ленинская премия. Ларисы Анатольевны в списке награжденных не было. Это была настоящая трагедия, которая изменила всю жизнь этого абсолютно порядочного, кристально честного человека. Она так и не смогла до конца её пережить. Лариса Попугаева умерла от разрыва аорты 19 сентября 1977 г., ей было всего 54 года. Но время всё расставляет по своим местам и имя Ларисы Анатольевны Попугаевой навсегда вошло в мировую историю минералогии.

Начиная с 1960-х годов в Якутии ежегодно добывается алмазов на сумму, превышающую миллиард долларов. К настоящему времени там насчитывается более 200 кимберлитовых месторождений алмазов, что составляет около 80 % месторождений алмазов в мире, среди них около 50 % уже разведано или находится в состоянии разведки.

Преемницей советского предприятия «Якуталмаз» стала Российская алмазная акционерная компания АЛРОСА, которая и занимается сейчас разведкой и добычей алмазов в Якутии, а также изготовлением из них бриллиантов. Ей принадлежат крупнейшие месторождения: трубка Удачная (запас 209 млн. карат), трубка Юбилейная (запас 100 млн. карат), трубка Интернациональная (запас 50 млн. карат), трубка Айхал (запас 33 млн. карат), трубка Нюрбинская (запас 60 млн. карат). Сейчас компания АЛРОСА занимает второе место в мире после компании Де Бирс и её доля составляет 25 % от мировой добычи.

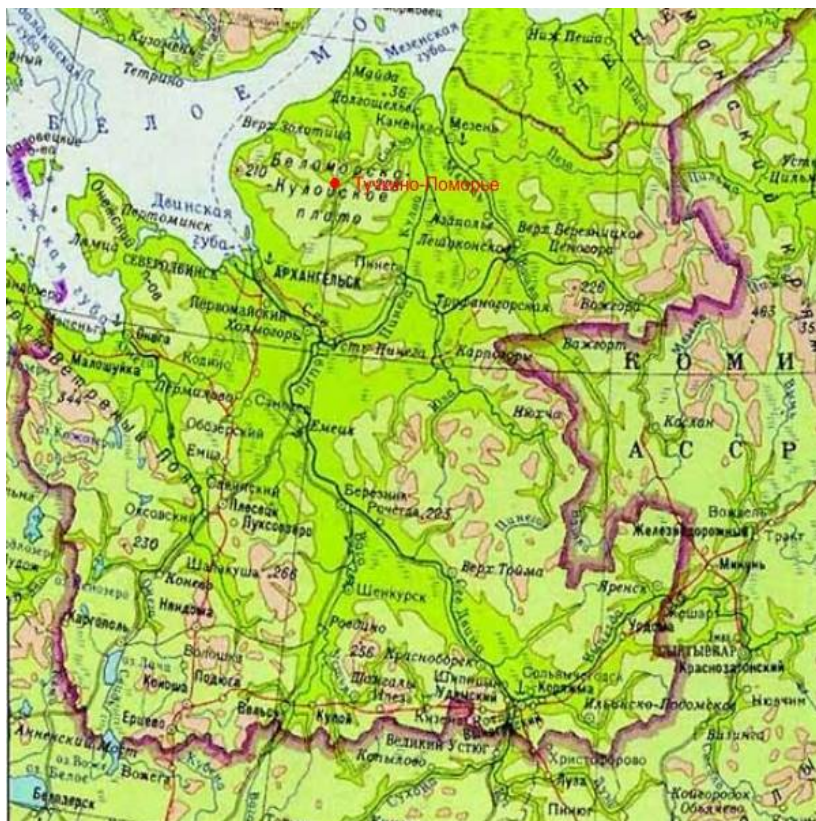
Хотя в Якутии к настоящему времени геологами найдено более 200 кимберлитовых жил, а также около 50 россыпных месторождений, но разрабатываются только 8 трубок: Удачная, Интернациональная, Мир, Юбилейная, Зарница, Айхал, Комсомольская, Нюрбинская. Добыча алмазов в Якутии также ведется на россыпных месторождениях: Маят, Биллях, Моргогор, Эбелях, Гусиный.

Государственный баланс полезных ископаемых по состоянию на 1 января 2010 г. в Республике Саха (Якутия) составлял 47 разведанных месторождений алмазов, из них 17 месторождений относятся к коренным алмазам, в 30 месторождениях добывают алмазы методом россыпи. Суммарные запасы полезных ископаемых по категориям А+В+С1 и С2 составляют порядка 1 млрд. каратов. При нынешнем уровне добычи алмазов разведанных месторождений должно хватить на 30 лет.

Архангельская область

В 1980-е годы крупнейшие коренные месторождения алмазов обнаружены в Архангельской области. Возраст кимберлитовых труб здесь достигает 400–600 млн. лет. В феврале 1980 г. Товской партией Юрасской экспедиции «Архангельскгеологии»

при заверке бурением локальной магнитной аномалии 24а скважиной № 289 была обнаружена первая кимберлитовая трубка «Поморская». Данное открытие положило начало созданию в Архангельской области минерально-сырьевой базы алмазодобывающей промышленности федерального значения.

Карта Архангельской области

Месторождение им. М. В. Ломоносова – это крупнейшее коренное месторождение алмазов в Европейской части России. Расположено около посёлка Поморье Приморского района и названо в честь Михаила Васильевича Ломоносова. Месторож-

дение включает в себя шесть кимберлитовых трубок: Архангельская (запас 60 млн. карат), имени Карпинского-1, имени Карпинского-2, Пионерская, Поморская, имени Ломоносова (запас 47 млн. карат).

Из трубки Архангельская 26 июня 2009 г. был извлечён крупный алмаз весом 30,61 карат ювелирного качества, с высокой степенью визуальной прозрачности. Этот алмаз стал первым именным алмазом Ломоносовского месторождения и получил название имени «425-летие Архангельска», поскольку был добыт накануне юбилея г. Архангельска. Самый большой алмаз за историю разработки месторождения был обнаружен в августе 2010 г., вес его составлял 50,1 карат.

Месторождение алмазов имени В. П. Гриба (Верхотинское месторождение) расположено на территории Мезенского района Архангельской области. Названо в честь Владимира Павловича Гриба, бывшего главного геолога ОАО «Архангельское геологическое предприятие». Месторождение расположено в 130 км к северо-востоку от г. Архангельска и в 30 км от алмазного месторождения имени М. В. Ломоносова. Включает в себя только одну кимберлитовую трубку, названную тоже имени В. П. Гриба.

Кимберлитовая трубка месторождения была открыта в феврале 1996 г., доразведка месторождения завершена в 2010 году. Приблизительные запасы полезных ископаемых месторождения составляют 100 млн карат, из них 58,4 млн карат предполагается добывать в течение 16 лет открытым способом (разработка карьером) на глубину до 460 м, а остальные — подземным. Диаметр кимберлитовой трубки составляет 1,6 км.

Как отмечал один из исследователей истории алмазной тематики Р. Н. Юзмухаметов: *«До 1990 г. регулярно проводились всесоюзные совещания, где формулировались новые проблемы и акцентировалось внимание на необходимости первоочередного решения тех или иных задач алмазопоисковой геологии. Первое всесоюзное совещание было проведено в 1961 г. в Якутске, второе – в 1966 г. в Перми, третье – в 1974 г. в Мирном, четвертое – в 1980 г. в Симферополе, пятое – в 1985 г. в Архангельске, и шестое – в 1990 г. – в Иркутске. Так, на Втором всесоюзном*

совещании по геологии алмазных месторождений в г. Перми приняло участие более 200 представителей геологоразведочных экспедиций и научно-исследовательских институтов, было заслушано и обсуждено 45 докладов. Совещание рекомендовало усилить геолого-поисковые работы на алмазы в Мало-Ботубинском, Далдыно-Алакитском, Анабарском и Приленском районах Якутии, а также в бассейне р. Вишеры и северных районах Западного Урала. Большое внимание было также уделено вопросам комплексного применения илихომинералогических, геофизических и геохимических методов».

К сожалению, в настоящее время такие масштабные всероссийские научно-практические конференции и совещания не проводятся.

ПЛАНИРОВАЛИ СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ, ОКАЗАЛОСЬ – ДОЧЬ «ВРАГА НАРОДА»

Гринцевич Лариса Анатольевна родилась 3 сентября 1923 г. в г. Калуге. По желанию отца, он сам и все близкие звали дочь **Нелей**, ведь имя **Нинель** справа налево читается как **Ленин**. Потом Нелей её будут звать не только в семье, но и друзья, и знакомые.

Происхождение по линии отца

Ее **отец Гринцевич Анатолий Рафаилович** родился в 1903 г. Его последнее место работы - секретарь Пригородного райкома партии в г. Одессе, член обкома партии. Он с восторгом принял идеи Октябрьской революции и всю свою недолгую жизнь посвятил интересам Коммунистической партии. В 17 лет он вступил в Российскую Коммунистическую партию (РКП). В 1920-х годах работает в разных должностях Красной армии, последняя из них – комиссар полка. В 1930-е годы при коллективизации деревни и создании политотделов в машинно-тракторных станциях (МТС), он по мобилизации ЦК ВКП(б) в числе 300 политкомиссаров был направлен под Полтаву руководителем политотдела Ново-Миргородской МТС. В 1935–1936 гг. являлся секретарём сельского (Устимовского) районного комитета КП(б)У – Коммунистической партии (большевиков) Украины, в Одесской области.

Отец А.Р. Гринцевич

Дочь Ларисы Попугаевой Наташа хранит книгу Н. А. Островского «Как закалялась сталь» с надписью: *«Нинель! Расту такой же сильной, бодрой коммунисткой, как автор этой замечательной книги. Одесса. 19.1.37. Твой папа Анатолий».*

В Устимовском районе А.Р. Гринцевич добился наказания растратчиков, пьяниц, тех, кто не выплачивал совхозным рабочим зарплату. Кого-то отдали под суд, кого-то сняли с работы. Крестьянам начали возвращать неза-

конно реквизированные хаты и другое их имущество. Он не боялся остро критиковать обком партии (е его сохранившейся записке есть слова: «Наш счёт обкому»). Добился удаления начальника отдела НКВД по своему району. Было бы странно, если бы ему не отомстили в год «большого террора». Его арестовали 18 января 1938 г. за «участие в антисоветской правотроцкистской организации и вредительстве» и осудили «по первой категории» (к расстрелу). Приговор привели в исполнение 10 октября 1938 г. (согласно справке ЗАГСа Жовтневского района г. Одессы, полученной женой через 21 год - в 1959 г.), хотя семье в те годы сообщали, что он получил «10 лет лагерей без права переписки». Лариса получила ярлык дочь «врага народа», не предвещавший девочке легкой жизни. Четырнадцатилетнему подростку пришлось сменить игры на многочасовые очереди у ворот тюрьмы, с надеждой что-нибудь узнать об отце.

Военной коллегией Верховного суда СССР в 1959 г. приговор А.Р. Гринцевичу был «отменён и дело прекращено за отсутствием состава преступления».

Происхождение по линии матери

Ее бабушка Августа Антоновна была дочерью Георгия Григорьевича Бормана (1875–1952), владельца кондитерской фирмы «Жорж Борман» и его служанки. После окончания гимназии Георгий продолжил образование в коммерческой академии в Лейпциге. Два года стажировался в Германии, где изучал кондитерское производство. В 1893 г. возвратился в Петербург, модернизировал и значительно расширил производство конфет на кондитерской фабрике на Английском проспекте в Санкт-Петербурге.

Г. Г. Борман

В 1895 г. совместно с отцом Григорием Николаевичем Борманом преобразовал дело в товарищество на паях с уставным капиталом 1,6 млн. рублей. В 1896 г. Георгий Григорьевич открыл кондитерскую фабрику в Харькове, а впоследствии и два крупных магазина. Совместно с компаньонами Борман расширил ассортимент выпускаемых товаров, сделав акцент на изготовлении недорогих, доступных широкому кругу потребителей кондитерских изделий. В начале

XX века Георгий Григорьевич Борман инициировал решение о создании в Санкт-Петербурге сети специализированных кондитерских магазинов. В 1917 г. Г.Г. Борман покинул Россию, с 1920 г. поселился во Франции и в Париже открыл кондитерский магазин (26, av. de l'Opéra, 9-e). Скончался в Париже 8 января 1952 г., похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Бабушка Августа Антоновна детство провела в Варшаве, когда немного подросла, ее отправили в Петербург, где она обучилась на портниху. Считалась первой красавицей Нарвской заставы: большие голубые глаза, белая, как мрамор, кожа лица и

чёрные смоляные волосы. Смущаясь под взглядами мужчин, сходила с конки раньше своей остановки. По-видимому, Ларисе передались ее большие голубые глаза, которые хорошо помнят её друзья и коллеги.

В молодости Августа Антоновна обшивала женскую половину семьи богатого англичанина, жила в этой семье на Английском проспекте, за два дома от дома Г. Г. Бормана, а её саму держали наравне с собственными дочерьми англичанина. Это косвенно подтверждает отцовство Г. Г. Бормана и его служанки. Можно предположить, что в эту семью её устроил отец, где знали о её происхождении.

Дед Ларисы со стороны матери, Сергей Цветков (муж Августы Антоновны), происходил из крестьян. Родился в 1884 г., в 14 лет стал учеником на заводе «Арсенал». Потом трудился на Путиловском заводе токарем по металлу. Участвовал в революционном движении, лишился работы и оказался в «чёрном списке», из-за чего не имел возможности устроиться ни на одно крупное предприятие. Тем не менее, поскольку обладал высокой квалификацией, его готовы были вернуть на Путиловский завод мастером. Августа Антоновна настаивала, чтобы он согласился, так как это дало бы право их дочери Ольге (будущей матери Ларисы) бесплатно учиться в гимназии. Однако из солидарности с другими рабочими он от такого заманчивого предложения отказался. На этой почве у него даже возник многолетний разлад с женой.

Работал до революции в мелких мастерских, участвовал во взятии Зимнего дворца. Двое суток отсутствовал дома и жена уже разыскивала его по моргам. В 1918 г. вступил в РКП. Потом был комиссаром Петрограда по озеленению и не дал уничтожить кованую художественную решётку, ограждавшую сад у Зимнего дворца. Её переместили к Саду имени 9 января на проспекте Стачек, где она находится и сейчас. Затем он служил в Ленинграде в различных учреждениях (райсовете, заведующим районным отделом народного образования – РОНО). В начале 1930-х годов был директором МТС недалеко от Ленинграда. В 1938 г. его арестовали как «члена зиновьевской оппозиции» и сослали в Среднюю Азию. Там он добросовестно трудился и был награж-

дён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». После войны репрессированных сослали в горный кишлак, где он скончался в 1952 г.

Мать
О. С. Гринцевич

Мать Ларисы – Ольга Сергеевна родилась в 1903 г. в г. Калуге. В детстве она окончила лишь трёхклассное городское начальное училище. Августа Антоновна была обижена на отца за то, что он не помог внучке поступить в гимназию. С 11 лет трудилась в швейной мастерской. В конце 1917 г. Сергей Цветков отправил жену и дочерей – 14-летнюю Ольгу и годовалую Людмилу, из голодного Петрограда в деревню к родителям в Калужскую губернию. С этого года Ольга (согласно ее анкете) начала «жить своим трудом» («по найму»). Служила секретарём отделения Губпотребсоюза, заведовала районным агентством Центропечати. В 1919 г. организовала комсомольскую ячейку, создала библиотеку из конфискованных у местного помещика книг. В 1920 г. была делегатом I-го губернского съезда женщин-коммунисток в г.

Калуге. В начале 1920-х годов окончила 8-месячные лекторские курсы Губсовпартшколы и стала преподавать политграмоту.

В 1922 г. вышла замуж за Гринцевича Анатолия Рафаиловича и в дальнейшем, после рождения Ларисы, была на партийно-воспитательной и пропагандистской работе в школах, техникумах, на различных курсах. Судя по всему, много «добирала» самообразованием, в 1924 г. вступила в РКП.

После Калуги Гринцевичи жили в Курске и Туле. В 1925–1926 гг. мать Ольга Сергеевна являлась депутатом горсовета г. Тулы. В 1931 г., когда партия создавала пролетарскую техническую интеллигенцию, она была мобилизована на учёбу «в счёт парттысячи, по разнарядке на Тулу». Имелась острая необходимость в инженерных кадрах, поэтому Ольга Гринцевич поступила в 1931 г. в Ленинградский институт инженеров коммунального строительства (затем Ленинградский инженерно-

строительный институт – ЛИСИ).

В 1936 г., окончив институт, Ольга Гринцевич подписала направление на работу в Одессу и с дочерью уехала туда, к мужу. В июле 1937 г. у них родилась вторая дочь - Ирина. После ареста мужа Анатолия Рафаиловича их семью из хорошей квартиры переселили в подвал. Мать не могла отлучиться от маленького ребёнка, поэтому передачи отцу в тюрьму носила Лариса. Уже в пять часов утра перед тюрьмой собирались женщины. При этом был такой эпизод: когда ворота тюрьмы открылись и показались охранники, одна из женщин сказала Ларисе: *«Девочка, ложись! Сейчас они начнут стрелять!»*. Очевидно, охрана боялась, что толпа хлынет в ворота.

Мать О. С. Гринцевич с Ларисой,
1937 г.

По возвращении в Ленинград в 1939 г. мать Ларисы с трудом устроилась на работу в контору на железной дороге. Помог ей в этом П. С. Попков – один из руководителей Ленинграда. В свое время студентка Ольга Цветкова являлась редактором многотиражной институтской газеты «На стройке», а Попков был секретарём парткома их института. По обязанности каждый очередной номер своей газеты она носила ему на подпись. Затем они дружили семьями. Жителям Ленин-

града П. С. Попков был хорошо известен во время блокады как председатель Ленгорисполкома. От него зависела их жизнь и

смерть, поскольку от его имени изменяли нормы выдачи хлеба по карточкам.

В 1941 г. мать Ольга Сергеевна эвакуировалась вместе с дочерьми Ларисой и Ириной в Молотовскую область (ныне Пермский край), в областном центре им не разрешили проживать, а их поселили за станцией Кукуштан, в деревне Платошино. К тому тяжелому, военному периоду еще возвратимся. Из Молотовской области мать по вызову возвратилась в Ленинград в 1944 г., ещё до окончательного снятия блокады во время Великой отечественной войны. Ей продолжал покровительствовать П. С. Попков. К глубокому сожалению, в 1950 г. он был расстрелян как один из участников известного и надуманного «Ленинградского дела».

По возвращении в Ленинград Ольга Сергеевна работала некоторое время в качестве заместителя директора Художественного училища при Ленгорисполкоме (ныне – Санкт-Петербургская художественно-промышленная академия имени А. П. Штиглица). Затем была научным сотрудником Ленинградского филиала Академии строительства и архитектуры СССР, выступала как профессиональный искусствовед. Являлась автором многих научных публикаций, статей в городских газетах, брошюры о проспекте Стачек, была соавтором «Историко-географического атласа Петербурга» и книги «Архитектура Ленинграда». Всю жизнь она мечтала иметь отдельную комнату, чтобы без помех заниматься своим делом. Умерла Ольга Сергеевна Гринцевич в 1964 г.

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

По возвращении матери Ольги Сергеевны с дочерьми в Ленинград в 1931 г., Лариса пошла в школу и училась в ней с 1-го по 5-й класс. Она была боевой девочкой, увлечённой революционной романтикой. Вместе с подружкой по школе и одним мальчиком (её ровесником), после 4-го класса пыталась бежать в Китай, где шла гражданская война, чтобы сражаться на стороне восставшего народа. Через пару дней изголодавшиеся и намутившиеся кандидаты в волонтеры вернулись домой.

Лариса Гринцевич – после окончания школы, июнь 1941 г.

В Одессе Лариса училась с 6-го по 8-й класс. Оценки за 8-й класс у нее неважные. По «немецкой мове» – даже переэкзаменовка на осень. Откуда мог быть у неё тогда стимул к учёбе? Мать Ольга Гринцевич на свои неоднократные запросы в НКВД не получала ответа о судьбе мужа. После того, как передачи в тюрьму для Анатолия Рафаиловича Гринцевича перестали принимать, Ольга Сергеевна в 1939 г. вернулась с дочерьми в Ленинград.

Через 19 лет – в июле 1958 г. (после открытия первого коренного месторождения алмазов в Якутии и последующих драматических

событий) Лариса вместе с супругом Виктором провела неделю в Одессе, откуда написала подробное письмо матери. Прошла по всем трём адресам, где они жили до войны, была на квартире, где в последний раз «помнила папочку». Нашла людей, которые его знали. «Встретила девочку из своего класса. Была бурная встреча». Узнала, что трёх одноклассниц «сожгли немцы» (очевидно, евреек).

Одесса показалась ей чистой, тихой, было много зелени и цветов. Разрушений она уже почти не заметила. Только от главного почтамта остались одни стены. Люди «на улицах сидят, играют, кушают, балагурят. По-прежнему бьётся море о глыбы жёлтого ракушняка, также мальчишки между камнями ловят бычков». Написала, что с маслом перебои, за сахаром большие очереди, колбаса появляется и быстро исчезает. Овощи и фрукты в госторговле плохие, а на рынке дорогие.

Совет лагеря 116-й школы г. Одессы, август 1939 г.
Лариса Гринцевич – в центре, первый ряд

Итак, вернемся в 1939 г., мать Ольга Сергеевна вернулась с дочерьми из Одессы в Ленинград. Здесь Лариса пошла в 9-й класс. В 1941 г. окончила школу, находящуюся на углу Подольской улицы и Загородного проспекта (в настоящее время – школа № 267). В 2007 г. благодаря фирме АЛРОСА («Алмазы России»), настойчивости директора школы А. С. Полищука и геолога Е. Б. Трейвуса было принято Постановление Правительства г. Санкт-Петербурга «Об установлении мемориальной доски Л. А. Попугаевой» от 31.10.2007 г.

Лариса очень любила природу. Колебалась, чему отдать предпочтение: биологии или геологии. Выбрала последнее. Интерес к геологии у нее мог возникнуть потому, что до Великой Отечественной войны в 10-м классе был предмет «Геология и минералогия», имелся соответствующий добротный учебник. По этому предмету в её табеле успеваемости из четверти в четверть выведена пятёрка. Наверно, у них был хороший учитель, сумевший увлечь своей наукой. По другим предметам нередко четвёрки, есть и тройки.

ПРАВИТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 31 октября 2007 г. N 1405

ОБ УСТАНОВКЕ МЕМОРИАЛЬНОЙ ДОСКИ Л. А. ПОПУГАЕВОЙ

В целях увековечения памяти геолога Ларисы Анатольевны Попугаевой Правительство Санкт-Петербурга постановляет:

1. Установить в 2007 году на фасаде дома № 2 по Подольской ул. мемориальную доску со следующим текстом:

«В этой школе с 1937 по 1941 год
училась геолог, первооткрыватель месторождения
коренных алмазов в нашей стране
Лариса Анатольевна Попугаева»

2. Принять к сведению, что:

2.1. Заказчиком по сооружению мемориальной доски является акционерная компания «АЛРОСА» (закрытое акционерное общество) (далее – заказчик).

2.2. Проектирование, изготовление, установка, а также последующие ремонт и реставрация мемориальной доски осуществляются за счет средств заказчика.

2.3. Обязанности по обеспечению сохранности и надлежащего содержания мемориальной доски несет заказчик.

3. Комитету по градостроительству и архитектуре по согласованию с Комитетом по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры по получении письма-заказа выдать в месячный срок документацию, необходимую для проектирования мемориальной доски.

4. Администрации Адмиралтейского района Санкт-Петербурга совместно с заказчиком организовать и провести церемонию открытия мемориальной доски.

5. Контроль за выполнением постановления возложить на вице-губернатора Санкт-Петербурга Тарасова С.Б.

Губернатор Санкт-Петербурга

В.И. Матвиенко

У мемориальной доски школы № 267 г. Санкт-Петербурга, которую окончила Л. А. Гринцевич. Дочь Н. В. Попугаева, Е. Б. Трейвус, муж Натальи Викторовны – В. А. Иванов (зять Л. А. Попугаевой)

В качестве награды от мамы за успешное окончание школы Лариса поехала в Москву. Там она жила у бывшей сокурсницы Ольги Сергеевны по институту. После начала войны на Ле-

нинградском вокзале в Москве творилось нечто невообразимое. Возможно, из-за этого Лариса вынуждена была на несколько дней задержаться в столице. Вместе со своей московской подругой грузила в машины фрукты, находившиеся на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (ВСХВ), которые передавались в детские дома и сады, эвакуировавшиеся вглубь страны. ВСХВ,

Декан геолого-
почвенного факультета
ЛГУ С. С. Кузнецов

промышленную и строительную выставки в 1950-х годах объединили в Выставку достижений народного хозяйства (ВДНХ), так что на ВДНХ она быть не могла, хотя в отдельных очерках о ней указывают на это.

Лариса в 1941 г. поступила на I курс геолого-почвенного факультета Ленинградского государственного университета. Хотя в то лето в вузы принимали без экзаменов всех окончивших школу, но могли и не принять как дочь «врага народа». Здесь следует отдать должное декану геолого-почвенного факультета С. С. Кузнецову, он спас не одну жизнь незаслуженно осужденных сотрудников университета и детей «врагов народа».

СТУДЕНТКА ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гринцевич Лариса эвакуировалась в г. Молотов (ныне г. Пермь) вместе с матерью и младшей сестрой Ириной чуть ли не с последним поездом перед тем, как замкнулось кольцо ленинградской блокады в годы Великой Отечественной войны. Немецкие войска вышли к станции Тосно 29 августа 1941 г., перерезав железную дорогу на Москву, а 30 августа они заняли станцию Мга, перекрыв железную дорогу из Ленинграда вглубь страны. Получается, что Гринцевичи уехали в Пермь не позднее 29–30 августа 1941 г.

С 1 октября 1941 г. Л.А. Гринцевич стала студенткой геолого-географического факультета Молотовского (ныне Перм-

ского) государственного университета. В своей автобиографии, датированной 23 сентября 1941 г., Лариса пишет: «...*Очень интересуясь геологией, я выбрала геолого-почвенный факультет, но мне пришлось срочно уехать из Ленинграда. Желая продолжать учебу, я подаю заявление на географический факультет (в действительности географическое отделение), но очень прошу, при первой же возможности, перевести меня на геолого-почвенный факультет (в действительности в то время факультет назывался геолого-географический)*».

Студенческий билет Л. А. Гринцевич, Молотовский
(Пермский) университет

Получила место в общежитии с оговоркой: «Иметь при себе постельные принадлежности». Получила справку, подписанную ректором университета, о том, что «никакого пайка, за исключением хлебной карточки, она в университете не получает».

По воспоминаниям пермских студентов жизнь в военные годы выглядела довольно суровой. Учебную неделю с начала войны увеличили до 42 часов. Кроме того, студенты заготавливали дрова, разгружали уголь, убирали картошку, занимались

отоплением учебных аудиторий и общежития. Многие студенты и преподаватели ушли на фронт, университет опустел. Лариса сдавала кровь (от 200 до 400 мл в месяц, согласно сохранившейся донорской книжке), это позволяло ей получать дополнительное питание. Кроме того, она училась на курсах медсестёр, прошла практику в терапевтической клинике. В начале 1942 г. обучалась на курсах пулемётчиков.

Мать Ларисы начала преподавать историю в школе в деревне Платошино вблизи станции Кукуштан Молотовской области. Была секретарём местной партийной организации, а летом ещё работала учётчицей в колхозе. Ходила по полям в галошах, обвязанных мочалкой.

Лариса привозила из Молотова в Платошино бидончики с супом, были случаи, что её матери и сестре Ирине по несколько дней нечего было есть. Весной 1942 г. мать собирала в поле прошлогодние отсыревшие колоски, а в них, как известно, плесневый грибок, вызывающий септическую ангину. Были известны нередкие случаи смерти от неё в войну, Ольга Сергеевна избежала этого, но из-за всего пережитого у нее в последующие

годы случались провалы в памяти.

Л. А. Гринцевич (слева) с подругой.
Молотов (Пермь), 1942

В марте 1942 г. Госкомитет обороны СССР обратился к девушкам с призывом идти в армию. Сотни тысяч из них ушли на фронт. Там кормили, давали одежду, избавлялись от одиночества. Женщины становились медсёстрами, связистами, сапёрами, пулемётчицами, снайперами и даже танкистами. Лариса ушла на фронт добровольцем по комсомольскому набору, вступив в ВЛКСМ в

апреле 1942 г., накануне ухода в армию. Наверно, раньше ее не принимали в комсомол как дочь «врага народа».

Согласно справке декана геолого-географического факультета ПГУ А. И. Оборина и секретаря Булдаковой, Гринцевич Лариса Анатольевна выбыла из Пермского государственного университета 13 апреля 1942 г. ввиду призыва в РККА (Рабоче-Крестьянскую Красную Армию).

Ее дядя Цветков Юрий Сергеевич (родной брат матери Ларисы) был сначала добровольцем, воевал на Лужском рубеже. На Волховском фронте в феврале 1942 г. его тяжело ранили. В госпитале г. Свердловска положили в двухместную палату для умирающих. Когда он очнулся, то понял назначение этой комнаты. Выполз из неё, забрался в коридоре в кресло и заявил, что больше туда не вернётся.

Лариса навестила его, приезжав из Молотова (Перми). Узнав, что она идёт воевать, Юрий сказал: *«Не видела горя – иди»*. Действительно, в то время была не известна судьба репрессированного отца, дед Сергей Цветков находился в ссылке, бабушка голодает в Ленинграде, мать и сестра Ирина остро недоедают в деревне под Молотовым. Но Лариса уходит в Красную Армию.

Из зачетной книжки следует, что Л.А. Гринцевич в первом семестре 1941–1942 гг. сдала следующие зачеты: «Качественный (химический) анализ», «Основы марксизма-ленинизма», «Зоология», «МПВО» (зачтено – отлично) и экзамены: «Общая (неорганическая) химия» (отлично) и «Общий курс зоологии» (хорошо).

УЧАСТНИК ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В армии призванных девушек накоротко остригли. Дочь Наташа до сих пор хранит прядь тех маминых каштановых волос. С апреля 1942 г. Лариса служила в составе 89-й зенитной артиллерийской дивизии Особой Московской армии ПВО (сначала Центрального, потом Северного фронта) в полку орудий малого калибра (зенитные пулемёты). Воевала под Москвой, Клином, Калинин (Тверью). Её воинская часть, по-видимому, находилась какое-то время в самой Москве, поскольку в одном

из очерков, заслуживающих доверия, отмечается, что Лариса по

Лариса Гринцевич – после
окончания Великой
Отечественной войны,
1945 г.

рисе деньги в армию.

Л. А. Гринцевич, Великая
Отечественная война

ночам дежурила на крыше многоэтажного дома. По другим сведениям, её часть охраняла аэродромы и мосты. Имело место, надо думать, и то, и другое. Наверно, в первый период войны, когда угроза бомбёжек столицы ещё существовала, была на её защите, лишь потом их часть получила другие задачи. По крайней мере, в марте 1944 г. Лариса находилась в 30 км к юго-востоку от Москвы, в посёлке Кратово. Дядя Юрий Цветков прислал ей туда из Платошино 200 рублей (сохранилась почтовая квитанция). Как помним, ее мать Ольга Сергеевна с дочерью Ириной голодали в Платошино, но все-таки нашли возможность послать Ла-

Ларисе приходилось со своей спаренной пулемётной установкой периодически сопровождать воинские составы, двигавшиеся к фронту. Этим объясняется то, что даже тогда, когда фронт ушёл далеко на запад, её часть продолжала находиться вблизи Москвы. Лариса стала командиром орудийного расчёта, командиром отделения, вместо бойца, погибшего при атаке пикирующих бомбардировщиков на эшелон их сопровождения.

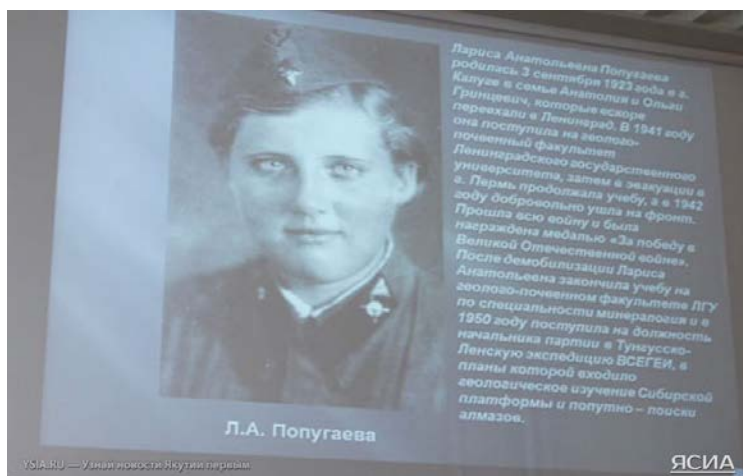
Товарищи избрали Ларису

комсоргом сначала роты, а затем и батареи, выделяя ее за душевные и деловые качества. Она была активным и неравнодушным человеком, в декабре 1944 г. вступила в ВКП(б). В качестве партийного задания ей поручали проводить политбеседы с бойцами своего отделения. Например: «Чему учит книга товарища Сталина «О Великой Отечественной войне советского народа» и «Чистота в землянке». Отсюда следует, что они жили тогда в землянках, а не в Москве, как отмечается в отдельных очерках.

Л. А. Гринцевич (справа) с фронтовыми друзьями, май 1943 г.

Во фронтовой газете была заметка об успехах в боевой подготовке Л. Гринцевич и её боевых подруг. Так, впервые в печати появилась её фамилия. Ларису Гринцевич наградили знаком «За отличную службу и боевую подготовку». В 1943 г. была награждена знаком «Отличный артиллерист» с формулировкой «За ведение огня по фашистским самолётам». В 1945 г. была награждена медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Слайд, демонстрировавшийся в 2014 г. при вручении Л. А. Попугаевой (посмертно) диплома «Первооткрыватель трубки Удачная»

Елагина Е. Н. о военном периоде Ларисы вспоминала: *«Их часть входила в состав противовоздушной обороны столицы. Зима стояла суровая, и длительное пребывание в лютую стужу под открытым небом сыграло с ней злую шутку. Лариса застудила голову и до конца своих дней мучилась от внезапных приступов страшной головной боли. С началом приступа она смертельно бледнела, под провалившимися глазами появлялись чернильно-черные круги, захватывающие половину щеки. Изнуряющие приступы иной раз продолжались по несколько часов, выматывая и принося полный упадок сил».*

Ближайшей подругой Ларисы в армии была Эмма Гишинская. Они вместе учились в Молотовском университете, вместе ушли в армию. Эмма Абрамовна Гишинская после войны окончила геологический факультет Московского университета, защитила кандидатскую диссертацию. Позднее они встречались в Москве. Конец войны застал Ларису в Люблино на южной окраине Москвы.

СТУДЕНТКА ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Ларису демобилизовали 23 июля 1945 г. по вызову Ленин-

Лариса Гринцевич – после окончания Ленинградского университета, 1950 г.

градского государственного университета для продолжения учёбы. Она вновь подала заявление 8 августа 1945 г. на I курс и 14 августа была зачислена на геолого-почвенный факультет. Сейчас она вместе с матерью и сестрой Ириной жили на Можайской улице, недалеко от бывшей своей школы № 267, где по возвращении из эвакуации матери дали две комнаты в коммунальной квартире. До Одессы, т. е. до 1936 г., они жили на Стремянной улице, перед Великой Отечественной войной - в районе Московского проспекта в общежитии ЛИСИ.

Сохранились три записные книжки Ларисы довоенных и военных лет. Начальные записи в них относятся ко времени до 1935 г., судя по крупным буквам старательного и неуверенного детского почерка. Указаны адреса друзей. Против некоторых фамилий пометки: «Умерла в марте 1942 г.», «Убит в сентябре 1942 г.». Из числа юношей её 10-го класса остались в живых после войны только трое. Подавляющая часть – это военные записи. Например, 26 февраля 1942 г.: «Разборка пулемета Дегтярёва», в другом месте приведены тактико-технические данные немецких, американских и английских самолетов; даны упреждения при стрельбе по парашютистам: при расстоянии до них в 100 м – упреждение в 1 фигуру, при расстоянии в 200 м – 1,5 фигуры, указаны упреждения в стрельбе по самолётам в зависимости от расстояния до них; характеристики шанцевого инструмента; размеры окопов.

Здесь же строчки из Гёте:

«Ах, если бы латы и шлем мне достать,
Я стал бы отчизну свою защищать...»

Уж враг отступает пред нашим полком.
Какое блаженство быть храбрым бойцом».

А затем цитата: «Родина – какое грандиозное и дорогое, необъятное и близкое, милое и любимое слово. Родина!...».

Имеется расписание занятий в осенний семестр 1941 г. в Молотовском университете и осенью 1945 г. – расписание занятий в Ленинградском университете. Последняя запись относится к марту 1946 г. по книге рассказов академика А. Е. Ферсмана «Воспоминания о камне» и цитата из неё о кроваво-красном минерале эвдиалите с Кольского полуострова и о том, что вкрапления этого минерала в горной породе, по местной легенде, являются каплями застывшей саамской крови. Надо думать, что романтические новеллы Ферсмана были созвучны её натуре.

В Ленинградский университет на занятия Лариса пришла в гимнастёрке, опоясанной ремнём. Лишь на III курсе сумела купить своё первое платье. На I курсе стипендия составляла 210 рублей, на последнем выросла до 493 рублей. С скромные для того времени суммы, а ей (отнюдь уже не юной девушке) приходилось просить у матери деньги на трамвай. Инвалиды войны имели тогда право ездить в трамвае бесплатно. Однажды она засунула руку за ремень гимнастёрки, изображая из себя инвалида, и билет не взяла. К ней подошёл кондуктор и пощупал её руку. Она отговорила тем, что рука у неё есть, но не действует.

На IV курсе заняла первое место по университету в стрелковых соревнованиях, имела меткий глаз и твёрдую руку. Играла в баскетбол, занималась плаванием.

Но будучи старше сокурсниц, пройдя армию и фронт, она одна из всех студенток на курсе курила. Поэтому в перерыве обычно держалась на лестничной площадке у кафедры минералогии в компании с парнями-курильщиками, так что некоторым казалось, что она ведёт себя свысока. Однако в действительности это было не так. Обычно Новый год их студенческая группа праздновала у неё дома и сейчас та лестничная площадка представляется как некая достопримечательность.

Автобиография

я, Лариса Анитольевна Гринцевич, родилась в 1923г. в г. Калуге Московской обл.

В 1930г. жила в г. Туле с родителями.

В 1930г. мать по призыву родственников приехала в г. Ленинград и поступила в Ленинградский Строительный институт, издатель в Ленинграде я и начала учиться. До 1935г. училась в 5ой средней школе г. Ленинграда. В 1935г. переехала в

г. Одессу с родителями где училась до 1938г. в 3^{ей} средней школе. В 1937г. была призвана фронталь НКУД в г. Одессе, где она работала секретарем РККА и Пригородного района и с матерью и сестрой уехала в Ленинград.

В 1941г. окончила 10^ю 15^ю среднюю школу Трудового района в Ленинграде и поступила в Ленинградский Университет на политехнический факультет. В сентябре

в связи эвакуации с матерью выехали в г. Молотов (обл.), где поступила в Молотовский Университет на политехнический

факультет. Окончила при Университете курсы мед. сестер и работала в Клинике, была доктором. В 1942г. в апреле поступила в

ряды ВЛКСМ. В сентябре 1941г. в члены профсоюза высшей школы. В апреле 1942г. удовлетворено заявление в РККА, где служила в особой московской Армии ПВО в 89 зен. арт. дивизии

в должности ком. взвода и звания м. сержанта с 1942-1945г. по общественно-партийной работе работала комсоргом роты, а потом батальона.

Автобиография студентки Ларисы Гринцевич,
архив СПбГУ

Юноши вокруг в основном были восемнадцатилетними мальчиками, только что окончившими школу. Их она воспринимала уже как другое поколение. В неё на всю жизнь безответно влюбился студент-геолог, с которым она познакомилась на практике в Карелии. Она нравилась также молодому человеку-армейскому капитану, имеющему ордена и медали. И он был ей небезразличен. Когда он оканчивал Академию связи, то предложил ей выйти за него замуж. Она со стеснённым сердцем отказала ему, понимая, что из-за своей биографии испортит его служебную карьеру.

Был с ней и такой неприятный эпизод. В её личном деле в Ленинградском (ныне Санкт-Петербургском) государственном университете хранится докладная записка начальника пожарно-сторожевой охраны университета на имя ректора от марта 1947 г. о том, что студентка Лариса Гринцевич, «не обращая внимания на просьбу сторожа Новиковой раздеться, оттолкнула сторожа, выругала нецензурными словами и прошла в галошах и пальто в помещения ЛГУ, нанесла удары сторожу сумкой с бранью». Наверно, вахтёрша тоже вела себя грубо, схватив её за рукав и спровоцировав Ларису на такой поступок, хотя начальник охраны об этом, естественно, умолчал. Подобного сорта охранницы того времени хорошо памятливы. Лариса получила выговор приказом ректора по университету, несмотря на то, что хорошо училась и была активной общественницей. В разное время она являлась старостой курса, секретарём комсомольской организации факультета, партторгом курса, старостой научного кружка.

Отмечен данный факт потому, что следует описывать человека таким, каким он был на самом деле. Не надо изображать его идеальным героем, «без страха и упрёка», как это нередко делается. Гораздо интереснее показать, как человек идёт к великим свершениям, преодолевая не только внешние препятствия, но и собственные недостатки и слабости. Война, конечно, потрепала Ларисе нервы, наложила отпечаток на характер. Однако подчеркнём, что сквернословие не являлось её привычкой. Она также избегала употреблять спиртное. Находясь в компании, она пригубливала его лишь символически. Геолог Екатерина Нико-

лаевна Елагина так о ней писала: *«Неля пила с какими-то невыразимыми выкрутасами, зажимала пальцами нос, ухитрялась закрывать даже уши и с долгим мучительным бормотаньем, показывая предельную степень своего отвращения, опрокидывала рюмку. Никакого удовольствия смотреть на эти манипуляции не возникало. Выпивать в её обществе бывало неинтересно»*.

Иногда Лариса проявляла грубоватость (скорее, нарочитую, наносную), унаследованную, понятно, от армейской службы. Около четырех лет у зенитного пулемёта среди матерящихся мужчин (её воинская часть была смешанной) не могли пройти бесследно даже для самых сублильных девиц. Эта хрупкая девушка со светло-каштановыми косами, уложенными венцом вокруг головы, большими голубыми глазами и «персиковым» цветом лица была открытой и весёлой. Красавица. Описывают её также такой: «Заводная, жизнерадостная, решительная». Вела себя и с товарищами, и с преподавателями одинаково свободно, непринуждённо, была «абсолютно незакомплексованная». Рисуют её очень доброй и большой фантазёркой. Помнят её красивые, как у пианистки, кисти рук.

А вот первое впечатление о ней Екатерины Елагиной, которая познакомилась с Ларисой в октябре 1953 г. в гостинице г. Иркутска и до самой её кончины дружившей с ней: *«Прехорошенькая, прекрасно сложенная Неля, с нежными, пастельными красками лица и пепельными волосами, подобна была французской статуэтке... Если бы не слишком серьёзное выражение выразительных глаз, она казалась бы вчерашней примерной школьницей»*. При этом *«говорила она грубым прокуреным голосом, не выпуская из рук дымившуюся папиросу “Беломор”, шокируя этим незнакомых людей»*.

Сначала все студенты в ЛГУ обучались по единой программе. Индивидуальная специализация (по желанию) определялась на III курсе. Лариса выбрала кафедру минералогии. Училась прекрасно. Её портрет находился на университетской Доске Почёта. На V курсе получала именную стипендию имени академика Ф. Ю. Левинсон-Лессинга. Согласно её «Учебной карточке студента», из 37 оценок: 20 – «отлично», остальные – «хорошо».

Лишь на госэкзамене по основам марксизма-ленинизма получила оценку «удовлетворительно», видимо, из-за то, что после за-

Портрет Ларисы Гринцевич –
на Доске Почета
Ленинградского университета

щиты дипломной работы на подготовку было всего 3 дня.

Примерно в 1960 г. Лариса нечаянно заглянув в зачётную книжку сестры-студентки Ирины и обнаружив там тройки, была возмущена: *«Я так не училась! Одна мама – разные дети»*.

Летом 1946 г. Л.А. Гринцевич была на учебной полевой практике на реке Тосна под Ленинградом. В 1947 г. работала коллектором полевой партии от кафедры общей геологии университета в Ленинградской области, занималась изучением осадочных горных пород, в летний сезон 1948 г. – старшим коллектором Сунской партии Ленинградского (в дальнейшем Северо-Западного) геологического управления, занимавшейся геологической съёмкой в районе реки Суны (Центральная Карелия), с марта 1949 г. по июнь 1950 г. – прорабом-геологом той же Сунской партии. В летний сезон 1949 г. она изучала геологическое строение и особенности медно-сульфидного и железорудного месторождений того же района Карелии. В поле находилась по 4–5 месяцев.

Жить было трудно, поэтому одновременно с учёбой была вынуждена работать в зимнее время в этом геологическом управлении, собирала материал и получала опыт для написания дипломной работы: «К минералогии магнетитового месторождения западного берега озера Селецкого». Река Суна перетекает из одного живописного озёра в другое, падает водопадами с гранитных скал, по её берегам стояли многовековые еловые и сос-

новые боры. Великолепный водопад Кивач на Суне воспел в своём стихотворении Гаврил Державин. Лариса сохранила чуждые впечатления об этом крае. Она снова побывала в Карелии и на юге Кольского полуострова в 1970-е годы, когда изучала поделочные и ювелирные камни в тех местах.

Уровень преподавания на геологическом факультете Ленинградского государственного университета всегда был высоким как наследие глубоких традиций в течение двух столетий существования университета к тому времени. Например, кристаллооптику Лариса изучала у знатока в этой области Виталия Борисовича Татарского, тогда ещё доцента, впоследствии профессора и заведующего кафедрой кристаллографии – автора учебника, по которому студенты учились много десятилетий. Очень строгий, но объективный. Он поставил ей на экзамене оценку «отлично», заслужить которую у него было трудно. Она тогда ещё не подозревала, что знания как раз в этой области ей особенно понадобятся в дальнейшем.

Таким образом, Лариса получила во время учёбы основательную и разностороннюю теоретическую и практическую геологическую подготовку. Дипломную работу она защитила на «отлично» 28 мая 1950 г., а 1 июня ей присвоили квалификацию «Геолог» по специальности «Геохимия». По распределению была направлена во Всесоюзный геологический институт (ВСЕГЕИ) в Тунгусско-Ленскую экспедицию к Ивану Ивановичу Краснову – знающему специалисту, в дальнейшем доктору наук.

ИССЛЕДОВАНИЯ СИБИРСКОЙ ПЛАТФОРМЫ ДО ОТКРЫТИЯ КОРЕННОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ АЛМАЗОВ Л. А. ПОПУГАЕВОЙ

Наша страна остро нуждалась в алмазах. Их продажа могла дать валюту. Однако более важной являлась необходимость в технических алмазах для абразивного и режущего инструмента, других разнообразных и ответственных целей. Отсутствие у нас алмазных буровых коронок резко снижало скорость бурения скважин. Большую часть на мировом алмазном рынке составляют именно эти алмазы. Россыпные уральские месторождения алмазов не обеспечивали потребность в них.

Независимость и безопасность нашего государства требовали наличия собственных коренных алмазных месторождений. Английский журналист Тимоти Грин в книге «Современный мир алмазов» (М., 1993) написал, что русские в те годы «выступали в качестве жадных покупателей технических алмазов во всякого рода тёмных закоулках Запада». Это были нелегально добытые в Африке алмазы, которые «по разным тайным каналам попадали в Москву, ...чемоданы дипломатической почты, посылаемые в Москву русским посольством в Бейруте, часто заполнялись техническими алмазами». Обычная неприязнь Запада к нам сквозит в его словах. Кто нас вынудил к этому, почему мы шли на это, его не интересует.

Громадная часть Сибири приходится на Среднесибирское плоскогорье. Оно простирается с запада на восток почти на 1,5 тыс. км от долины реки Енисей до долины реки Лены. С юга на север оно занимает также около 1,5 тыс. км, начинаясь приблизительно на широте Иркутска и немного не достигая Ледовитого океана. Преобладающая часть этого плоскогорья – сравнительно однообразная в геологическом отношении территория, называемая геологами Сибирской платформой. Она сложена слоистыми толщами известняков и мергелей, местами перекрытых обширными полями траппов – скалистых покровов, образовавшихся в результате извержения древних мощных вулканов. Здесь со второй половины 1940-х годов искала алмазы крупная Амакинская геологоразведочная экспедиция 2-го Союзного треста Главуралсибгеологии Министерства геологии (название экспедиции и её ведомственная подчинённость указываются на момент 1953–1955 гг.). В эти годы в ней работало уже более 1000 человек.

Сибирская платформа является сходной по некоторым своим существенным геологическим особенностям с южной частью Африки с её алмазными месторождениями в телах кимберлитовых пород. Кимберлиты образовались в результате того, что магматическим расплавам удалось вырваться к земной поверхности под действием грандиозных газовых взрывов в глубинах Земли. Эти тела имеют обычно форму, близкую к цилиндрической. Потому их именуют трубками взрыва (иногда их называют также красивым иностранным словом – диатремы). Они облада-

ют небольшой конусностью. Вершина этого конуса, обращённая вниз, может находиться на глубине в 1000 м и более. Однако следует сказать, что во многих случаях тела кимберлитов именовать «трубками» можно лишь весьма условно. Например, трубка «Якутская» в плане, т. е. в своём горизонтальном сечении, вытянута и напоминает по форме гантель. Кимберлиты иногда имеют также форму жил, рассекающих слои осадочных горных пород, или линз, залегающих согласно с этими слоями. В зависимости от того, в какие ослабленные зоны или в какие образующиеся на мгновения под давлением снизу «щели» в земных толщах кимберлитовой магме удалось внедриться и застыть, там и находятся тела этой горной породы, приобретая соответствующую форму. Кимберлитом она названа по посёлку (теперь городу) Кимберли в Южной Африке, вблизи которого на неё впервые обратили внимание.

Амакинская экспедиция получила в свое распоряжение всё, от буровых станков до самолётов. В центре Якутии на берегу Вилюя в районном центре – посёлке Нюрба она построила большую собственную базу. Нюрба стала «столицей» алмазных поисков в Якутии. Этой экспедиции удавалось находить в рыхлых наносах по рекам Якутии отдельные алмазы и их небольшие россыпи. Однако после 8–9 лет работы вплоть до 1955 г. ей не удалось выйти на коренные месторождения алмазов. Поиск шёл не так и не там. Алмазы искали по алмазам, двигаясь по рекам, перерывая сотни и тысячи кубометров речных отложений. На работу вдохновляли находки аллювиальных алмазов, а отнюдь не сходство с Южной Африкой, которое большинство геологов просто не признавало. Сам термин «кимберлитовая трубка» не был ими ещё принят, такое понятие как «кимберлит» вошло в их обиход только после открытия Ларисы Попугаевой. Михаил Андреевич Гневушев, один из руководителей Амакинской экспедиции в то время, описал сложившуюся к 1953–1954 гг. обстановку так: *«В конце концов создалось такое положение, что только некоторые геологи по-прежнему верили в то, что сибирские алмазы так же, как африканские, происходят из трубок взрыва»*. Трудно сказать, сколько ещё времени, усилий, денежных затрат потребовалось бы, чтобы выйти им на коренные

алмазные месторождения.

Бобков Николай
Андреевич

В то переломное лето 1954 г. отряды Амакинской экспедиции уже продвигались по реке Малая Ботуобия (правому притоку Вилюя), в значительной степени следуя предсказанию своего геолога **Николая Андреевича Бобкова**, доказавшего, что вынос алмазов в Вилюй идёт из этой реки. Сам Бобков в это время уже отсутствовал, он утонул в р. Вилюй годом раньше. Ему был всего 31 год. Те, кто его знали, называли «гением поиска». Причина его гибели до сих пор в значительной степени остаётся загадочной.

Представим себе западную части Якутии, относящуюся к тем годам. Посёлок Мухтуя на ней – это город Ленск, получивший широкую известность после того, как был смыт в весеннее половодье 2002 г. Когда-то глухой населённый пункт благодаря открытию алмазов превратился в крупный город. Грузы поступают в него по реке Лене и по воздуху. Из Ленска начинается широкий тракт для многотонных автомобилей через некогда дикие места в направлении на север–северо-запад до города Удачного на реке Далдын и далее до посёлка Оленёк. Построить такую дорогу стало само по себе великим достижением. Город Мирный, что вблизи трубки «Мир» находится немного южнее реки Вилюй по этому тракту в 250 км от города Ленска. Далее до Удачного – ещё 400 км. Это другой промышленный район извлечения коренных алмазов, где находятся трубки «Зарница», «Удачная» и др. Мирный и Удачный – возникшие на пустом месте многоэтажные современные города.

Полное бездорожье и чрезвычайные зимние холода вызвали сильнейшую оппозицию в правительственных верхах в

Москве началу разработки алмазных месторождений Якутии, «сломать» которую пришлось самому Н. С. Хрущёву.

Переломным моментом во всей алмазописковой истории в Сибири следует считать 1950 г., когда в Ленинграде в Центральной экспедиции того же треста было начато систематическое исследование минералов, составляющих тяжёлую фракцию (шлих) песчано-гравийных речных отложений, по шестилетней научной теме «Шлиховая карта Сибирской платформы». Такая карта должна была отражать распространение на данной территории тяжёлых минералов в речных наносах. Упор при этом предполагалось сделать на выявлении минералов, сопутствующих алмазу в коренных породах и попавших при их разрушении в речные наслоения. Имея подобную карту с выделенными на ней местами скоплений упомянутых минералов, можно, очевидно, говорить о том, где искать коренные алмазы.

Шестопалов
Михаил Федорович

Заслуга в постановке указанной темы принадлежит начальнику Центральной экспедиции и её главному инженеру **Михаилу Фёдоровичу Шестопалову**. Он родился в 1903 г. на Урале. В 1936 г. окончил Ленинградский горный институт. Уже с середины 1930-х годов он искал алмазы в Сибири, на Кольском полуострове, Урале и имел полное представление о состоянии дел в этой области. Решительный человек, он в конце июля 1946 г. написал частное письмо И. В. Сталину, обращая его внимание на необходимость сосредоточения наших немногочисленных кадров

геологов-алмазников в одной организации и активизации работ по поиску алмазов. Копия этого письма сохранилась и частично опубликована.

В 1946 г. Сталин, помня, очевидно, о том, как остро вставали проблемы с минеральным сырьём во время Великой Отечественной войны, занялся организационными вопросами геологической службы. В июне того года Комитет по делам геологии был преобразован им как Председателем Совета Министров СССР в Министерство геологии (первое в мире). Несомненно, о создании геологического министерства знал Шестопалов, что и следует считать толчком к написанию его письма Сталину. В спецотделе его экспедиции испугались, замахали на него руками, письмо Сталину не взяли, и он отправил его обычным путём.

Сталин любил, чтобы всё делалось быстро. Буквально несколько дней спустя после того, как Шестопалов отнёс своё письмо на почту, уже в начале августа, к подъезду дома в Ленинграде, где он жил, подали машину. Его доставили в аэропорт, привезли в Москву, отвели номер в гостинице. Там Шестопалов написал доклад и через три дня выступил на Совете Министров. Сталин разозлился: «Вы говорите, что мы должны сворачивать работы по алмазам, а рядовой инженер знает, где их искать!» (из пересказа Полины Гавриловны Гусевой – жены М. Ф. Шестопалова). Уже в октябре 1946 г. по постановлению Совмина СССР было создано Третье геологическое управление, направленное на поиски алмазов (Первое геологическое управление занималось ураном, второе – золотом). Оно впоследствии и стало упомянутым выше 2-м трестом. К глубокому сожалению, М. Ф. Шестопалов умер 2 июня 1954 г. в результате обострения болезни почек, не дожив двух с половиной месяцев до успеха начатого им дела.

Для выполнения намеченной темы в Центральной экспедиции организовали партию № 26, начальником которой назначили **Наталию Николаевну Сарсадских**. Она родилась в 1916 г., окончила Ленинградский университет в 1938 г. с присвоением квалификации «Геолог-петрограф». По распределению была направлена на Соликамский гидроузел в Пермскую область, но работала, в основном, в Ленинграде, приезжая на Каму только летом, когда там организовали полевую лабораторию. Именно здесь Сарсадских пришлось впервые столкнуться с минералогическими исследованиями, что впоследствии станет ее основным

занятием и любимым делом. С 1941 г. она в эвакуации на Урале, работает на базе Уральской алмазной экспедиции в должности

Сарсадских
Наталья Николаевна

минералога вместе с мужем, начальником шлихоминералогической лаборатории А. А. Кухаренко. В 1945 г. семья Кухаренко возвратилась в Ленинград, где позже Сарсадских была принята на работу в Центральную экспедицию Третьего геологического управления Министерства геологии СССР в должности минералога, далее – начальника шлихоминералогической лаборатории.

Первый раз в Сибири Н. Н. Сарсадских начала работать летом 1950 г. в экспедиции Н. Н. Геракова, он занимался алмазной тематикой еще на Урале. По приглашению Геракова Наталья Николаевна отработала полевой сезон во временной шлиховой шлиховой лаборатории на р. Пит. В этом же году Центральная экспедиция была организована партия № 26 для проведения многолетней темы «Шлиховая карта Сибирской платформы», ответственным исполнителем была назначена Сарсадских, при этом некоторое время еще оставалась заведующим шлихоминералогической лаборатории.

Испытания этой женщины в 1950–1953 гг. вместе с двумя-тремя спутниками заставляют вспомнить рассказы Джека Лондона. Терпела холод, теряла направление маршрутов. Кончала работу, когда уже лежал снег, а по рекам плыл лёд. В один из переходов по следу их каравана шли волки, которым удалось отбить нескольких оленей. Раций геологи тогда ещё не имели, и по несколько месяцев от неё не было никаких сведений из тайги. В полевой сезон 1951 г. её даже сочли погибшей. После приезда в Ленинград была неузнаваема, так она исхудала. До ухода на пенсию в 1978 г. продолжала заниматься алмазной тематикой, работая во ВСЕГЕИ. Умерла в апреле 2013 г., на 97 году жизни.

Кухаренко
Александр Александрович

Александр Александрович Кухаренко (1914–1993) – один из ярких представителей среди первых алмазников, наделенных ясным, четким умом и большим талантом. К сожалению, в публикациях, посвященных алмазам, ему отводится недостаточно внимания, между тем благодаря ему были сделаны решающие шаги к коренным источникам алмазов. Родился он 15 декабря 1914 г. в Москве и, оставшись круглым сиротой, в 1924 г. был направлен в трудовую школу для беспризорных в Ташкент. Здесь он окончил четыре класса и получил навыки в слесарном деле. В 1930 г. приехал

из Ташкента в Москву, где по путевке биржи труда поступил в ФЗУ. По его окончании работал на заводе и одновременно учился в вечернем техникуме.

В августе 1933 г. попал под сокращение, отправился в Ленинград и успешно выдержал вступительные экзамены на геолого-почвенно-географический факультет Ленинградского университета. В 1938 г. А. А. Кухаренко был направлен химиком на одно из предприятий Сибири, однако поехал в Москву, добился приема у Н. К. Крупской и получил распределение в ЦНИГРИ. Здесь он продолжил работу в группе неметаллов по поиску алмазов, начатую еще студентом под руководством М. Л. Лурье на Кольском полуострове.

С осени 1939 г. А. А. Кухаренко – командир пехотного взвода, участвовавшего в боях с белофиннами на Карельском фронте. После ранения и демобилизации в мае 1940 г. он возвращается во ВСЕГЕИ и поступает в аспирантуру к С. М. Курбатову. С 1941 г. А. А. Кухаренко работает в Уральской алмазной экспедиции, созданной на базе алмазных секторов ВСЕГЕИ и ВИМСа, где работал до конца 1946 г. Газета «Известия» за 16

февраля 1944 г. писала об этих работах: *«...экспедиция установила алмазоносность целого ряда районов вдоль рек западного склона Уральского хребта. Началась их промышленная разработка, и родилась советская алмазная промышленность. Это случилось в самый разгар Отечественной войны. И за последние полтора года алмазов добыто во много раз больше, чем за предыдущие 112 лет».*

Таким образом, первые крупные научные исследования А. А. Кухаренко связаны с поисками алмазоносных отложений Урала. Им были детально изучены минералогия и кристаллография уральских алмазов, предложены методики минералогического и гранулометрического изучения обломочного материала, впервые оценены отдельные отложения Урала на алмазоносность. По результатам этих исследований он защищает в 1944 г. кандидатскую диссертацию на тему «Минералогия уральских алмазов», а в 1954 году – докторскую. В 1961 г. возглавил кафедру минералогии Ленинградского государственного университета и руководил ею более четверти века – до 1987 г.

К этому времени он уже считался одним из крупнейших минералогов страны, приобретая мировую известность. Он принадлежал к тому типу людей, которые умеют без тени улыбки, с бесстрастным выражением лица, ровным, нудноватым голосом заставлять окружающих смеяться. Быстрое продвижение вверх по служебной лестнице не делало его недоступным, он по-прежнему продолжал сотрудничать с алмазниками, но уже в должности консультанта. Сибирские регионы не входили в сферу его научных интересов, он там не работал, тем не менее в открытии первых кимберлитовых трубок Якутии А. А. Кухаренко сыграл важную роль.

К 1950 г. накопились данные о тяжёлых цветных минералах, встреченных вместе с алмазами на реках Сибирской платформы. Минералы, которые сопровождают алмазы в их россыпях на Урале, к тому времени выявил А. А. Кухаренко. На эти сведения Н. Н. Сарсадских и собиралась опираться. Однако среди них не было двух, характернейших для алмазных месторождений Ю. Африки, которые сыграли в дальнейшем ключевую роль при открытии якутских кимберлитов.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ, 1950–1951 ГОДЫ

Ларису Гринцевич распределили на секретную тематику по недосмотру кадровиков из Министерства геологии, не обративших внимание на то, что она – дочь репрессированного. Когда там обнаружили, то прислали бумагу с требованием отозвать из ВСЕГЕИ и направить в другую организацию, но она уже уехала в поле в экспедицию с И. И. Красновым. Иван Иванович сразу выделил её среди пришедшей к нему молодёжи. Она только начинает у него работать, а он уже пишет ей как равной деловое письмо, сообщая о новом приборе для поиска алмазов, основанном на их люминесценции (свечении в ультрафиолетовых или рентгеновских лучах). В Киренске почему-то поручает ей получить багаж, а не своим молодым мужчинам.

Краснов Иван
Иванович

Летом 1950 г. в городе Киренске Иркутской области начался совместный маршрут партии Сарсадских и экспедиции Краснова, в которой была Лариса Гринцевич. Там обе женщины подружились. Перевалив водораздел между Леной и Нижней Тунгуской, геологи достигли верховьев Нижней Тунгуски. Далее сплывались по ней. Сарсадских и Краснов выполняли при этом собственные задачи. Краснов поручил Ларисе Гринцевич провести вместе всего лишь с одним практикантом геологические исследования на протяжении 200 км вдоль реки Непы (западный

приток Нижней Тунгуски). Вверх по реке, очевидно, им нужно было всё тащить на спине и тянуть на лодках за собой. Это был тяжёлый полуторамесячный маршрут. Ларисе казалось, что вернулись военные годы. И лишь «твёрдость фронтового времени» позволяла «выдерживать напряжённый труд» (слова из её интер-

вью немецкому корреспонденту спустя много лет). Люди тогда уходили в многодневный дальний маршрут, и, как правило, по-прежнему не было известно, что с ними, до их возвращения.

В Министерстве геологии в покое Ларису не оставили. В апреле 1951 г. перевели из ВСЕГЕИ в Центральную экспедицию 2-го треста, где был более низкий уровень секретности. Указанный мотив её перехода из первоклассного научного учреждения и от сильного руководителя в производственный трест выяснился из черновика её письма, сохранившегося у её дочери Наташи и написанного весной 1951 г. в какую-то служебную инстанцию. В нём она с возмущением и глубокой обидой говорит о том, что она воевала, доброволец, член партии – и всё равно в Центральной экспедиции её не допускают к настоящей работе из-за репрессированного отца.

Л.А. Гринцевич – на р. Щугор,
Урал, 1951 г.

Работавшим рядом с ней тогда в Центральной экспедиции людям Лариса Гринцевич запомнилась как оптимист, «очень энергичная и обаятельная», «яркая», «открытая» и, опять-таки, «незакомплексованная». Полевой сезон 1951 г. она провела в геологической партии от Центральной экспедиции на реке Щугор, правом притоке реки Печоры. Щугор – большая река, её длина – около 300 км. Сначала она течёт на север по самому Уральскому хребту, а потом резко поворачивает на запад, вырываясь на равнину Европейской России. По широтному отрезку

Щугора проводят границу между Северным и Приполярным Уралом. Места суровые, однако красивейшие: величественные горы, хвойные леса по их склонам. Сбегая с них, быстрые и

сильные речные потоки пополняют Щугор.

Лариса являлась начальником отряда, включавшим двух практиканток, студенток с географического факультета Ленинградского университета, и занималась поиском алмазов в рыхлых отложениях. То есть уже тогда ей пришлось иметь дело с исследованием шлихов.

Успеха эта работа не принесла. Значит ли это, что она трудилась небрежно или неумело? Ведь у реки Щугор очень большой бассейн водосбора, причём она размывает вместе со своими притоками самые разнообразные горные породы. Удалось установить следующее. Около того времени по ней прошла другая геологическая партия, искавшая золото. В своих шлихах она попутно обнаружила лишь редчайшие и мелкие (не более долей миллиметра) алмазные осколки.

РОЖДЕНИЕ СЕМЬИ ПОПУГАЕВЫХ И КВАРТИРНАЯ ПРОБЛЕМА

В 1952 г. Лариса в поле не выезжала. Она вышла замуж за **Виктора Степановича Попугаева** и родила дочь Наташу. Муж Виктор был на три года её моложе, она его знала давно как брата Лиды Попугаевой – девочки, с которой когда-то предприняла «китайскую авантюру». Он окончил Институт инженеров железнодорожного транспорта в 1948 г. Затем несколько лет трудился по распределению в железнодорожном депо на станции Емца в Архангельской области.

В дальнейшем преподавал «Соппротивление материалов (сопромат)» и «Теоретическую механику» в Ленинградском инженерно-строительном институте (ЛИСИ), был доцентом, проректором по вечернему и заочному обучению. У них дома во время экзаменационных сессий постоянно были студенты, являвшиеся пересдавать экзамен. В 1960-х годах защитил кандидатскую диссертацию. Умер в 1994 г.

Двоюродный брат Ларисы Анатольевны, Юрий Александрович Цветков (сын её родной тёти Людмилы, младшей сестры матери), тепло вспоминает «дядю Витю», который репетировал с ним, пятнадцатилетним мальчиком, математику. Юрию Александровичу его знаменитая родственница казалась «комиссар-

шей». В одном из очерков Виктор по выражению Ларисы назван «вологодским мужиком». Он действительно происходил из вологодских крестьян. В Ленинград его привезли в годовалом возрасте.

Наталья Николаевна Сарсадских приняла активное участие в судьбе Ларисы при рождении дочери: принесла в роддом бельё её ребёнку, пальто самой Ларисе, которая тогда материально нуждалась. В честь Сарсадских Лариса назвала дочь Наташей. Лариса со своей малышкой жила некоторое время у мужа на станции Емца.

Через 12 лет (перед поездкой в Москву в 1964 г. на совещание к председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину) бывший заместитель директора ВНИИЮвелирпрома Ю. А. Зиновьев внушал Попугаевой, чтобы она попросила квартиру. Разумеется, о собственных проблемах умолчала. Лариса была «пробойной», но не тогда, когда это касалось её лично.

Президиум Верховного совета Якутской АССР в 1967 г. ходатайствовал перед ленинградскими властями о предоставлении семье Попугаевых квартиры. За них хлопотали руководство ВНИИЮвелирпрома, ректор ЛИСИ. Она в униженном тоне писала письма в разные инстанции: *«Я пот еряла здоровье на фронт е, в многолет них исканиях в т айге, нуж даюсь в спокойной обст ановке и от дыхе после работ ы, нуж даюсь в полноценном от дыхе»*.

Вынуждена была напоминать о своём открытии, ордене Ленина, ссылалась на публикации о ней. Однако, поскольку они жили втроём в двух комнатах площадью в 40 кв. м при отдельных входах в них, все эти обращения не имели успеха. Попугаевы продолжали обитать всё в той же коммуналке на шесть семей на Можайской улице. Пьяный сосед-алкоголик спал на полу в коридоре и им приходилось переступать через него.

Лишь после письма Министерства геологии в Ленинград в 1974 г. Попугаевы получили на улице Кораблестроителей трёхкомнатную квартиру такой же площади, какую имели в коммунальной квартире. Столь «большую» квартиру им предоставили лишь потому, что по существовавшему тогда положению она на тот период как кандидат наук имела право на дополнительную

площадь. Лариса как человек творческий сразу увлеклась её отделкой. Позднее Попугаевы построили дачный домик в Синявине, купили «Жигули» первой модели и съездили на ней по «Золотому кольцу» у Суздаля.

Жест, когда Лариса прикладывала ладонь ко лбу и говорила: «Как болит голова!», наблюдали у неё десятилетиями. Головные боли преследовали её с армейской службы. Она считала, что это результат пребывания в большие морозы на наблюдательном пункте высоко над землёй. Развилась гипертония, достигшая худшей (третьей) степени. Страдала от сильных болей в шейных позвонках. Думала, что это следствие таскания тяжёлых рюкзаков. Как вспоминал Беликов, она «силы свои не считала». «Потом заберёшь, не унесёшь», – говорил он ей на Далдыне. «Нет, не брошу», и «тащит, надрываясь, всё, что наметила взять».

ЭКСПЕДИЦИЯ САРСАДСКИХ–ПОПУГАЕВА, 1953 ГОД

Весной 1953 г. Лариса Попугаева пришла к Н. Н. Сарсадских. Наталья Николаевна вспоминала: *«Мне было легко работать с Ларисой. Мы с ней очень сдружились в этом маршруте и*

Л. А. Попугаева

и понимали друг друга с полуслова. Она работала с увлечением, верила в успех дела». Называли женщины друг друга по имени: Наташа и Неля.

Им предстояло отправиться в бассейн реки Далдын (на некоторых картах – Даалдын, в соответствии с якутским произношением). Главной причиной, по которой остановились на этом районе, была та, что имелись находки алмазов по реке Мархе. Сейчас следовало забираться в верхние притоки Мархи,

крупнейшим из которых является Далдын. Вторая причина заключалась в том, что по правобережью Далдына тянулись обширные поля траппов. По теории иркутских геологов именно с ними должны были быть связаны коренные алмазоносные породы.

Н. Н. Сарсадских, 1953 г.

Таким образом, они ещё исповедовала идеи иркутян, оказавшиеся в дальнейшем неверными. К Далдыну привёл также весь опыт деятельности Сарсадских в предыдущие три года, поскольку она к этому времени уже фактически успела обследовать большую часть Сибирской платформы. Конечно, в этом вопросе ей пришлось советоваться с Шестопаловым и получить его санкцию на работу там.

В выборе Далдына для работы приняла участие и Попугаева, это отмечено в автореферате ее кандидатской работы. К тому времени Попугаева уже имела опыт 6-летнего полевого труда (в студенческие годы и после них) в самых разнообразных по своему геологическому строению районах страны, причём с разными целями.

Их план заключался в следующем. Начать поход – из посёлка Оленёк. Путь туда был довольно сложным. Сначала следовало добраться до Якутска. Из Якутска в Оленёк летали рейсовые самолеты, так как он являлся районным центром. Оттуда выйти с севера к Далдыну. На карте по прямой – это 230 км от Оленёка, а реального пути – около 300 км полного бездорожья. Далее намечалось разделиться на два отряда. На себя Сарсадских взяла более тяжёлый маршрут по правобережью Далдына с крутым заходом в сторону от него вверх по течению реки Сытыкан, правому притоку Далдына, текущему практически на север,

и далее намереваясь двигаться приблизительно параллельно Далдыну, пересекая многочисленные ручейки и речки до реки Мархи, исследуя ту местность, изобиловавшую выходами траппов. Параллельно, естественно, она брала шлиховые пробы.

Ларисе Попугаевой надлежало спуститься вниз по Далдыну, отбирая обычные пробы объёмом около 1 ведра, с попутным обследованием ручьёв, впадающих в эту реку. Кроме того, предполагалось нечто новое: ей требовалось промыть одну пробу в 3 куб. м рыхлой речной массы, чтобы наверняка не пропустить алмазы и его минералы-спутники, если таковые там имеются. Обе группы должны были встретиться вблизи устья Далдына на Мархе. На этом их задача будет считаться выполненной, и им потребуется лишь доплыть до какого-нибудь населённого пункта на реке Мархе, откуда окажется возможным отбыть домой.

Промывка трехкубовой пробы.
Ф.А. Беликов (справа)

С ними было трое рабочих: Фёдор Алексеевич Беликов и братья Е. А. и М. А. Евграфовы. Радию их партия не имела. Вертолёты появились лишь через два-три года. Они ушли в неизвестность не менее чем на два месяца, с тремя каюрами и оленями, нанятыми в Оленёке. Наталье Николаевне шёл 37 год, в Ленинграде у неё остался 13-летний сын и она была на большом сроке беременности. Ларисе Анатольевне было 30 лет, в Ленинграде она оставила

годовалую дочь Наташу.

Перед полевым сезоном Фёдор Беликов заново обучил Ларису мыть шлихи на пляже Петропавловской крепости, что делается точно так же, как при добыче россыпного золота. При использовании ручного лотка с ведром песка, в котором нет

примеси глины, по утверждению опытного человека, «можно иногда справиться за полчаса, а если глины много, то можно провозиться и полдня». Для промывки 3 куб. м (300 десятилитровых ведер) песка общепринятым способом требуется по меньшей мере 150 часов работы. Однако они применили ускоренный метод промывки, предложенный в Амакинской экспедиции, с помощью которого время промывки уменьшается во много раз. Естественно, этот труд лежал на рабочих. Поначалу они все вместе продвигались по выючной тропе вверх по течению реки Оленёк. Километров через 80 река отвернула к западу. Они продолжили путь на юг по её правому притоку. Затем, преодолев водораздел, попали в долину реки Силигир, тоже правому притоку Оленёка. Потом шли вдоль Силигира, по-прежнему на юг, до его истока. Не доходя Далдына, разделились на его левом притоке – Алы-Юряхе и по отдельности в разных точках достигли Далдына. Далее осуществили намеченный план работ.

Воссоединившись на реке Мархе вблизи устья Далдына, соратницы приплыли в Шелогонцы – заброшенный местными жителями посёлок, где обосновалась партия ленинградского НИИ геологии Арктики (НИИГА) и была метеостанция. От устья Далдына до Шелогонцев – 90 км с небольшим, приблизительно в направлении на восток. Вокруг уже лежал снег. Добрались туда обе женщины со своими рабочими практически уже без продуктов, изголодавшиеся. До этого питались лепёшками и мучными клёцками вместо хлеба. Эти мучные клёцки стояли уже «до горла». Геологи из НИИГА накормили их ужином, причём женщины, переглянувшись между собой, потихоньку унесли с собой ещё по куску хлеба.

Метеорологические условия летом 1953 г. были тяжёлыми для работы. Июль оказался жарким и засушливым, за месяц выпала лишь четверть обычной нормы осадков. Начались лесные пожары. Фёдору Беликову через 40 лет помнилось, как они двигались тогда сквозь дымную мглу, прижимаясь к речным потокам. В августе температура резко понизилась, почти половину месяца из ночи в ночь повторялись заморозки, доходившие до –6, –7 градусов. Одновременно начались ливневые дожди, осадков в августе выпало в три с лишним раза выше нормы. При та-

ких заморозках всё вокруг было утром покрыто коркой льда. Вода взбухших якутских рек была «коричневой, как сильный чай», «из-за большого количества частичек болотного торфа, которые они несли» (Л. А. Попугаева).

В двух точках своего пути: в приустьевых частях ручьёв Кен-Юрях и Дьяха (притоков р. Далдын) Лариса обнаружила «округлые лилово-красные» и «оранжевые» зёрна минерала, который затруднялась определить, как затем и Сарсадских после их встречи. Между прочим, в автореферате кандидатской диссертации через 15 лет Лариса о зёрнах минерала такого цвета не написала, а упомянула другие его частички: «...были обнаружены своеобразные... округлые зёрна прозрачного кроваво-красного» цвета. По-видимому, они сначала не обратили внимания на эти красные зёрна – более многочисленные, но не столь оригинальные по цвету, как отмеченные в отчёте, и только впоследствии определили, что и те, и другие, принадлежат одному минералу. Вроде бы это был гранат. Однако на часто встречающийся и не представляющий интереса железо-алюминиевый гранат альмандин красного или коричнево-красного цвета он не очень был похож. Оттенки цвета найденного минерала – «тёплые» или «горячие» – отличались от «холодных» тонов окраски альмандин. Как выяснилось в дальнейшем, это был другой гранат, а именно пироп – «родственник» альмандин.

Яркое представление о том, как выглядели наносы по Кинг-Юряху, можно составить из описания Гневушева, побывавшего там годом позже: «На поверхности косы лежал уже готовый шлик, заботливо отмытый для нас самой рекой... Поражала крупность зёрен, из которых он состоял... Зёрна шлиховых минералов... можно было просто выбирать среди камней... На фоне крупных смоляно-чёрных минералов, как огоньки, горели кроваво-красные и фиолетовые зёрна пироба».

В пробах Ларисы обнаружился ещё один новый для них минерал чёрного цвета, с размером зёрен до 7–10 мм. Скорее всего, по их мнению, это был ильменит (по составу – титанат железа), но от обычного ильменита он отличался тем, что просвечивал по краям коричневато-бурым цветом и, как впослед-

ствии выяснилось, не совсем соответствовал ильмениту по некоторым оптическим свойствам.

В трёхкубовой пробе таких минералов не было. На том участке Далдына в речных наносах их зёрен мало. Видимо, к тому же они там были относительно мелкими и оказались смытыми при взятии шлиха. В шлихах, полученных из протолок осадочных известняково-глинистых пород, которые служат ложем для реки Далдын, подобные минералы не встречались. Таким образом, в качестве включений они должны были присутствовать в каких-то иных горных породах. Это тоже настораживало.

Л. А. Попугаева. Далдын, 1953 г.

В шлихе из генеральной пробы обнаружился первый алмаз на Далдыне. Он имел массу всего в 3,4 мг, но как была важна эта находка! Сарсадских и Попугаева обнаружили его ещё в Шелогонцах по люминесценции на приборе, имевшемся в НИИГА. Алмазы дают голубое, изредка жёлтое свечение. Они пустились

в пляс в пустом ночном бараке. Итак, исходные материалы, послужившие основой для блистательного успеха следующего года, были получены Ларисой.

Домой Сарсадских и Попугаева вернулись лишь к концу октября 1953 г. Пока Лариса отсутствовала, с её маленькой дочерью Наташей нянчилась мать Ольга Сергеевна и няня – молоденькая девушка Нина из новгородской деревни, которую они приютили у себя и прописали. Лариса познакомилась с ней на улице, затем Нина фактически стала членом их семьи.

Как показали исследования, чёрный минерал оказался пикроильменитом – разновидностью ильменита, отличающейся высоким содержанием магния, обычным спутником алмаза в южно-африканских месторождениях. Этот результат был первым важным открытием.

Более загадочными оставались своеобразные красные зёрна. Лариса определила показатель их преломления как первый необходимый шаг при диагностике минералов. Таким образом, здесь ей также принадлежит своя заслуга. Он несколько изменялся от зерна к зерну, что вполне обычно для любого минерала, и находился в пределах от 1,734 до 1,758. Показатель преломления упомянутого выше альмандина более высокий, он равняется 1,82–1,83. Этот факт был ключевым. Разница между показателями преломления обоих минералов составляет всего лишь сотые доли, однако именно они бесконечно важны. Причём такие небольшие различия в величинах чётко улавливаются при специальном изучении.

Лариса, пользуясь соответствующим справочником, установила по указанным данным, что это минерал пироп, тоже гранат, но уже не железо-алюминиевый, как альмандин, а магний-алюминиевый. Он получил своё название за цвет («пиропос» по-гречески «огненный»). Пироп в популярном учебнике минералогии того времени лишь упоминался, так что рядовые геологи фактически не имели представления о том, с какими горными породами он связан.

Наталья Николаевна Сарсадских находилась в декретном отпуске, ожидая рождение ребёнка, и сидела дома, поэтому Лариса пошла в университет показать зимой 1953–1954 года

найденные ею минералы А. А. Кухаренко. Он положил рядом с её пиропами южноафриканские и спросил: «Где ваши?» В университетской коллекции имелись пиropy из кимберлитов Африки, купленные ещё в 1912 г. у старинной немецкой фирмы Крантца, торговавшей образцами горных пород и минералов. Различия между теми и другими не было. Лариса показала также Кухаренко чёрный минерал, и он ей продемонстрировал, что этот минерал идентичен кимберлитовому пикроильмениту, тоже имевшемуся у него.

Впоследствии А. А. Кухаренко даже несколько иронично относился к своему вкладу в якутскую алмазную эпопею и к тому, что оказался литературным персонажем. Ему, профессиональному минералогу, университетскому преподавателю, казалось вполне тривиальным опознать обыкновенный пироп.

Будучи студенткой, Лариса обучалась у него шлиховому анализу и получила первые навыки в промывке шлиховых проб. Он учил не только устанавливать то, какие минералы имеются в пробе, но и определять количество их зёрен («знаков» – термин, пришедший из практики золотопромывки) в единице объёма породы с привязкой пробы к тому конкретному месту, где она взята. Иначе говоря, требовал следить за тем, увеличивается или уменьшается количество зёрен данного минерала в шлихах вдоль направления на местности, т. е. выяснять, откуда шёл снос этого минерала и куда идти, разыскивая его коренной источник.

Кухаренко в общении с посетителями обычно был скуп на улыбку и несловоохотлив. Он не любил отвлекаться от своих занятий. По-видимому, при этой встрече Кухаренко посоветовал при этом искать поблизости от мест их скопления коренные источники алмазов. По свидетельству очевидицы, Лариса пришла от него «с сияющим лицом»: *«Кух сказал, что это пироп из кимберлит а!»* («Кух» – многолетнее студенческое прозвище Кухаренко). В волнении присела на стул около лаборантки, и они закурили. Эта немолодая женщина Анна Андреевна Пискунова – интеллигентная, умная, одинокая, потерявшая на фронте мужа и сына, по-матерински относилась к Ларисе, которая была привязана к ней.

Несомненно, что и прежде в шлиховых якутских пробах попадался пироп. Однако раньше, если он и встречался, то, видимо, в относительно мелких частичках, и его пропускали, принимая за алмадин. Геологи ещё не усвоили, что необходимо придавать значение различию между этими родственными минералами. Попугаева нашла зёрна пироба, достигавшие 5–7 мм, заставившие обратить на него внимание.

ЧТО БЫЛО ИЗВЕСТНО О ПИКРОИЛЬМЕНИТЕ И ПИРОПЕ – СПУТНИКЕ АЛМАЗА ДО ОТКРЫТИЯ ПОПУГАЕВОЙ

Из теории минералогии выпускники геологических факультетов вузов должны были знать, что пироп – спутник алмаза. Еще в 1912 г. академик В. И. Вернадский в монографии «Опыт описательной минералогии» упоминал в качестве сопутствующих алмазу «хромсодержащий пироп» и «магнезиальный

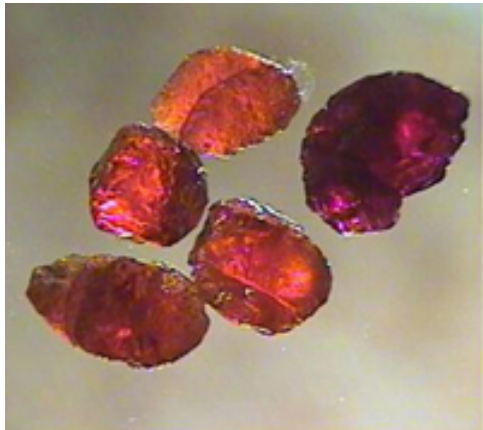
Пироп, хром-диопсид (из кимберлитов Якутии). Фото А. А. Евсеева

титанистый железняк». Это раннее название пикроильменита. В книге академика А. Е. Ферсмана, опубликованной в 1925 г. и посвящённой отечественным драгоценным и цветным камням, есть примечательное место. Он писал, что в 1917 г. «один монгол привёз продавать в Екатеринбург большую

партию камней» (ювелирных) из какого-то места в Монголии, в том числе пироп и хризолит «в чёрной базальтовой породе». И далее следовало чрезвычайно важное замечание о том, что эти находки «заставляют не без интереса вспомнить о нахождении совершенно сходных камней в кимберлитах Южной Африки».

В 1932 г. в Лондоне была опубликована фундаментальная двухтомная монография А. Ф. Вильямса «Происхождение алмазов», машинописный перевод которой имелся в фондах треста № 2. В ней также описывался пироп и отмечался магниевый характер ильменита из кимберлитов. В вышедшей в 1936 г. книге «Неметаллические ископаемые СССР» алмазу была посвящена обстоятельная глава. В ней первым из сопутствующих алмазу минералов указывался пироп.

В 1945 г. в журнале «Новый мир» вышел в свет научно-приключенческий рассказ **Ивана Ефремова «Алмазная труба»**. Будучи думающим и высококлассным геологом, хорошо знавшим геологическое строение Сибири, он облёк в форму такого рассказа свой точный научный прогноз о возможности обнаружения кимберлитовой трубки в Якутии. Герои его повествования находят её в каких-нибудь 200–300 км к северо-западу от «Зарницы», в бассейне реки Мойеро. Впоследствии там действительно нашли кимберлиты, хотя и убогие по содержанию алмазов. В этом рассказе упоминается как спутник алмаза «алый гранат – пироп».

Пироп

Странно, но всё это прошло мимо внимания геологов-практиков. Ещё более удивляет то, что эти сведения по долгу службы должен был знать главный геолог 2-го треста А. П. Буров и скрыл их от подчинённых ему людей.

Сотрудник НИИ-ГА А. П. Пуминов опубликовал в 1956 г. трёхстраничную статью, в которой описал сделанные его партией единичные находки пиропов в 1952 г. по рекам Муна и Алакит, находящихся в нескольких десятках километров от реки Далдын. Эти пиропы диа-

гностировали минералоги его института, которых он упоминает (О. В. Крузе и Я. Л. Стахевич). Закljučая свою заметку, он подчеркнул, что по реке Далдын пиропы нашли Н. Н. Сарсадских и Л. А. Попугаева. При чтении его слов создаётся ощущение, что он как бы желает поставить точку в споре о приоритете в данной области (сейчас известно с кем – с Я. Л. Стахевич).

Бывший геолог НИИГА Э. Н. Эрлих, эмигрировавший в США, опубликовал с американским соавтором монографию об алмазных месторождениях. В ней он утверждает, что осенью 1953 г. Сарсадских и Попугаева приплыли на своих лодочках на базу геологов НИИГА, и там Стахевич «с энтузиазмом» рассказывала им о перспективах алмазного поиска по пиропам. Сарсадских и Попугаева, имея в своих шлихах загадочные красные зёрна и узнав о пироповой идее, могли тогда же показать их Стахевич, и последняя сразу бы определила, что именно нашла Попугаева. Если бы это было так, то оказались бы излишними последующие мучения с их диагностикой. Только после консультации А. А. Кухаренко стало понятно, какие выводы из их находки следуют. Затем Э. Н. Эрлих договорился до того, что НИИГА имел карту распространения пиропов в том районе и по ней пошла Попугаева. В дальнейшем в своём очерке в журнале «Звезда» он переиначил описанный выше его собственный текст, напутав ещё больше.

Известен также следующий казус, описанный Р. Н. Юзмухаметовым в одной из его книг. Коллектор Амакинской экспедиции Н. А. Давыдов в 1953 г. нашёл своеобразные красные зёрна по одному из притоков Вилюя. Его начальник Ю. А. Кудрявый сообразил, что это пироп. Давыдов сказал, ссылаясь на прочитанную им литературу, что пироп – спутник алмаза. Кудрявый посоветовал никому не говорить об этом, поскольку их могут обвинить в космополитизме, т. е. в отсутствии патриотизма и преклонении перед Западом. В то время прошла кампания борьбы с «космополитами». В газетах публиковались статьи, в которых шельмовали, например, тех, кто переводит и ставит западные пьесы. В учебниках требовалось выпячивать приоритет русских ученых. Тогда руководство Амакинской экспедиции отнеслось к находке своего коллектора равнодушно.

Опасение начальника партии имело вполне конкретный повод. Григорий Файнштейн, авторитетный амакинский геолог, заявлял: «Кимберлиты – это выдумки космополитов, а у нас в Сибири своя материнская порода алмазов!». «Какая именно – он не уточнял» – отмечала Е. Н. Елагина.

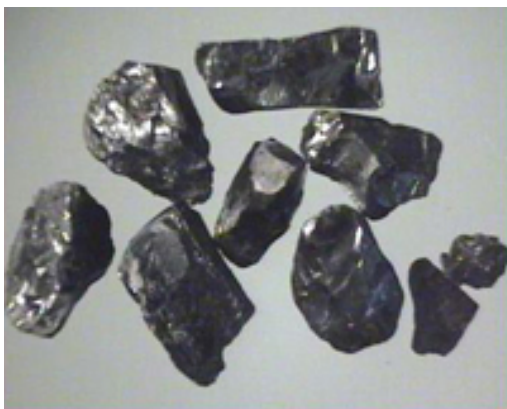
Сейчас, к весне 1954 г., для ленинградских исследователей стала, наконец, естественной мысль: надо мыть речной шлик и выискивать в нём пиропы (в сочетании с пикроильменитом). Они более или менее легко опознаются, и их должно быть сравнительно много. Нашлись эти минералы, нужно идти за ними вверх по течению реки. Кончились – значит, коренные кимберлиты пройдены; они находятся либо в русле главной реки, либо по какому-то из её берегов, либо по ближайшему оставшемуся позади её ответвлению. Так определяется район последующего поиска, хотя после обрыва пироповой цепочки задача отыскания кимберлитов остаётся достаточно сложной.

Поскольку по мере сноса речным потоком зёрна этого минерала (как и любых других) истираются и крошатся, рассеиваются в массе песка, то увеличение крупности и количества кристаллов пиропы по маршруту – признак того, что поисковик приближается к их коренному источнику. Следовательно, требовалось на месте выявлять пироп в шлихах и прослеживать то, как их размер и число изменяются по ходу движения промывальщика. Поучается, что поступать нужно так, как учил Кухаренко в своём курсе шлихового анализа.

Пироповый поиск нельзя назвать чисто русским изобретением. Некоторые месторождения коренных алмазов в Африке, включая первое из них (Ягерсфонтейн), были найдены по минералам-спутникам. В книге Г. Ф. Смита «Драгоценные камни», изданной в Лондоне в 1950 г., причём уже в 11-м издании, есть следующие слова: «Первое открытие было сделано в августе 1870 года на ферме Ягерсфонтейн. Проспектор Де Клерк, умный наблюдатель, заметил в высохшем русле реки гранаты. Зная, что они часто сопровождают алмаз, и отличаясь пытливостью, он исследовал это место». Какие гранаты держал в своих руках Де Клерк – не сказано. Однако в другом месте той же книги описан пироп как минерал кимберлитов. Слово проспектор, хотя у

нас и не употребляется, известно нашим геологам, это обычно старатель-одиночка.

В феврале 1954 г. у Наталии Николаевны родилась дочь. Лариса приходила к ней домой, они горячо обсуждали в «обществе» новорожденной, какие перспективы открывает находка пиропы и пикроильменита. Из опубликованных отрывков письма Ларисы к Наталие Николаевне, помеченного сентябрём 1956 г., видно, что они не сразу пришли к новому методу поисков: «Пиропы и их значение, да и ильменит, ещё крепили в сознании, появились идеи, мысли».

Пикроильменит

Пироп можно найти в речных наносах за 15–20 км от его коренного источника. Это значит, что уже на таком расстоянии удаётся «почувать» кимберлитовую трубку. Пикроильменит — менее твёрдый минерал, чем пироп, и в речном потоке разрушается быстрее последнего. Кроме

того, он тяжелее пиропы и потому менее «склонен» к перемещению с водой. По этим причинам его можно встретить только сравнительно близко от кимберлитовой трубки. Причём он трудно отличим от обычного ильменита, особенно в мелких зёрнах. Не очень опытный человек может спутать его частички и с совсем другим минералом (магнетитом). Потому пикроильменит в качестве поискового признака имеет второстепенное значение. Однако его появление в шлихах усиливает уверенность в том, что желанная цель недалеко.

Таким образом, следующие три момента полевого сезона 1953 г. сыграли решающую роль в будущем успехе ленинградской партии № 26:

- правильный выбор района реки Далдын для поисков;
- ответственный труд на Далдыне Л. А. Попугаевой и её помощников, пунктуально выполнивших своё задание;
- большое желание подробно разобраться в материалах летних полевых исследований, находясь в благоприятной научной среде Ленинграда и особая добросовестность Н. Н. Сарсадских и Л. А. Попугаевой.

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ 1953 ГОДА

Лучше всего об их испытаниях 1953 года свидетельствует дневник Ларисы Попугаевой. Несколько десятилетий он пролежал вместе с другими забытыми бумагами и разными вещами на антресолях в квартире её сестры Ирины и нашёлся только в 2007 г.

Записей, касающихся результатов их работы, в нём нет. Они фиксировались в полевом (секретном) журнале. Дневник впервые был опубликован Е. Б. Трейвусом и приводится в сокращении: исключены некоторые повторы, указания на то, в какое время суток они вышли в путь или стали лагерем, сколько поймали рыбы и другие незначительные подробности.

«ИЗО ДНЯ В ДЕНЬ

Лето 1953 г.

22/VII. Я получила утром последние деньги в банке и в 12 ч. отправилась в лагерь партии, которая стояла уже в 5 км выше пос. Оленёк на правом берегу [реки Оленёк]. Идти трудно, ноги утопают в песке и к тому же нещадно жрёт гнус.

23/VII. Тронулись в путь. Прошли тайгой ≈ 25 км и стали лагерем на берегу Оленька́.

24/VII. Навьючив оленей, двинулись в путь. Олени гружены тяжело, им и людям жарко, нещадно ест гнус, но очень хорошо от него спасает фталат – намажешься и можно терпеть атаки этих адских насекомых. Есть у меня ездовой олень. Еду на нём с лёгкостью. Удобно, но жаль животное, поэтому часто иду пешком. По дороге убили 5 небольших тетёрок, и оленеводы поймали 4 небольших рыбины. Варили уху и ели на стоянке копчёных тетёрок.

25-го снова шли маршрутом. Воду брали из небольших луж. Гнус жрёт ужасно. Кругом горит тайга, и, как снежинки, в воздухе крутится пепел.

26/VII. Спим в палатках, подстилая под себя всё, что можно, ибо в 10 см подо мхом – вечный лёд. Ночью очень холодно, мёрзнем, а днём нещадно печёт. По дороге кругом всё те же известняки. По берегу встречается значительное количество обломков траппов.

[Через несколько лет она жалуется в одном письме: «Сейчас у меня страшная невралгия – вечная мерзлота выходит боком». Через два дня стояния на одном месте под палаткой образуется месиво грязи].

Караван наш состоит из 43 оленей, из них нам (5 чел. партии) причисляется 5 ездовых оленей («учугов»). У меня удачный: некрасивый, с маленькими рожками, но очень резвый учуг, везёт меня на честность. Сначала не ладилось, а теперь чувствую себя как дома. Это очень удобно, не так устают ноги. Впервые за 7 лет работы в поле имею для езды оленя.

Прошли трудный маршрут, пересекая 200–300 м высоты холмы, сложенные известняками. Слева от нас в 400–500 м пылает тайга, дым ест глаза. Обходим пожар по косе Оленька. Прошли 13–15 км и на косе стали лагерем. Ещё вдобавок сегодня упал олень, еле его до лагеря дотащили – туберкулёз. А вьюки тяжёлые, оленям трудно идти.

27/VII. Сегодня не двинулись в путь, ибо оленеводы погнали где-то сохатого, да и один олень утерялся. Немного половили в озере (старице) рыбу – сиги – чудные, жирные, кг по 2. Устроили в палатке баню, напарились наславу.

28/VII. Прошли по косам и болотам 12–13 км. По пути встретили пару срубов (летнее пастбище оленей). Там я потеряла свой нож, которым так дорожу. Вернулась туда и нашла его. Стоит немилосердная жара. Нещадно ест гнус. Два раза варили чудесный кисель.

29/VII. Прошли км 18–20, из них 5 км по Оленьку, попрощались с ним, а дальше подымались по р. Малой-Бегулю. Такая сушь кругом, что реки в 200–300 м шириной совсем пересохли, остались во впадинах небольшие лужи. Это в дальнейшем мо-

жет сильно осложнить работу, придётся до воды таскать шлихи на себе.

А и вот уже нытики эти братцы – рабочие просто беда, осточертели хуже горькой редьки. Неповоротливые, злые и ленивые, особенно М. А., хвастается немилосердно, сам ничего не зная и не понимая. Тошно...

Варим кашу, кисель, ставим лепёшки, ибо хлеб кончился.

Днём часто думаю о доме, как там мои хорошие, золотые? Как моя доченька, любимая, себя чувствует? Скорее бы домой. Жрёт мошкá... Брр...

30/VII. Охотилась за белкой – рыжая, рыжая и злющая, увидит меня и чокает. Охота вручную прошла безрезультатно, белка так и осталась сидеть на дереве.

1/VIII. В пятницу быстрым ходом перевалили в бассейн Силигира и заночевали у речки Кытыкан – притока Силигира. Всё стремимся к Силигиру в надежде на охоту и рыбу, ибо сейчас ничего не попадается, а продукты быстро идут на убыль. Вечером был крупный разговор с М. Евграфовым, да, отменная дрянь человек всё-таки. Как я не ошиблась в своём первом впечатлении...

Ходом за 5 ч. преодолели перегон в 20 км, через холмы и болота, дойдя до Силигира. Ура... Исполнили танец папуасов, часть пути уже пройдено. Не успели придти, как я с Федей и оленеводами ринулась в реку, вода ноги как электричеством бьёт – ледяная, но ничего, побрели ловить тайменя. Вода в Силигире как слеза, слегка аквамаринового оттенка, и великолепно видны огромные линьки и таймени, которых тут множество. Стреляли в них из тозовки, били камнями – напрасно, стоят, как брёвна.

[Тозовка – охотничье ружьё, от слова ТОЗ: Тульский оружейный завод. Тайменей весом в 30 кг и более там можно было поймать на удочку. Такая рыба – в человеческий рост. Между прочим, Лариса любила рыбачить].

Братишки уехали за рыбой. Слава тебе, господи, хоть стало легче дышать, не видишь этих, особенно М. – мерзких физиономий, всегда недовольных и наглых.

На радостях Федя, Наташа и я отметили Силигир вином, оленеводам тоже дали спирта. Из поставленных сетей вытащили жирнющих тёмных с чёрными точками и красными пятнами чудесных тайменей. На удочку Прокоп поймал тайменя – 70 см (есть снимки). Всё это мы быстро пустили в дело – уха и жареный таймень. Ура...

[Прокоп – оленевод].

2/VIII. Жара и нещадно жрёт мошка, спасаемся фталатом. Переколотили с Наташей гальку – все 100% известняки – пористые, плотные и мраморизованные, светлосерые и буроватые. Река сильно пересохла. Моем шлик № 5.

Идём вверх по Силигиру. Прошли км 20 и стали лагерем у устья речки (правый приток р. Силигир) – Каптагастах («сухая река»). Тут много рыбы, лени и таймени кг на 10–12. Варили и жарили рыбу. По пути собаки задрали журавля. Его попробовали. Очень вкусно.

3/VIII. С утра льёт дождь. Всё [небо] затянуто свинцово-серыми тучами. Дождь лил целый день. Вылезли из палатки минут на 10–15. Надоело и ужасно нудно. Стало холодно.

4/VIII. По-прежнему льёт дождь, а мы сидим в палатках. Олени где-то разбрелись (отдыхают от жары, груза и мошкí). Ходили с Федей ловить рыбу, но всё напрасно. Льёт дождь, вода в реке прибывает. Вчера во второй половине дня вода [уже] подкрадывается к нашему лагерю. Каптагастах бурно зашумел (как разъярённый лев).

5/VIII. Поднялись в 6 ч. утра и срочно стали эвакуировать лагерь на безопасное более высокое место (на лодках). Вода совсем у палаток, и мы оказались в положении зайцев деда Мазая. Сидим на островке 15×7 м. Благополучно всё перевезли.

[Во ВСЕГЕИ в 2004 г. было многолюдное заседание, посвящённое 50-летию открытия «Зарницы». Выступила с трибуны Наталья Николаевна, которая рассказывала, что это был опаснейший момент их путешествия. Вода хлынула стеной].

Снова скандал с М. Евграфовым. Ну и сволочь... Пробовала промчаться по потоку – ну и несёт, еле-еле добралась.

[Он требовал деньги. Н. Н. сказала ему, что он может их взять и отправляться назад один].

Погода разгулялась, и снова нещадно жрёт гнус... Впервые тут встретили кусты красной смородины. Ну, в путь, скорее бы начать настоящую работу. Закончила читать Сибрука “Роберт В. Вуд”.

6/VIII. Прошли часа 3 (\approx 10–12 км). После дождей всё заболочено, идти трудно, почти всё время едем на учугах. В кустах разорвала голенище левого сапога резинового, целый день страшно болела голова. У большинства оленей набиты сильно спины. Сегодня пойдём без дороги, брр... Скорее бы приступить к работе.

7/VIII. Лагерь № 13 на берегу заболоченного озера в заболоченном кочковатом лесу. Только вышли из л. № 12, полил дождь и лил беспрестанно. Вымокли почти до нитки, потом до 3 ч. ночи сушились. Утром съели одного тетерева. Утром лечили оленя. Прошли в темпе км 10–12. Остановились на берегу Силигира у подножья холма, сложенного плитчатыми мраморизованными известняками.

8/VIII. Погода разгулялась. Очень хорошо. Варили кисель из голубики. Утром лечили оленей. У одного отпилили рога – один остался у меня. Собаки накормлены сегодня на славу (кулешиом). Жарко. Снова жрёт гнус.

Прошли км 10 по хребту сильно заболоченному (старая гарь). Устали дьявольски. Погода начала портиться, и снова стали. Еле успели развыючиться до дождя.

9/III. Погода хмурилась, но дождя не было. С места не снялись – ушли олени. Вот пропасть! Искали их целый день – не нашли. Варили варенье, а вообще целый день злились.

10/VIII. Ну ж, ночь была... Из лагеря № 15 вышли в 22 ч. 30 мин пешком с вьюками. Скоро стемнело, и шли мы по какой-то дороге ада... Сплошные кочковатые болота высокой поймы Силигира сменяли друг друга. Вода ледяная, сапоги текут, и я еле волочила ноги. Последние 3–4 км продирались по склону холма сквозь стену мелколиственничного леса, да ещё сухого. Изодрала лицо, расплосовала штаны. Каждые 10 м падали вьюки. Наконец, в 4 часа утра пришли к Уук-Силигиру, где разбили лагерь № 16. Почаёвничали, сменили [бельё на] сухое и в мешки.

11/VIII. Как бегут дни, а до работы ещё далеко. Сидим на Уук-Силигире. Оленей с лагеря 15 нет. Наши тоже потерялись. Тут же ищут своих оленей и охотники (олени в бегах за грибами). Произвела генеральную уборку своего рюкзака и починила сильно обветшавший костюм. Сегодня съели 3^х уток. Но вообще – дремучая и почти безжизненная тайга. Страшно и жаль.

Скоро Лапушкино день рождения, как бы хотелось быть сейчас вместе, обнять любимых своих, сладкую доченьку. Как-то она? Как зубки? Столько вопросов и тревожных мыслей роются в голове. Ну, ничего, ещё 2 мес., и я дома... Скорее бы.

[Лапушка – это муж].

12/VIII. Всё в том же лагере в ожидании оленей, а их всё нет, как нет. Болела весь вечер голова.

13/VIII. Ещё 8–9 км прошли вверх по Силигире. По-прежнему аллювий представлен на 100 % плитчатыми известняками.

[Аллювий – рыхлые речные отложения].

Жалею, что с охотниками не послала в Оленёк почту. Вот глупость какая.

15/VIII. Тронулись из лагеря кое-как по заболоченному лесу. Прошли до лагеря № 19 на склоне холма (тут плитчатые серые известняки с прекрасными знаками ряби, трещинами усыхания, местами с потёками бурой окиси Fe). Собираем ягоды. Охотники бьют уток (шилохвосток).

Я пекла 16-го лепёшки. В этом лагере стоим 16, 17, 18го. Ужас, и всё бесполезно. Не хватает ещё 19 оленей. Продукты идут, время тоже, а работа стоит. Так хочется домой. До начала работ осталось 60 км. И вот засели. Вчера искали оленей, и я тоже. Исколесили км 10 – привели 3-х. Погоды холодные, всё время идёт дождь. Из шубы не вылезаю. Уйдём ли сегодня?

19/VIII. Тошно. 5-й день без движения. Тут уже настоящая осень. Холодина зверская и от этого так скучно и грустно. Хочется домой. Вчера 3 км прошла по Силигирской петле. Ничего интересного. Сплошные плитки известняков.

Устроила себе в палатке баню. Была такая буря, что, ду-мала, сорвёт баню, и я останусь в неглиже. Мылась и вдруг –

сплошной пеленой – большие белые хлопья снега закрыли весь горизонт. Да, уже снег – 19 августа. Ночь была холоднющая. Завтра Лапино день рождения, а я так далеко... Что там? Как там без меня? Как Наташенька? Мамулька с Иршей? Охотники убили 3^х уток.

20/VIII. Проснулась с мыслью о Лапушке. Поздравляю, родной, желаю всего самого хорошего. Рвусь скорее домой. Сегодня, кажется, сдвинемся с места. Холодно, ноги коченеют. Ну, ничего, скоро работа начнётся и незаметно пробежит время. Летят редкие белые мухи.

Гаснет огонь – может, и меня Лапушка вспоминает.

Прошли быстро 25 км до лагеря № 20 на берегу заросшего озера. Погода холодная. Сидя на учуге, зверски замёрзла. Вечером очень болела голова, наверно, потому, что Лапушка в Л-де выпил? Видели вчера 7 журавлей, но охота была неудачной. Улеглись спать уже в 2 ч. ночи.

21/VIII. Идём в верховья Кадек-Силигира. Погода холодная. Часто идут белые мухи. Ну что обращает на себя в этих местах внимание? Однообразная редколесная листовенничная почти безжизненная тайга. Пологие холмы, сложенные плитчатыми серыми известняками, покрыты обычно плащом ягеля. В общем, ягод немного (голубика, брусника), в одном месте морошка (на болоте). Шлихи мыть негде.

22/VIII. Лагерь № 21. Вечером варили галушки и пекли блины. Холод страшный. Вода в вёдрах мёрзнет. Задерживаемся из-за отсутствия оленей (а они уже 3ий день ходят с палками). Приехали ли мои с дачи? Как мамочка? Совсем устала без меня? Ну, ничего, скоро буду дома, месяца через 1,5.

23/VIII. Прошли ≈ 20 км с переходом через водораздел. Холмы сложены теми же известняками. Заход сделали неверный, но потом исправились. Сделала ряд снимков. Вечером шёл мокрый снег, запорошил всё кругом. Настоящая зима.

Ну уж был денёк... Шли непролазной заболоченной сибирской тайгой, и люди, и олени измучились окончательно. Часов в 19 вышли на широкую заболоченную низину. Сиё, видимо, истоки Алы-Уряха.

[Ручей Алы-Урях – левый приток Далдына].

24/VIII. Утром начали делить хоз-во партии. Наконец-то начинается работа. День пасмурный, но с неба, к счастью, не льёт.

Нехитрое наше хоз-во разделили, в том числе и оленей. К 15 ч. мы с Федей на лодке тронулись вниз по Алы-Уряху, а караван пошёл берегом. Боже, какие мученья претерпели мы в часе сначала прекрасного передвижения на лодке. Пошли пороги, затем просто сухая почти река, а лодка гружена изрядно. И вот до вечера, делать нечего, одни, помощи ждать неоткуда, тащили лодку по порогам. Страшно пробить её об острые камни траппов. Вода холоднючая, а приходится идти по середине реки по колено и выше в воде, ноги, как кочерыжки. Так тащились дотемна. По берегам масса следов лосей, но мы по-прежнему постыничаем.

Стали на лагерь на месте лёжки сохатого. Ну и выбрал местечко, прямо-таки «долина роз» – кругом заросли уже созревшего шиповника. А река шумит, размывая трапповые пороги. Ну, ладно, так хоть траппы бы были интересные, с изюминкой. Наташа пошла на Сытыкан. Как-то там они?...

Погода чудесная. Солнце... Но холодно.

25/VIII. Снова, наскоро позавтракав, тянем лодку, но предварительно по почти непроходимому берегу относим вперёд вещи, а затем возвращаемся за лодкой. Мука. Нашла интересное обнажение. Из-под траппов выходят известняки, и все горести забыла, вот только бы ноги согреть... Тащились до 17 ч. Один Евграфов всё якает и ноет, ну и надоел...

26/VIII. Погода снова приличная. Уже 3ий день не капает с неба. Пешком впереди оленей идём к устью Алы-Уряха. Кругом траппы и известняки. Только у самого русла удалось взять шлих.

Вышли к р. Далдын – красиво. Тайга уже одевается в золотой осенний наряд. Трава стала тёмно-красной. Река широкая, и столько кругом простора. Помыли шлихи. Тут и караван подошёл. Поставили сети...

[Итак, им понадобилось пять недель, чтобы достичь Далдына. Теперь почти по их следу проложена грейдерная автотрас-

са. От посёлка Оленёк до города Удачного – всего несколько часов езды].

27/VIII. Лил беспрестанно дождь со снегом. Река взбухла, но в сети всё же попались 10 шт. линьков. Ура, подспорье. Ходили только в маршрут по правому берегу. В такие дни скучно и хочется домой. В голову лезут всякие беспокойные мысли. Как-то работа у Наташеньки движется?

28/VIII. Плыть чудесно, вода так и несёт. Лагерь на берегу заболоченном. Известняковый склон холма. Траппами на Далдыне не пахнет, вот обида. Вечером убили 3^х уток, снова подспорье.

29/VIII. Взяла один шлик из террасы. Кругом всё тоже известняки. У них [проводников] плохо с продуктами, да и наши резко убывают. Ну, ничего, ещё есть...

30/VIII. Утром собрались с Федей в 4^х-дневный маршрут без мешков с одним тентом. Брр... Представляю... Погоды отвратные. Холод адский, и всё время идёт снег. На хребтах надеты белые шапки.

[Помимо работы на Далдыне Лариса совершила ряд тяжёлых многокилометровых маршрутов как по правобережью, так и по левобережью этой реки по её притокам, а также один длительный поход восточнее реки Мархи. Ручьям Лариса давала свои названия: Суходолка, Загадочный, Извилистый и т. д. Она любила шутливо именовать детали местности. Например, говорила, что они идут по проспекту «Бревно поперёк дороги»].

Ночевали после трудного и неинтересного мокрого маршрута у устья ручья. Жгли славный костёр и, в общем, не замёрзли.

31/VIII. Вниз по Далдыну прошли 300–400 м. Встретили хорошую косу для взятия пробы. Ура... Тут же смастерили с большими трудами из сушин плот и по щикол[от]ку стоя в воде двинулись вниз по реке. Неизменный пёс Верный бежит по берегу, иногда жалобно поскуливая.

1/IX. Спустились на плоту до нужной нам речки. По пути встретили стан, где на дереве нашли записки, что охотились люди много и ели мяса всласть, Ну а нам не везёт, ещё нет ничего. От устья речки двинулись вверх по ней. Всё заболочено.

Скука. Холодно, идёт снег. В верховьях реки жгли костёр, но всё равно мёрзли. Продукты кончаются.

2/IX. Чуть свет вышли в маршрут. Шли через водораздел. Устали так, что почти валились с ног. Хребты в снегу, наст твёрдый. Нога проваливается сквозь корку, и [она] режет ноги. Всё внизу заболочено. Брр... Вот места... Так хочется скорее домой к маме, Натусе, Лапушке... К вечеру добрались «домой» – в лагерь.

3/IX-53 г. День моего рождения... Ведь 29 лет. Бр, как много, но в душе как ещё мало. Как много сил, энергии, интереса к жизни. Сколько ещё надо сделать впереди.

[Она ошибается. Ей 30 лет].

Утром перебрались до косы, где начали подготовку к работе – впереди 3-кубом. проба... Погода холодная, пасмурная, но сверху с половины дня уже не капает, и то хорошо. Сапоги и брюки совсем порвались, как дотяну до конца работы – не знаю. Ноги всё время мокрые. Вечером ради начала работ выдала мужчинам немного спирту, остались довольны, кажется. А чем – спиртом, этой мерзостью.

Вспоминают ли меня сегодня мои домашние?

4/IX. Начали мыть, а я сооружать стойки для просева пробы. День, ура, чудесный... Фу ты, может быть сентябрь хоть постоит без дождей. Всё подготовили и просеяли 8 вёдер, а впереди ещё 292.

5/IX. Всё также... Сеем. Просеяли 100 вёдер. Холодно, но всё же ничего. Скучно, скорее хочется кончить. Плохо, что уже рано темнеет. С 20 ч. 30 мин. уже нельзя работать, и утром можно только с 10 ч., ибо раньше всё в инее и мокрое. Сита не сеют.

6/IX-53 г. Ужас. Утром по палатке хлещет дождь. Всё погибло, всё сыро, ох...

Ну, ничего, дождь прошёл, и часов с 2^х можно было сеять. До этого мыли, и я смотрела всю пробу с сита № 2. К вечеру просеяли 50 вёдер.

7/IX. Холодина... Уже 10 [час], а всё ещё в инее. Тепло только у большого костра. Еле вылезла из мешка... Но солнце. Может, сегодня побольше сделаем. Скорее бы на Марху... До-

мой хочу очень. Продукты уменьшаются. Даём оленеводам, они совсем дошли. Охота ничего не даёт. Сети почти пустуют.

9/IX. Тоска... День пасмурный. Оленеводы который день охотятся, но всё впустую. Продуктов у нас почти нет. У них вообще ничего, но всё же [мы] поделились тем, что [у нас] было.

Песок мокрый, еле просеяли 3 ведра. Ужас, медленно, впереди ещё 120 вёдер. Решили сушить кострами.

10/IX. Как-то дома??? Начали сеять, и пошло дело. Всё в тучи пыли, но окончили отсев, а я отборку фракций. «Куллинан» нет как нет. Жаль... Вечером забили плохого оленя. Ели мясо.

[Итак, на трёхкубовую пробу они потратили неделю. «Куллинан» – громадный и знаменитый исторический алмаз].

11/IX. День на удивление жаркий. Даже ватник пришлось снять.

В сопровождении пса Верного иду в маршрут на [ручей] Кенурья. Тут хорошо. Одна и много простора. Тёплый хороший ветер. Ну, сегодня ещё перегон к Мархе. Где-то Наташа? А мои дома меня уж и забыли? Доченька, радость моя, где ты, моя ягодка?

[Ручей Кенурья фигурирует в дальнейшем как ручей Кинг-Юрях. Трёхкубовая проба была взята в 15 км выше его].

12/IX. От Кенурья втроём на лодке гнали по Далдыну, но до нужного места не успели и заночевали у небольшого ручья, где в заливчике плескалась рыба. Может, и на наш перемёт попадётся. День стоял пасмурный, но вполне хороший для этих мест. Утром те же рабочие будни. С 9 ч. плыли дальше. Кругом всё то же известняковое однообразие. Вечером доплыли до речки, по которой надо сделать последний заход на Далдыне, а там Марха...

13/IX. Рано. Моросит дождь. Все спят. Одна переехала на лодке на лев. берег и даже без Верного пошла в маршрут. Хорошо... Одной и поработать, и подумать, и поскучать лучше. Трудно человеку, когда он один, но иногда одиночество требуется. Посидела у костерка, окончила заход и в 13 час. вернулась в лагерь. Двинулись дальше.

Целый день дождь со снегом, холод, и непрерывной чередой летят гуси, и так тоскливо кругом.

Разбили на Мархе лагерь. Нашли чей-то склад инструментов, и снова тоска. Вот кто-то уже окончил работу и уехал домой, а нам ещё уйма дел. Скорее бы к месту, где есть телеграф, запросить Л-д о доме.

14/IX. М. Евграфов, ставший теперь гораздо покладистее после разговора с ним на Кенурье, принёс огромного гуся – 3 раза стрелял. Вот славная птичка.

Варили гуся. Ох и жирный, и собак накормила хорошо, рада.

В 14 час., всё сделав, ушли на оленях на Улахан-Тоннах, последний большой заход. Да! Нависла угроза остаться без пищи, продуктов совсем нет, а где их достать – неизвестно, где есть населённые пункты. Ух, тяжело. Пошли, но идти охотиться Верного не взяли, жаль до слёз, он единственная моя радость в поле. Ласковый такой и поистине Верный. Как он был, когда мы уехали...

Шли часа 4 и пришли к довольно большой речке. Я думала, что это вторая река. Разбили лагерь. Утром сделала нужную работу. Увы, стали часы, впервые за лето забыла завести. Поставила ≈ по Федеиным, он молодец, с ним не пропадёшь. Идём вверх по реке, но это что-то не то, оказалось, что мы на ручье, который хотели миновать за недостатком времени.

Оленевод артачится, тошно просто, ну да ладно, ещё немного осталось.

Стали лагерем уже в темноте. Сыпет снег. Как-то там наши? Как Иришка в школу пошла, моя 16^{ми}-летняя девочка? Натальюшку к зиме приготовили? Как отмечают её день рождения? Как жаль, что меня не будет. Для своей семьи, для доченьки и Лапушки, любимых, мучаюсь и мёрзну я в этих немых и заснеженных таёжных дебрях. Хочется, чтоб и работа удалась хорошо. Ведь интересно так решить заданную гос-вом задачу.

Как дома с деньгами? Господи, 1000 вопросов без конца тревожат душу.

Сижу в палатке. Сапоги рваные, в лохмотьях. За палаткой снег по колено, издали мягкий и пушистый, а вообще

быр...холодно. Сегодня ещё 20–25 км по колено в снегу, но самое ужасное, что нет еды, остались какие-то крохи. Уже 3ий день сидим без сухарей. Муку используем как заварку для супа... Но всё ничего, всё должно кончиться, как всё кончается на свете. И мы выберемся «на честном слове и на одном крыле» в места обетованные. Хоть бы охота была удачной сегодня, тогда ничего не страшно...

15, 16/IX. С утра до темноты верхом на оленях пересекали хребты за хребтами, передвигаясь в нужном направлении. Геология скучная, всё известняки, вдали только видны гребни траппов. Вечером поели наспех и в мешок, чтоб не очень скучать...

17/IX. С утра, навьючив оленей, (охота по-прежнему ничего не даёт), двинулись вверх по хребту, хочется попасть на траппы. Да! И мы попали на них – бесконечные каменные моря на вершине хребта. Что будет с оленями, не знаю. Ветрище, метёт колючая пурга, такой буран, что не слышно голоса в 2^х шагах. Всем дали по 2 оленя, и, еле двигаясь в белой пелене, идём по компасу. Тут-то в буране и блуданули, не перевалили хребта на Улахан, а спустились в долину небольшого ручья. Это и хорошо, ибо в долине Улахана всё известняки, и плохо, ибо останутся в стороне заходы на лев. берег Мархи. Это лишняя Наташеньке работа, как-то она и где?

20/IX. День вроде хороший, много голубого неба. Вчера вечером наблюдали северное сиянье, красивые какие-то волшебные блики бродят по небу, а чего ищут??...

Мороз, река замёрзла у берегов метров на 15, брр, а впереди ещё 900 км плыть.

Продукты все кончились. Осталось несколько банок консервов да соль. Ну, ничего, что-нибудь придумаем вместе. Итак, к лагерю. Дочушке моей через 8 дней год. 1 год – вот большая, как жаль, что я не дома, как отмечают мои этот день?

[Продолжение дневника – в другом блокноте, текст в котором по большей части размыт водой и не читаем, что показано жирными точками].

Итак, 20/IX. ... мы с Федей на лодке вышли к Мархе. ...у устья р. Далдын там наверняка ждёт нас Наташа. Ночь была холоднющая... Вода сравнительно высокая, а посему нет больших перекатов, и наша резиновая лодка как поплавок плавно покачивается на речной зыби. Волнуюсь, что ждёт в лагере. Сегодня на левом берегу реки впервые за всё лето увидели следы присутствия тут геологов – какой-то поисковый участок № 10 на ...вдоль и поперёк... I надпойменной террасе. Немного ниже увидели запущенный, но недавно обитаемый...

... обсудили ситуацию и решили отпустить оленеводов, а завтра двигаться всем вниз по Мархе на лодках.

[Следовательно, 20 сентября оба отряда встретились].

Собрались. Вечером прямо на улице у костра при -10°C устроили баню и стирку. Ничего, всё в темпе и совсем не замёрзла, волосы оледенели немного. При свечах, кое-чем поужинав, легли с Наташей спать.

21/IX. Вместе с Верным ... А впереди ещё 800 км.

22/IX. Км 30 проплыли – кончилась карта, плывём вслепую, плохо. Изредка попадаются запоздалые утки. Река широкая и довольно мелкая, пошло много островов, и Верняшка, теряя из вида лодки, душераздирающе воеет на берегу; ох, как тяжело и от этого так грустно, так хочется домой, к родным моим, любимым ... Как они там? Как работа у Лапушки, у Мамульки? Как... моя Наташенька ... Мария Александровна...

[Мария Александровна – свекровь].

[23 или 24 сентября они приплыли в посёлок Шелогонцы на р. Мархе].

Причалили ... На берегу ... Это члены партии № 9 НИИГА Медведева. Поговорили, что и как о продуктах, конечно, о просмотре концентратов. Узнали, в общем, ... правда, только, события жизни – радостно за сельское хоз-во, вот хорошо. За Корею и Германию тоже приятно.

Ну, хорошо, что хорошо кончается. Медведев болен, решим все вопросы завтра. Пили чай сладкий со свежим хлебом – блаженство – это вкуснее, чем лучший торт из «Норда». Пошли спать в отведённый нам домик в посёлке, там уже хлопочет Федя и толкутся без дела, ноют и кряхтят «братишки» –

брр, когда кончится совместная с ними работа? Дымно ... грязно и темно в доме. Ну, ничего, до завтра ... последние остатки ... и крошки муки ... Утро вечера мудренее. ... выдали ... продуктов за наличный расчёт. Ура, и этот вопрос разрешился.

Познакомились с хорошим весёлым парнем Володей – московским радистом. Он связался с Нюрбой о договоре вывезти нас вместе с ним на самолёте в Нюрбу. Ура. Вечером слушали приёмник. Как быстро ... Тепло, баня, свет, сытная еда, газета, музыка и забыты недавние трудности таёжной жизни.

24/IX. С продуктами порядок. Едим свежий хлеб. Осаждаем радиста, чтобы добился ответа, иначе срочно плывём дальше. Стоят холода, река грозит застыть... Шелогон – посёлок в 20–25 ... домов ...

26/IX. Запрашивал Гневушев о нашем пребывании. Ура, значит, и в Л-д сообщат, что мы живы и здоровы. К сожалению, домой сообщить ничего нельзя. Ждём самолёта теперь уж без всяких поползновений к отплытию. Стоят холода. Дуют холоднящие ветры. Забереги – уже по 10–15 м. Река бежит ещё в самой середине только. Ночью мороз до –16, днём – –10. Ура, а мы в тепле. Идёт шуга, льдины с шумом натываются друг на друга, образуя торосы в миниатюре ... Целыми днями читаем и ждём...

27/IX. ...Сейчас с удовольствием читаю серьёзную книгу о трудных днях коллективизации П. Замойского «Лапти». Вечером пришли ребята, и мы долго дулись в домино, а ночью долго не спала, всё думала о доме, о дочушке, ведь завтра ей год, моей сладкой, а мне нечем её порадовать.

28/IX. Позавтракали ... Подобрали, в общем, свои хозяйственные запущенные за лето дела – постирали, поштопали, перебрали образцы и вещи. Вдруг ребята зовут на разговор. Прихожу – оказывается, ... сегодня вечером отпраздновать заранее наш отъезд ... приготовили брагу ...

30/IX. ... Ну и гады, ещё не видела таких. Целый день нервничала. Разделились от них в питании. Сегодня пекли хлеб – ничего у Феди получилось. Читала.

1/X. Холодно. Морозно. Сообщили, что должен быть самолёт. Ждали с нетерпением. Сидим на чемоданах (мешиках). До

аэродрома 1,5 км идти пешком. Река замёрзла. Увы, прождали зря. Вечером читала, и играли в домино.

2/X. Сегодня необычный за последние 8–10 дней день. Тихо. Сквозь мягкие пушистые облака местами проглядывает лазурное небо. Тепло... т. е. для этих мест с утра –5, а днём даже +2°C. Снежная ... с крыши капель, что-то вроде весны. Кругом мёртвая тишина нарушается лишь ...

8/X. Уже дует октябрь ветрами, а мы всё в Шелогоне. Уже 8ой день ... с нетерпением самолёта, но, увы, уже 19 часов ... ни звука ...».

12 октября 1953 г. Лариса Попугаева уже ходила по музею в Иркутске и записывала в том же блокноте, перевернув его с обратной стороны, фамилии художников, названия картин и своё мнение о некоторых из них. О картине одного художника XIX в. «Водопад Кивач» написала: «неправдоподобно».

ОТКРЫТИЕ КИМБЕРЛИТОВОЙ ТРУБКИ «ЗАРНИЦА», 1954 ГОД

В 1954 г. Н. Н. Сарсадских не могла поехать в Якутию из-

Л. А. Попугаева

за маленькой дочери Лены. Однако и Л. А. Попугаева отказывалась ехать, ссылаясь на то, что не справится, так как район Далдына уже изучен опытными геологами. Плакала. Она сознавала важность дела, ложившегося на неё. Ей казалось также, что её посылают на неизбежную смерть – очевидно, страшили воспоминания о предыдущем годе. К тому же она уже начала сдавать экзамены в аспирантуру во ВСЕГЕИ.

Её подбадривал умиравший на больничной койке Шестопалов: «У вас получится!». Лариса, как и другие молодые

сотрудницы Центральной экспедиции, дежурила у его постели. Уговаривала Сарсадских. Убеждал Краснов, потративший на это, по выражению Масайтиса, «много красноречия». Все понимали, что наступает кульминация событий. Навыков полевой работы Лариса, как уже отмечалось, имела достаточно. Тот район Якутии она уже знала: и топографию, и геологические особенности, и условия работы. На промывке шлихов «набила руку». Минералы-спутники алмаза были ей знакомы, сама их нашла. Могла «на глаз» отличить альмандин от пироба, что не всегда просто, особенно если имеешь дело с мелкими зёрнами. У неё был сдан экзамен и получено официальное удостоверение на право «ответственного руководства горными работами (за исключением взрывных)». Имела опыт самостоятельной работы и навык руководителя. Что ещё нужно? А вот как оценил Ларису Попугаеву в своей книге «За нами встают города» Г. Х. Файнштейн, опытный таёжный геолог: «...дело...на этом весьма трудном для поисков участке было вложено в надёжные руки отличного поисковика».

Между тем потом недруги и завистники, а их нашлось немало и в Ленинграде, и в Нюрбе, выставляли её неопытным специалистом – и сразу после открытия, и многие десятилетия спустя. Особенно, конечно, те из них, кто уже держал «жар-птицу» в руках и упустил свой случай.

К тому же появилась ещё одна очень серьёзная причина. Лариса весной 1954 г. оказалась в деликатном положении. Наконец, всё-таки её уговорили. Она сознательно лишилась ребёнка, никому об этом не сказав. Сарсадских узнала об этой её жертве только через много десятилетий.

На 1954 г. полевые работы по партии Сарсадских заранее не планировались, так как её ожидали роды, а Попугаева намеревалась уйти в аспирантуру. Обнаружение пироба и пикроильменита, а самое главное, наконец, согласие Попугаевой на поездку кардинально меняло ситуацию. В конце зимы этого года Центральная экспедиция обратилась в трест с предложением организовать пиробовый поиск. Главный геолог треста № 2 А. П. Буров заявил Сарсадских по телефону из Москвы: «Вы сами заварили эту кашу, вы и расхлёбывайте». А отказали по фор-

мальным условиям: полевые работы отложить до завершения полной обработки геологических материалов 1953 года.

В мае 1954 г. ленинградцы написали докладную записку на имя управляющего трестом А. Л. Куницына. В ней подчёркивалось, что в непосредственной близости от местонахождения в речных наносах пироба и пикроильменита могут находиться кимберлитоподобные алмазосодержащие породы, и предлагалось организовать детальную шлиховую съёмку. Записку подписали И. И. Краснов, А. А. Кухаренко и Л. А. Попугаева. Лариса Анатольевна в это время исполняла обязанности начальника своей партии вместо находившейся в декретном отпуске Н. Н. Сарсадских. Теперь вся ответственность ложилась на неё. М. Ф. Шестопалов, которому по должности следовало её подписать, уже тяжело болел. Наконец, 15 июня 1954 г. был издан приказ по тресту об организации полевых работ по партии № 26.

Л. А. Попугаевой дали лишь одного помощника – правда, очень надёжного Фёдора Алексеевича Беликова. Зимой он трудился шофёром у Шестопалова, летом – с геологами в поле, для приработка и, конечно, по «склонности души» к полевым работам. Кого-нибудь другого ни за какое вознаграждение не заманишь на подобную жизнь. Его с теплотой вспоминают в своих книгах М. А. Гневушев, В. Л. Масайтис, Н. Н. Сарсадских.

Федюня, как все звали его, был деликатный человек, всегда невозмутимый, вызывавший общую симпатию. Ему шёл тогда 41-й год. Родом с Украины, украинец. Наверно, потому любил шпик. Вместо «как» говорил «як», вместо «в поле» – «в степу». Подтрунивания сносил без обиды. При его склонности к юмору и добродушию не конфузился, допустив какой-либо промах. В войну служил шофёром на ледовой трассе на Ладого. В шуточных стихах, написанных в его честь в Центральной экспедиции, он описан как

«Рабочий, грузчик, моторист,
Завхоз, коллектор, финансист».

Надо ещё добавить: повар и телохранитель. На бродях Попугаеву переносил на руках. При другом человеке она вряд ли сделала бы то, что сделала. В предыдущий сезон Лариса сначала ссорилась с ним. Вспылит, но скоро отойдёт. Была «незлопамят-

ливой», по его выражению. Ей казалось, что Фёдор её поучает: «Что ты меня учишь!». Однако взаимонепонимание продолжалось недолго. Она быстро оценила его доброту, трудолюбие, желание как можно лучше сделать своё дело, и они стали товарищами. На базе Амакинской экспедиции про них говорили: «двое неразлучных». Они взаимно имели ласковые имена («Нэся» и «Феденя»).

Средства на отряд Попугаевой были выделены из бюджета двух экспедиций – Центральной и Амакинской. И. И. Краснов за счёт имевшегося у него хоздоговора с Амакинской экспедицией оформил к себе на лето Беликова. Амакинская экспедиция оплатила проезд Попугаевой до Нюрбы и её командировочные расходы. Для соблюдения формальной стороны дела при этих расходах Лариса считалась прикомандированной к Амакинской партии № 182 В. Л. Масайтиса, находившейся зимой в Ленинграде. Описанные моменты сыграют свою драматическую роль в последующих событиях. Вместе с тем отметим, что партия № 182 Масайтиса к задаче Попугаевой отношения не имела.

В двадцатых числах июня 1954 г. сотрудник Центральной экспедиции Лидия Ивановна Неплохова была свидетелем того, как Сарсадских и Попугаева сидели за столом над картой Далдына, и Наталья Николаевна давала Ларисе последние наставления: «Пойдёшь туда, пойдёшь сюда». Лидия Ивановна стояла у них за спиной. Таким образом, большую часть июня Лариса провела ещё в Ленинграде.

В Нюрбу Лариса Попугаева и Фёдор Беликов прилетели в начале июля. С ними был и супруг Ларисы – Виктор. Сугубо городской человек, да ещё при том яростном темпе работы, который она задавала, помощником оказался неважным. В конце июля отослала его домой.

Они поставили палатки на окраине посёлка. Четыре дня ждали, пока Амакинская экспедиция даст самолёт. Их «оборудование» составляли ведро, лопата, кирка, ручной лоток для промывания шлиха, геологический молоток. Имелся также бинокляр – микроскоп с двумя окулярами, для обоих глаз. В него наблюдаемые объекты выглядят объёмными. Кроме того, при Ларисе всегда была маленькая минералогическая лупа с десяти-

кратным увеличением. Чтобы не потерять, её вешают на шнурке на шею или цепляют шнурок за петлю на одежде на груди. Можно предположить, что у них имелись также чугунная ступка с пестиком для дробления твёрдых горных пород и сита для отделения гальки и крупного гравия.

Сначала они долетели до Шелогонцев, где могли садиться относительно большие самолёты. От Нюрбы до Шелогонцев – 380 км, почти на север. Там «запаслись хлебом», что особенно запомнилось Беликову.

На речную отмель на Далдыне наших поисковиков доставил маленький двухместный самолёт, биплан ПО-2 (известный также как У-2), знаменитый «кукурузник». Когда Лариса показала на карте точку, где им нужно базироваться, то лётчик, по её словам, «почесал в затылке». Сначала слетал туда один, чтобы посмотреть, можно ли там приземлиться. Лариса как бывшая зенитчица на всю жизнь запомнила, что по его возвращении крылья самолёта были в дырочках, как от пулёмётных очередей. Очевидно, что при пробежке самолёта по земле галька из-под его колёс била по крыльям.

Тревуc Е. Б., досконально изучавший жизненный путь Попова, сначала усомнился в правдивости её рассказа. Ведь она была фантазёркой! Однако авиационный подполковник и бывший гражданский лётчик – два старика, которые помнят этот самолёт, подтвердили возможность такого факта. Доставив туда Ларису, лётчик остановил самолёт, когда машина одним колесом уже оказалась в воде, и, явно перенервничав, наклонил голову к ручке управления.

Понадобилось три рейса, чтобы переправить их вместе со всем имуществом. Беликов вспоминал через много лет, как лётчик сказал на прощание: «Надеюсь, вы вернётесь с успехом». Самолёт взлетел, сделал над ними три круга и покачал на прощание крыльями. Понятно, что такое запечатлелось в памяти Беликова не случайно. Они оставались одни, неизвестно, на сколько времени, наедине с тайгой, без связи с внешним миром. До ближайшего населенного пункта, тех самых Шелогонцев – свыше 120 км водного пути.

В отличие от предыдущего года лето 1954 года по погодным условиям оказалось сносным для работы. Засухи не было, но с 10 по 17 июля шли длительные дожди. Все перекаты, косы и даже пойменные террасы скрылись под водой, а работать можно лишь при низкой воде. В последнюю неделю июля температура воздуха составляла около 30°. На природе около речных пространств такая температура переносится легче, несмотря на повышенную влажность воздуха, характерную для тех мест. В августе небольшие дожди шли недолго, причём только ночью. Температура, конечно, понизилась по сравнению с июлем, однако, в целом, было тепло. За всё лето случилось лишь несколько неглубоких заморозков.

Условия труда, разумеется, были теми же, что и в предыдущем году. При мытье шлихов кисти рук обдаёт ледяная вода. Ведь это район вечной мерзлоты, как раз на Полярном круге. До Ледовитого океана, моря Лаптевых – 800 км. В отсутствие сит мокрую гальку выбирают из пробы руками. После работы, особенно в холодную погоду, приходится отогревать руки над костром или в нагретой на костре воде. Ночью, «ёжась от холода, ждёшь рассвета». Мёрзлая земля оттаивает за лето примерно на 10-50 сантиметров.

Комары облепляют человека сплошным слоем. От них защищает накомарник. От гнуса (мошки) он не помогает, так как эти насекомые ползут под него по коже. Гнус кусает до крови и любого человека может довести до бешенства. Он выкусывает мельчайшие кусочки кожи и действует как ожог. Хорошо, если есть холодный ветерок, который всю эту нечисть сдувает. Всё приходилось тащить на себе и в двух резиновых лодках на бечеве вверх по реке: палатки, продукты, снаряжение. Лариса носила резиновые сапоги 41-го размера при её ноге 34-го размера. Других сапог, очевидно, не нашлось.

У них имелась белая собачка, названная ими Пушком, которую они забрали в Нюрбе из множества бездомных собак. «Нас было трио, – говорила потом Лариса, – Пушок постоянно был резв и весел и в любое время суток бдительно охранял нас от всех живых существ, попадавших на пути. С одинаково громким лаем он набрасывался на бурундуков, мышей, куропа-

ток и даже дикого оленя. Беликов был хорошим охотником, поэтому в начале лета были с мясом уток, гусей и вспугнувшего оленя. Однако в августе–сентябре из продуктов остались только пшено, рис и овсянка. За неимением хлеба пекли лепёшки на лопате. Работали с утра до вечера. Местами пробирались сквозь заросли тальника (ивы), подступавшие к водным руслам.

Собачка Пушок в дальнейшем оставила для нее особую память и Лариса стала большой любительницей собак. В 1970-е годы у неё в Ленинграде жили две собачки. Как-то она завела щенка и полгода носила его с собой на работу, так как дома не с кем было его оставить. Человек, любящий животных, вызывал у нее особое уважение.

Работу Попугаева и Беликов начали на Киенг-Юряхе (правом притоке Далдына). Этот ручей манил их к себе, так как был приметен по предыдущему году благодаря обилию в его устье пиропа и пикроильменита. Прошли по нему вплоть до его верховьев, обследуя также устья ручейков, впадающих в него. Только на Киенг-Юряхе было взято 36 проб для последующего детального анализа в Ленинграде. Эти пробы брались через 600–800 метров, а иногда и реже.

Ф. А. Беликов и собачка Пушок на Киенг-Юряхе

29 июля к Попугаевой дня на два прилетели Краснов и Гневушев, чтобы посмотреть, как идут дела. Гневушев впоследствии опубликовал воспоминания об этой поездке, в которых подчеркнул «необычайное упорство и настойчивость во всём, за что бралась эта молодая женщина, присущее ей терпение». В присутствии гостей Лариса нашла в прибрежном песке на Далдыне алмаз – величиной в 1–2 миллиметра. Гневушев об этом написал, что Попугаева якобы несколько часов ползала по берегу, прежде чем высмотрела тот кристаллик. Рассказ Краснова об этом эпизоде выглядит иначе. Она пошла к Далдыну чистить зубы и вдруг бежит с кружкой в руке, а в ней алмаз. Губы – в зубном порошке. Такая легенда более правдоподобна, у нее был острый глаз и меткий стрелок.

Сарсадских охарактеризовала её по-своему: «Пробойная». На последнем этапе поисков Лариса просто ложилась на землю и, отворачивая дёрн, высматривала пиропы. Как потом острили геологи, она открыла своё месторождение «животным способом». Руки у неё были в ссадинах, колени сбиты. Сама она красочно описала школьникам во Дворце пионеров это так: *«Мы буквально ползком продвигались по поросшей влажным мхом земле. Голыми руками сдирая мох, не доверяя собственным глазам, мы сквозь лупу осматривали каждый сантиметр русла, каждый кусочек породы, каждый бугорок»*. В интервью на радио сказала: *«Экономя время и силы, мы уходили в тайгу без спальных мешков далеко от палатки, ночевали часто под открытым небом в болотах или у небольших ручьёв, укрываясь за каменными глыбами и лесным валежником. Часто спали, вернее, коротали ночь сидя, потому что уснуть без спального мешка на земле, где сразу подо мхом лежит вечный лёд и температура по ночам обычно ниже нуля, не удаётся»*. К концу дня она была так обессилена, что Беликову приходилось приносить её к лагерю и кормить с ложки.

Потерпев неудачу на Киенг-Юряхе, несмотря на массу потерянного времени и затраченного труда, Попугаева и Беликов не утратили волю к действию. Они спустились вниз по Далдыну к ручью Дыха, ближайшему к Киенг-Юряху, в пяти километрах

от него. Напомним, что по предыдущему году они знали, что там есть пиропы.

Попугаева и Беликов углубились в долину Дьяхи. Последние несколько (а может и больше) драматических суток на Дьяхе описаны неоднократно особенно подробно. В разном изложении события этих дней несколько отличаются друг от друга, что естественно: при одном рассказе одному человеку наши герои вспоминали какие-то одни детали, при другом рассказе – иные. Попугаевой запомнилось что-то одно, Беликову – другое. Со временем прошлое, конечно, как-то трансформировалось в их головах, и они сами могли описывать его неточно. Повествователи в своих записях искажали их рассказы. Так, немецкий журналист Д. Венде написал, что они добрались до истока Далдына, который терялся в «непроходимом болоте». Однако до конца этой реки они не дошли, что совершенно точно.

18 августа 1954 г. в устье мелкого левого (восточного) притока Дьяхи, ручейка Загадочного, Лариса нашла алмаз. Там же ей встретились в щебне известняков два обломка плотной чёрной горной породы, резко отличавшихся от тех, что она наблюдала повсеместно вот уже второй год: один размером 5 см, другой 1,5 см, с зёрнами пиропа. Наконец, там же ей попался кусочек размером 4–5 см: «Голубовато-серая лёгкая жирная на ощупь порода типа брекчии» с ильменитом. Наверно, при её уверенности в правильности пути, близости к цели, и ее свойстве увлекаться, она тут же поверила, что имеет дело с кимберлитом.

Километров через пять ручей Дьяха потерялся в болоте. Обошли его. Пиропов за ним не было. Оглядываясь вокруг, Лариса сказала: «Загадочное место!». Чувство близости открытия, видимо, уже владело ею. Кимберлиты были у неё почти под ногами. В эти последние дни азарт так их охватил, что они питались кое-как, почти всухомятку.

Они назвали эту речушку «Шестопаловкой» в память о своём начальнике. У них имелась карта пятикилометрового масштаба, на которой отсутствовало название этого водотока. Возможно, что лишь после составления детальных топографических карт за ним закрепили якутское слово Дьяха.

Не найдя пиропов за болотом, вернулись назад. Прошли по ручейку Загадочному со шлиховым опробованием. По нему тоже прослеживались пиропы. Набравшись опыта на Киенг-Юряхе, теперь возможное местонахождение коренного источника пиропов и алмазов, по собственному выражению Ларисы, они «взяли в вилку»: с запада (по ручью Дьяха) и с юго-востока (по ручейку Загадочному). Поэтому Лариса и Фёдор стали перемещаться вверх на водораздел между Дьяхой и Загадочным по сухой ложбине, заросшей лесом. По-видимому, поднялись наверх из долины Загадочного.

Некоторые авторы пишут, что пробы брались через 100–200 м, не детализируя то, где наши поисковики поступали так. Видимо, именно здесь они перешли к такой частоте шлихования. Причём, если в начале работы для отыскания пиропов требовалось до трёх ведер песка, то теперь было достаточно двух-трёх горстей. Пробы рыхлой подпочвенной породы носили вниз к ручью для промывки, что сильно замедляло дело.

20 августа 1954 г. они выбрались в район слабовыпуклой, почти ровной местности, занятой невысокой лиственницей и ольхой. Подъём растянулся приблизительно на километр, превышение над р. Дьяхой составило около 100 м. Выбравшись на водораздел между Дьяхой и Загадочным, могли сверяться только с компасом. В отчёте Н. Н. Сарсадских и Л. А. Попугаевой написано: «Было намечено покрыть это пространство сетью поперечных маршрутов через 50–100 м». Из рассказов Ларисы в Нюрбе поняли, что эта сеть должна была образовывать квадраты. Шутники веселились, говоря, что она провела исследование «квадратно-животным» способом. Сейчас уже могут не понять такую шутку. Дело в том, что при Н. С. Хрущёве навязывалась посадка кукурузы по всей стране, вплоть до Полярного круга, а сеяли её «квадратно-гнездовым» методом.

Итак, 21 августа 1954 г. Они находились в тот день не более чем в двух километрах от ручья Дьяха. К обеду начал моросить слабый дождь, температура воздуха была около 20°. Натянули тент, Беликов разжёг костер. Лариса села, открыла последнюю пачку «Беломора» – её излюбленные папиросы. Ковырнула ногой дёрн. Неожиданно вскочила, отбросила окурки и схватила

лупу: «Федюня, смотри! Голубая земля, и вся в пиробах!». Это были разрушенные с поверхности породы, ныне знаменитая кимберлитовая трубка «Зарница». Почти полтора месяца Лариса шла к ней.

Строго говоря, это не была точно такая же синяя или отчетливо голубая земля («blue ground»), как на африканских трубках, поскольку условия выветривания кимберлитов в жаркой сухой Африке одни, а в морозной Якутии – другие. Это была серая земля, лишь, видимо, с голубым оттенком, содержавшая полуразложившиеся кусочки кимберлита. Первооткрыватели сидели, ошеломлённые своей находкой, «размечтавшись о будущем», как живо впоследствии рассказывал Беликов.

В качестве заявочного столба Беликов затесал стоявшую на трубке листовенницу. Рядом под кучкой камней Лариса Попугаева оставила в консервной банке записку:

«Впервые 21–22. VIII. 1954 г.

Эт и ост ат ки, видимо, очень богат ого ильменит о-пиропового и, возмож но, алмазного мест оро ж дения обнаруж и-ли работ авшие в эт ом районе сот рудники парт ии № 26 ЦЭ Со-юзного т рест а № 2.

Геолог Гринцевич-Попугаева Л. А.,

Лаборант Беликов Ф. А.

Всё содер ж имое эт ого разрушенного коренного мест о-ро ж дения, судя по наблюдениям, просело вглубь. Ост ат ки от него ищит е по обе ст ороны от мест а кост ра и шалаша в кам-нях. Виднее всего они на курумах.

Желаем успехов в дальнейшей работ е по поискам инт е-ресных мат ериалов к решению наших задач».

Из последних слов записки можно ощутить уровень ответственности молодой женщины-геолога. Оригинал записки чудом сохранился и хранится в историко-производственном музее АК «АЛРОСА», г. Мирный.

Кстати, год назад, в 1953 г. в пределах этого участка про-водили геологическую съемку сотрудники Иркутского геологи-ческого управления, оставив шалаш и выгоревшее место от ко-стра. Они попутно брали на Дьяхе шлихи, нашли в них и пироп, однако разобраться с этим минералом тогда не сумели.

Беликов и Попугаева сделали два шурфа, каждый на глубину до 70–80 см, и остановились в слое вечной мерзлоты. В подошве шурфов было уже много кусков массивного неразложившегося камня. В полевом дневнике Лариса написала, что нашла «кимберлитоподобную» горную породу. Пробивать шурфы Попугаевой и Беликову мешала быстро натекавшая в них вода. Под конец работы в них они стояли в воде.

Территория трубки была понижена по сравнению с окружающей местностью, что отметила Лариса в своей записке. Уступ на краях трубки составлял от одного до двух метров. Это,

очевидно, позволило определить её величину и форму. Первооткрыватели нанесли трубку на карту.

Название

«Зарница» было дано трубке Гневушевым, точно отражающее суть её достижения. Оно действительно озарило геологов: где и как искать алмазы. Это был «момент истины». Пироповый метод, ничтожный по стоимости, определил дальнейшие открытия.

После работы на «Зарнице» Попугаева и Беликов не посчитали

Л. А. Попугаева, Ф. А. Беликов и собачка
Пушок, 22 августа 1954 г.

свою задачу выполненной, не торопились появиться перед

начальством и доложить об успехе. Они продолжали обследовать ближайшие ручьи и речушки, выявили широкую «заражённость» местности пиропами и, таким образом, обосновали возможность наличия других трубок. На эту работу они затратили ещё около трёх недель, т. е. до второй декады сентября 1954 г. Следующие четыре дня после 21 августа были сухими, температура воздуха достигала 20–24°. Затем начались дожди, температура упала на десять градусов. В сентябре, естественно, температура стала ещё меньше.

В сентябрьском письме своей матери Ольге Сергеевне из Нюрбы Лариса сообщила, что свой день рождения *«3 сент ября вст речала в т айге. Федя убил в эт от день 3-х ут ок, одну запекли в кост ре. Был свеж ий карт офель, прислал Краснов. Словом, от праздновали на славу. Без вина, а было хорошо. Кругом шумела т айга»*. Конечно, матери сообщала только то, что могло быть той приятно. Ранее в письме с Приполярного Урала она неосторожно описала опасные моменты полевой работы, сильно её обеспокоив: *«Доченька, чт о за профессию т ты себе выбрала! Надо переходит ь на лаборат орную работ у»*. После этого Лариса остерегалась её тревожить.

Кимберлитовая трубка «Зарница» явилась в следующем - 1955 году «учебным полигоном» для геологов по освоению пиропового метода поиска кимберлитов. В близлежащем к «Зарнице» районе открыли ещё десять трубок, в том числе богатейшую по алмазам – «Удачную». Видимо, это послужило причиной того, почему «Зарницу» сразу не разведали достаточно детально. Лишь истощение запасов «Удачной», резкое усложнение и удорожание работы по мере продвижения её разработки вглубь от поверхности земли потребовали вновь обратить внимание на «Зарницу».

В дальнейшем лес в пределах «Зарницы» довольно быстро вырубил. Поэтому тем, кто приезжал на неё позже, казалось, что она всегда находилась на голой возвышенности. Вот как описал те места современный путешественник: «Тому, кто сегодня на рейсовом лайнере приземляется в аэропорту «Полярный» и из окна маршрутного автобуса смотрит на проносящиеся мимо посёлки, встречные автомашины, многоэтажные дома, серебри-

стые корпуса обогащательных фабрик и отвалы – рукотворные плоскогорья, возвышающиеся над отошедшей в сторону чахлой лиственничной тайгой, тому трудно поверить в то, как этот край выглядел в августовские дни 1954 г.».

Во вторую декаду сентября, потратив несколько дней, Попугаева и Беликов сплывались до Шелогонцев, где, как и в предыдущем году, находились геологи из НИИГА. Привезли 60 кг шлихового концентрата и камней (два рюкзака). Среди тяжёлых минералов, оставшихся после промывки разрушенной рыхлой породы, взятой непосредственно на «Зарнице», были обнаружены четыре алмазных кристалла с помощью люминесцентной установки НИИГА.

КИМБЕРЛИТЫ И ЧЕМ ОНИ ИНТЕРЕСНЫ

Кимберлиты в «Зарнице» имеют разную окраску блёклых тонов: серую, зеленовато-серую, голубовато-зеленую, желтовато-бурую. Такие цвета вообще характерны для кимберлитов. Данная порода обычно похожа на бетон: камни, сцементированные неровной на изломе внешне аморфизованной (некристаллической) массой –

Кимберлит

глубинных взрывов.

обломки «посторонних» горных пород. Они называются ксенолитами («ксенос» по-гречески чужой, «литос» – камень) и представляют собой самые разнообразные горные породы – те, сквозь пласты которых магма прорывалась к поверхности Земли под действием

В кимберлитах можно даже найти куски каменного угля, окаменелые кораллы, ископаемые раковины. Размер ксенолитов иногда достигает многие метры. Ксенолиты обычно оплавлены и имеют округлую форму, причём в кимберлитовой магме они подвергаются обжигу точно так же, как глина в огне превращается в керамику. В кимберлитах встречаются также в большем или меньшем количестве куски кристаллической породы, по составу отвечающей самой кимберлитовой магме.

Кимберлитовый цемент (застывшая кимберлитовая магма) по своему составу принадлежит к так называемым «ультраосновным» горным породам, которые отличаются от иных изверженных горных пород наиболее низким содержанием кремния. В то же время кимберлиты по сравнению с другими породами этого типа содержат относительно высокое количество некоторых щелочноземельных металлов, в первую очередь магния. А магниевыми минералами, как отмечалось выше, являются пироп и пикроильменит.

Горные породы, которые содержат массу обломков разных пород, а скрепляющего их цемента сравнительно немного, называются брекчиями. Если таких обломков вообще нет или они в незначительном количестве, то именуются туфами. Вместе с тем есть кимберлиты, которые целиком состоят из кристаллов размером от нескольких миллиметров до одного сантиметра, представленных собственными минералами кимберлитовой магмы.

Вблизи поверхности земли кимберлит быстро разрушается под действием воды и перепадов температуры, химически разлагается и превращается в глину. Немецкому корреспонденту через 20 лет после открытия «Зарницы» Л. А. Попугаева сказала, что «имела картинку кимберлита из учебника в голове». Кимберлит ей показал А. А. Кухаренко в их знаменательную встречу в Ленинградском государственном университете, эта горная порода из трубки «Ягерсфонтейн» также имелась у него.

В реальности ранее кимберлиты видели «*in situ*» («на месте») только директор Института прикладной минералогии, профессор Н. М. Фёдоровский и директор Геолкома (нынешнего ВСЕГЕИ, профессор Д. И. Мушкетов. Они побывали на 15-й сессии Международного геологического конгресса в Претории

(Южная Африка) в 1929 г., который был посвящён золоту. Однако на всех его сессиях делегатов непременно возили по наиболее замечательным геологическим объектам той страны, где проходила очередная такая сессия. Наши геологи побывали тогда на кимберлитовых трубках вблизи Кимберли (600 км южнее Претории) и на группе трубок в 35 км к востоку от Претории. Мушкетов счёл своим долгом привезти в музей своего учреждения образцы кимберлитов. По свидетельству бывшей сотрудницы музея ВСЕГЕИ, работавшей в 1960-е годы, у них уже тогда имелись «очень старые кусочки» кимберлита. По-видимому, это и были камни, привезённые Мушкетовым. Таким образом, увидеть кимберлит Л.А. Попугаева могла и во ВСЕГЕИ.

Между тем лично помочь в 1950-е годы, дать хотя бы словесное описание кимберлита эти специалисты уже не могли. Н. М. Фёдоровский, арестованный в 1937 г., сначала находился в лагере, во время Великой Отечественной войны работал подневольным геологом под Норильском, затем снова был отправлен в лагерь. Перед освобождением в 1954 г. у него произошел инсульт и через два года он умер. В 1938 г. расстреляли Д. И. Мушкетова.

За год или два до открытия Попугаевой геологи НИИГА привезли с севера Якутии образцы, ранее не встречавшейся им горной породы. Её определение поручили В. А. Черепанову. Будучи тогда начинающим специалистом, он не имел предвзятого мнения и нашёл, что это кимберлит, каковым он впоследствии и оказался. По словам знавших его он был большим умницей и острословом. Начальник отдела НИИГА М. Г. Равич воскликнул, ознакомившись с выводом своего подчинённого: *«Вы понимаете, что отсюда следует? Ведь кимберлит – это алмазы! Нас поднимут насмех!»*. Дали этой горной породе приблизительное название: эруптивная (т. е. вулканическая) брекчия основного состава. Эпизод чрезвычайно выразительный, поскольку иллюстрирует уровень компетентности в отношении кимберлитов наших петрографических авторитетов того времени, а также весьма поучительный: следует быть ответственным и стремиться к тому, чтобы разобраться во всём до конца. Если

возникло подозрение на кимберлит – как можно было от этого отмахнуться?

МЕСТОРОЖДЕНИЕ АЛМАЗОВ «ЗАРНИЦА» В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Размеры коренного месторождения алмазов «Зарница» впоследствии были уточнены и составили 570×530 м, такая трубка уже считается крупной. Но поисковики-алмазники до сих пор потрясены тем, как Л. А. Попугаева сумела её отыскать, и утверждают, что пройти в тайге мимо «пяточка» породы такой величины под почвенным слоем ничего не стоит.

В 1974 г. Лариса была приглашена в Якутию на празднование 20-летия открытия «Зарницы». После тяжелых раздумий она все же поехала. Конечно, спустя 20 лет, там многое изменилось. Бондаренко давно уже был снят с работы. Как проходил этот праздник и какие чувства он пробудил в сердце Ларисы Анатольевны, теперь мы уже не узнаем...

40-летие открытия трубки
«Зарница», 1994 г.

В 1994 г. в г. Удачный прошли торжественные мероприятия, посвященные 40-летию открытия первого коренного месторождения алмазов в России – трубки «Зарница». Первооткрывателей трубки Н. Н. Сарсадских, Ф. А. Беликова и дочь Л. А. Попугаевой – Наталью Викторовну встречали как дорогих и почетных гостей. Им было предоставлено право открыть мемориал. Много радостей гостям доставила поездка на «Зарницу». Там они увидели восстановленным заявочный столб с текстом записки Л. А. Попугаевой, написанной

после открытия кимберлитовой трубки. Первооткрывателей по-

радовало и то, что проведенная в 1980-х годах детальная разведка трубки «Зарница» с подсчетом запасов до глубины 300 м установила, что содержание ювелирных алмазов в трубке и их стоимость значительно выше, чем это представлялось ранее.

Разработка трубки «Зарница» началась сравнительно недавно. Первая промышленная разработка произведена лишь в 1998 г. Алмазы в «Зарнице», как и вообще якутские алмазы, лучшие в мире по качеству и относительно крупные. Специалист их сразу отличит.

Карьер на кимберлитовой трубке «Зарница» (июль 2004 г.).
Кольцевые уступы – дороги, по которым идут стотонные самосвалы
(по Е. Б. Трейвусу)

Якутский историк по алмазной тематике **Р. Н. Юзмухаметов** в 2011 г. так описывает судьбу месторождения алмазов «Зарница»: *«Долгое время первенец алмазных месторождений в Якутии – трубка «Зарница» – оставалась в тени других знаменитых кимберлитовых трубок – «Мир» и «Удачная», поскольку в ней, по предварительной разведке, было установлено непромышленное содержание алмазов. И только в результате повторной детальной разведки в 1979–1982 гг. было определено, что содержание алмазов в трубке «Зарница» зна-*

чительно выше, чем это представлялось ранее. На этом основании Министерство цветной металлургии СССР рекомендовало начать эксплуатацию трубки «Зарница» в 1988 г. Но освоение этого месторождения началось силами Удачинского горнообогатительного комбината АК «АЛРОСА» только в декабре 1998 г.».

Указатель кимберлитовой трубки «Зарница»

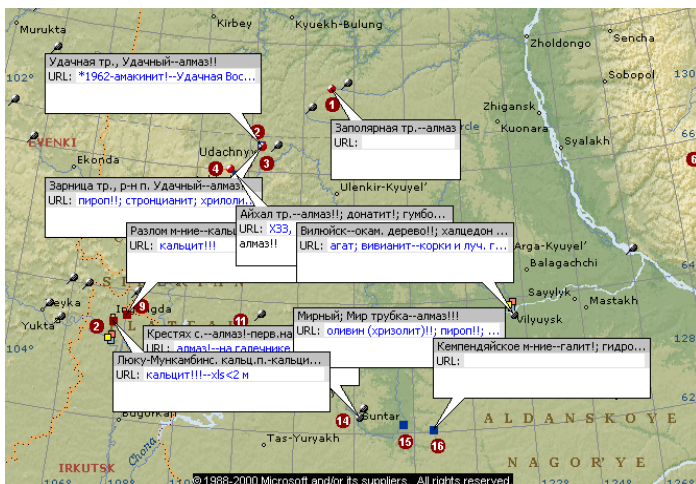

Схема расположения основных месторождений алмазов в Якутии

В настоящее время на Сибирской платформе найдено более 800 кимберлитовых трубок и лишь 150 из них содержат алмазы, причем в промышленных количествах – около полутора десятка. Причина этого до сих пор является загадкой.

ПРОИСХОДИВШИЕ СОБЫТИЯ ДО ОТКРЫТИЯ ТРУБКИ «ЗАРНИЦА»

Вернёмся к началу «звёздного» маршрута Л. А. Попугаевой. Ещё в июле 1954 г., приехав в Якутию, Лариса не скрывала, как собирается действовать. Сразу собрали находившихся в тот момент в Нюрбе геологов, т. е. по словам присутствовавшего там геолога В. Д. Скульского, проведено летучее производственное совещание. Попугаева показала цветные микрофотографии пиропов, сделанные В. Л. Масайтисом в Ленинграде. Обрисовала в деталях методику работы, в которой имелись свои тонкости. Всё, что она рассказывала, явилось, по признанию Скульского, для них откровением. Беликов пытался её удержать: *«Не болт ай ничего лишнего! Поост ерегись, Лариса!»*.

Однако она считала, что «геолог геолога не обманет, что они все – её друзья». Несомненно, думала, что ради пользы дела не имеет права ничего утаивать, не заботилась о собственной будущей славе, возможной утрате приоритета, не задумывалась о том, что кто-то способен её опередить. Между тем она вполне могла умолчать об идее ленинградских геологов. Позднее коллеги в Ленинграде во многом ее обвиняли, в том числе и в болтливости. Описанный эпизод – важный штрих к её характеру. Она по государственному подходила к делу, не думая о собственной выгоде.

По воспоминаниям первого секретаря Якутского обкома партии С. З. Борисова, упомянутое совещание было собранием «партийно-хозяйственного актива» с его участием. Это выглядит странным: с чего бы это в рамках подобного мероприятия перед людьми, далёкими от геологии, выступать с рассказом о плане будущих алмазных поисков и его специфических, интересных только для геологов?

В Нюрбе геологи тогда же начали показывать Л. А. Попугаевой красные зёрна из своих шлихов и спрашивать, не пиропы

ли это. Вместе с тем, по крайней мере, многие из них отнеслись с недоверием к её словам. Как писала известный геолог-алмазник Н. В. Кинд: *«Геологи горячо высказывали сомнение в том, обязательно ли присутствие пиропов по соседству с коренным источником алмазов»*. Они ссылались на то, что находят алмазы в песках по Вилую и не видят пиропы. Им не приходила в голову простая мысль, что пироп обладает гораздо меньшей твёрдостью, чем алмаз. Перекачиваясь в речном потоке вместе с песком, он уничтожается гораздо быстрее и не выдерживает переноса на столь далёкие расстояния, как алмаз. К тому же зёрна пироба трещиноваты. Поэтому они не только истираются при своём сносе, но и раскалываются на более мелкие частички.

В отличие от некоторых своих геологов руководство Амакинской экспедицией почувствовало значимость нового метода. Одновременно с Красновым и Гневушевым на Далдыне высадился отряд из Амакинской экспедиции, устроивший слежку. Ленинградцы устанавливали свои две палатки, а неподалёку появлялась палатка отряда Амакинской экспедиции. Лариса не выдержала: «Что вы к нам вяжетесь?».

Никакой помощи они не оказывали, но впоследствии их начальник В. Д. Скульский юмористически возглашал в Нюрбе, что Попугаева не открыла бы «Зарницу», если бы он не снабжал её макаронами. На самом деле задача у амакинцев была следующая: проверить находку алмаза, сделанную отрядом Сарсадских в 1953 году на Далдыне (напомним, Ларисину находку). Амакинцы проводили опробование речных отложений Далдына и его притоков на алмазы. Их было 10 человек, т. е. действительно они имели основное задание, а задача «присматривать» за Попугаевой являлась для них побочной, но она была. Оказалось, что амакинцы высадились не у точки находки алмаза в трёхкубовой пробе в предыдущее лето, а рядом с нею, в устье Киенг-Юряха.

В присутствии Скульского Лариса Попугаева нечаянно нашла ещё один алмаз размером 4–5 мм на отмели в устье Киенг-Юряха. Его отряд продолжал «крутиться» около неё вплоть до открытия «Зарницы», а также в последующее время. Позднее

Скульский об этом ничего не писал, хотя создается впечатление, что о многом умалчивал, или что-то сознательно искажал.

По рассказу Беликова, после объяснения с амакинцами они сняли на следующий день свои палатки и ушли. Как писала позднее Е. Н. Елагина: *«Геологи – народ дружный, чувствую, что я развита у них чрезвычайно, однако за годы работы на Виллоу нам, к сожалению, не раз приходилось сталкиваться с проблемами, далёкими от товарищества»*.

В августе 1954 г. – накануне открытия «Зарницы» первый секретарь Якутского обкома партии С. З. Борисов и «группа ответственных товарищей побывали на её маршруте, подбодрили добрым словом обоих – Попугаеву и Фёдора Беликова» (так по его книге). От неё они полетели дальше, чтобы ознакомиться с полевой работой других геологов-алмазников. Среди «ответственных товарищей» был, очевидно, начальник Амакинской экспедиции М. Н. Бондаренко и другие специалисты, которым полагалось сопровождать партийного руководителя такого высокого уровня. Естественно, что они же инициировали данную поездку. С их стороны имелся повышенный интерес к работе, казалось бы, малозаметного крошечного отряда Л. А. Попугаевой. Внимание к ней, несомненно, усилилось после возвращения с Далдына Краснова и Гневушева, которые должны были сообщить в Нюрбе о благоприятных перспективах пиропового поиска в том районе.

В Нюрбе в 1954 г. Попугаева подружилась на всю жизнь с **Наталией Владимировной Кинд**, которая была всего на 5 лет её старше. Это яркая замечательная женщина, известный геолог-алмазник, в дальнейшем доктор наук. В геологической партии Н. В. Кинд сразу начали обращать внимание на пироп после выступления Ларисы в Нюрбе. Однако добилась положительного результата в тот год лишь Лариса одна. Только в 1955 г. Екатерина Елагина и Юрий Хабардин – «киндейцы», как их называли, вышли по пиропам на трубку «Мир».

Сибирские геологи – те, кто «хлебнул таёжного лиха» и знают в реалиях, что собой представляет проведённый ею поиск, награждают Ларису Попугаеву самыми лестными эпитетами, сравнивают с Юрием Гагариным. Геолог Г. Х. Файнштейн пи-

сал: *«Она с маст ерст вом ювелира, шаг за шагом, продвигалась к цели, работ ая в районе, слабо дренируемом, очень слож ном для поисков».*

О высоком качестве работы Попугаевой и Беликова свидетельствует следующее. Зёрна пиропа зачастую покрыты корочкой желтовато-серого цвета, иногда они кажутся чёрными. Надо обладать цепким, наметанным глазом, чтобы высмотреть их в общей массе шлиха. Не очень опытный или не очень добросовестный промывальщик может потерять пиропы, особенно если их немного и они мелкие.

РАЗВИТИЕ СОБЫТИЙ ПОСЛЕ ОТКРЫТИЯ КИМБЕРЛИТОВОЙ ТРУБКИ «ЗАРНИЦА»

21 или 22 августа 1954 г. Попугаева и Беликов спустились к Далдыну, и она сама рассказала амакинцам о своём открытии, хотя Беликов пытался удержать её от этого. Техник из «шпионского» отряда сфотографировал их, улыбающихся, обнимающих свою собаку. У неё был широкоформатный фотоаппарат «Любитель», поэтому сейчас обладаем уникальными снимками, а данная фотография стала исторической.

После открытия «Зарницы» наши герои поднялись по Далдыну до его северного притока, ручья Улахан-Бысыттах, приблизительно в 20 км выше ручья Киенг-Юрях. Они прошли по Улахан-Бысыттаху, обнаружили и там пиропы, однако до кимберлитовой трубки не добрались. Прошли затем по его южному притоку – ручейку, в устье которого нашли пиропы, и назвали его ключом Пироповым, закончили работу и уплыли вниз по Далдыну.

Они преодолели по Киенг-Юряху и его притокам около 25 км, по ручью Дьяха и ручейку Загадочному ещё около 15 км. По Улахан-Бысыттаху и Пироповому продвинулись на 20 км. Итого, они проделали не менее 60 км только по притокам реки Далдын и только в одном направлении, не считая обратных «холостых» ходов. Длина их пути по реке Далдын остаётся неясной, однако она должна быть не менее 30 км.

Безусловно, Скульский сообщил поразительную новость о находке по рации в Нюрбу. Однако их отплытие в Шелогонцы

он упустил и сообщил об этом своему начальству. Ему прислали самолёт, на нём он стал облетать район, якобы исключительно только из-за того, что беспокоился за их судьбу. Не найдя Попугаеву и Беликова, полетел вдоль Далдына и с воздуха обнаружил их в лодках вблизи устья Далдына. Он «спустился с небес» и доплыл с ними до Шелогонцев. Так события описывались им самим. Он утверждал, что лишь при этой встрече узнал об её открытии. Беликов описал происходившие события иначе: «Нам удалось добраться до Шелогонцев без «эскорта», мы уже спали, когда появился Скульский».

Скульский убедил Попугаеву лететь с ним в Нюрбу на намечавшееся там совещание, не дожидаясь Беликова, и она решила оставить его в Шелогонцах со всем их хозяйственным имуществом. «Бросила Беликова», как потом упрекали её в Центральной экспедиции. Геологи из НИИГА говорили ему: «Не отпускай Попугаеву! Пусть она не берёт с собой образцы!».

Считают, что отправляться в Нюрбу ей было необязательно. Экспедиционная база геологов, работавших в Шелогонцах, размещалась в 300 км на северо-запад от него в маленьком посёлке Яральин. Она могла улететь в Яральин и оттуда через посёлок Оленёк и Якутск в Ленинград.

Некоторые заявляли и продолжают заявлять, что ей следовало сразу уехать домой со всеми своими материалами. Однако думается, что она поступила правильно, отправившись в Нюрбу. Должно было состояться большое совещание, проводившееся трестом, в котором она работала, а не Амакинской экспедицией. Как она могла уклониться от участия в этом совещании при столь важных результатах её работы? Она действовала, исходя из общегосударственных, а не только из интересов ленинградской группы исследователей. Кроме того, она же не представляла, что её ожидает.

После Шелогонцев Попугаева все-таки оказалась на 1–2 дня у геологов из НИИГА в Яральине, а это в противоположной стороне от Нюрбы. В Яральин летел самолёт из Нюрбы и по распоряжению Бондаренко самолёт забрал в Шелогонцах Попугаеву.

В Яральине Лариса выступила перед геологами НИИГА. Конечно, желала как можно более широко оповестить геологов о том, что, наконец, коренные алмазоносные породы найдены. Надо думать, считала это своим долгом, для пользы дела, не ради хвастовства. Она широким жестом выкладывала в Яральине на стол добытые ею образцы: «Вот, нашла чёрт те что». Были в её словах, очевидно, и рисовка, и гордость. Несомненно, была счастлива своим открытием, упоена им. Геологи оказали ей в Яральине восторженный приём, устроили в честь нашей героини праздничный ужин. Мама выговаривала ей в одном письме: *«Я тебя знаю. Ты радуешься и радость юю своей хочешь поделит ься со всеми. Люди понимают эт о как хваст овств о и завидуют »*. Потом в Нюрбе её резко отчитал Буров за откровенность в Яральине.

Скульский последовал туда вместе с Попугаевой. Значит, либо не хотел выпускать «из своих рук», либо посадка самолёта в Шелогонцах на обратном пути из Яральина не намечалась. Сам он написал в своём очерке, что его тоже туда «пригласили». Попугаева имела возможность отправить из Яральина с возвращавшимся в Ленинград Дмитрием Соловьевым письмо с сообщением об открытии, однако сделать этого не успела. А подарила ему кусочек найденной ею горной породы. Её поведение можно объяснить просто. В Яральине она всё время находилась в центре внимания, вокруг неё была суматоха, она не имела ни одной свободной минуты, чтобы сосредоточиться и написать хотя бы записку. Да и неизвестно, сколько времени она там находилась. Может быть, всего лишь несколько часов. Может, просто упустила момент его отъезда. Кроме того, она намеревалась уже в ближайшие дни приехать в Ленинград со всеми материалами, что подтверждает её письмо, которое будет цитироваться позднее. Когда образец этой горной породы в руках геолога НИИГА Дмитрия Соловьева увидела Н. Н. Сарсадских в Ленинграде, то поняла, что это за образец порды, но была уязвлена молчанием Ларисы. Так начался разлад в их дружбе.

Уезжая в Нюрбу, Лариса Попугаева сказала Беликову, что её ждут «цветы и шампанское», а Скульскому – «фанфары, цветы и овации».

ДРАМАТИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ ГЕОЛОГОВ В НЮРЬБЕ И ПРИПИСАНИЕ ОТКРЫТИЯ МЕСТОРОЖДЕНИЯ АЛМАЗОВ АМАКИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Л. А. Попугаева прилетела в Нюрбу 22 сентября 1954 г. По свидетельству М. А. Гневушева, в Амакинской экспедиции весть об её открытии *«произвела буквально ошеломляющее впечатление и вызвала даже некое смятение среди геологов. Верили и не верили, спрашивали и переспрашивали друг друга, все стремились поскорее увидеть и привезённые образцы, и саму Попугаеву»*. Лариса появилась в красных лыжных шароварах, в которых открыла «Зарницу». Пиропы красные, штаны красные. Юмористы геологи предлагали продать им эти счастливые штаны. Сейчас они – экспонат сибирского музея, очевидно, забавляющий и одновременно умиляющий его посетителей.

В. Л. Масайтис, М. А. Гневушев, И. И. Краснов, Л. А. Попугаева,
Н. В. Кинд, А. А. Арсеньев. Нюрба, 1954 г.

23 сентября 1954 г. она отправила письмо матери Ольге Сергеевне: *«Мамуленька! К твоим ногам я складываю все успехи моей работы, ты вырастила меня и привила мне любовь к пра-*

ведному труду. А нынче удалось достичь невиданных результатов, разрешить, хоть ещё не во всей полноте, проблему X... Ну, знаешь, не было у меня хлопот, купила я поросё. Замаялась с докладами и сообщениями – вчера 3 раза, сегодня целый день и что ещё будет. Куча поздравлений, даже неудобно и ещё преждевременно, ибо многое надо ещё разрешить. Сейчас немедленно сажусь за полевой отчёт и, вероятно, дней через 5–6 вылетаю в Иркутск, а там на поезд и дома. Ура, ура, ура! Соскучилась страшно, всех хочу обнять, приласкать, приголубить всех, всех и, конечно, дочушку-ягодку, люблюсь без конца на её фото. Получила от Виктора кучу любящих и скучающих писем. Летом работали очень много и с большим увлечением. Федя себя оправдал на 1000%. Так я ему благодарна за работу. Ты беспокоишься об аспирантуре. Верю, я сама очень огорчена, но, увы, в любом случае я не успею сдать, ибо не готова. Обещали тут дать внушительную объяснительную записку на предмет отсрочки, если не выйдет, то досдам весной или зимой, а ранее сданные экзамены не пропадут. Пусть Ириша наведёт дома порядок, Витя натрёт пол, а то сразу снова мне за уборку, а я так люблю порядок. Если можно и не трудно, отдай, пожалуйста, в чистку моё голубое платье».

Мысли её, как видим, были просты: свою задачу она выполняла, делать ей там больше нечего. Не думала о славе, приоритете. Заботит её только аспирантура. Как видим, она ещё не сознавала, какая поднимается волна (и возня) вокруг её открытия. Станным является то, что о предстоящем совещании, из-за которого она как будто бы торопилась в Нюрбу, и которое должно было начаться через четыре дня, в этом письме ничего не говорится. Получается, что она об этом совещании ещё ничего не знает, и привёз её Скульский в Нюрбу, не сообщив о нём.

Руководство Амакинской экспедиции встретило Ларису холодно. Открытие оказалось сделанным другой экспедицией, причём молодой женщиной, которую трудно было воспринимать всерьёз, «заезжей гастролёршей» из Ленинграда, и за столь короткий срок. Кривили душой, оспаривая то, что обнаружены кимберлиты. В то же время Скульскому начальство даже не дало возможности присутствовать на совещании в Нюрбе, немедленно

но отправило вместе с инженером экспедиции обратно на Далдын выбирать место для посёлка и аэродрома, готовить перебазирование туда геологической партии для разведки «Зарницы».

Геологини-алмазники: Е. Н. Елагина (в центре),
Н. В. Кинд (справа). Нюрба

О том, что она поверила в находку именно кимберлитов, и то, что они были неискренними с ней, свидетельствуют всего лишь два слова из её письма к Сарсадских, которое уже цитировалось и будет ещё приводиться в дальнейшем: «В душе то верят...». Твёрдыми сторонниками того, что алмазы на Сибирской платформе связаны с кимберлитами, были И. И. Краснов и А. А. Кухаренко. Их убеждение не могло не передаться ей. Её послали искать кимберлит, и только его. Найденный ею горно-геологический объект соответствовал кимберлитовой диатреме по всем своим признакам: по форме, виду слагающей её породы, минеральному составу. Вышла на него по пиропу и пикроильмениту, как и ожидала. Наконец, там имелись и алмазы. Какие могли быть сомнения?

Геолог В. Н. Щукин в своём очерке в газете «Мирнинский рабочий» отметил, что привезённые ею образцы «брекчиевид-

ных пород» она называла кимберлитом. Однако её убедили, что так называть эту породу рано. Кем она являлась в собственных глазах? Молодым неавторитетным геологом, которой самой трудно поверить в своё невероятное достижение. А перед ней – «сам» Александр Петрович Буров, признанный глава советской алмазной геологии, безапелляционно высказывающий истину «в последней инстанции». В общем, её сбили с толка. Естественно, она сказала Масайтису, что Кухаренко в Ленинграде с этим «разберётся».

В Нюрбу съехалось около ста человек, и с 27 по 30 сентября 1954 г. в помещении районной библиотеки прошло совещание, подводившее итоги выполненных работ и намечавшее дальнейшие действия. Его кратко обрисовали в своих публикациях М. А. Гневушев, Г. Дорганов, М. М. Одинцов, Г. Х. Файнштейн. Их воспоминания в общих чертах сходны. Изложение протокола этого совещания и выдержки из него имеются в книге Р. Н. Юзмухаметова. Его подробным образом последним по времени описал В. Л. Масайтис, сохранивший свои записи состоявшихся на нём выступлений. Поучительно взглянуть на то, как одно и то же излагается разными свидетелями – тем более, что это совещание оказалось переломным в истории становления отечественной алмазодобывающей промышленности.

Кроме амакинских геологов, «слетевшихся со всей платформы», по выражению Гневушева, в нём принимали участие специалисты из Москвы, Ленинграда, Иркутска, Якутска, представители московского руководства, местных советских и партийных органов. Были заслушаны 8 докладов, 20 кратких сообщений. С принципиальными материалами и идеями выступили Гневушев, Кинд, Краснов. Все, что говорилось, являлось в большей или меньшей степени важным. Однако упомянутые выше авторы отметили лишь «сенсационное» выступление Попугаевой и показанные ею кусочки новой для них горной породы. С интересом смотрели на неё саму. Она стала героиней дня. Один из них утверждал, что открыл совещание главный инженер Амакинской экспедиции Б. Я. Корешков, который «с твёрдостью в голосе» объявил о находке кимберлитов их экспедицией. «Зал содрогнулся от оваций».

Думается, что С. З. Борисов присутствовал на сентябрьском совещании в Нюрбе, а не на июльском, и за давностью времени ошибся в хронологии событий (хотя и это совещание не очень уместно назвать «партийно-хозяйственным активом»). Согласно В. Л. Масайтису, в президиуме сидели «важные персоны» из Якутска. В его изложении это совещание – а не верить ему невозможно, происходило несколько иначе.

Открыл его не Б. Я. Корешков, а другой человек. Началось оно и шло буднично почти до конца. А. П. Буров и руководители Амакинской экспедиции «проявляли тенденцию принизить значение сделанного открытия». Буров, делая вступительный обзорный доклад, заявил о том, что «не решён вопрос о характере первичных пород алмазов». Между тем «Л. А. Попугаева, сидевшая в зале, подперев двумя руками закутанную в платок голову и устремившая на него недоумённый взгляд, месяц назад уже нашла» коренную породу, содержащую алмаз, и было «необходимо лишь несколько недель лабораторных исследований, чтобы установить её состав и точно диагностировать». О полученных результатах Попугаевой и их значении он аккуратно упомянул.

Главный геолог Амакинской экспедиции Р. К. Юркевич несколько иронически назвал найденную ею породу «попугаевитом». *«Напористым тоном он произнёс, что о все новые материалы, касающиеся геологии региона, получены Амакинской экспедицией»*. Б. Я. Корешков также сказал, что «открытие алмазных районов осуществлялось Амакинской экспедицией», работники других организаций выполнили второстепенные работы.

В своём заключительном слове Буров по существу высказал сомнение в том, что «первоисточником алмазов могут быть пиропсодержащие кимберлиты», и заметил, что пироп может быть и не в кимберлитах. При этом указал на такую горную породу, которая ничего общего даже по внешнему виду не была похожа на ту, что доставила Попугаева, и которую он сам разглядывал. При его уровне компетентности это можно расценивать только как желание угодить начальству.

Попугаева, выступая, говорила о «пиропоносных туфах». Получается, что даже в порядке предположения не осмелилась сказать, что нашла кимберлит. Единственный вывод, который отсюда следует: или ей запретили это, или запугали, пригрозив какими-то карами, или просто заморочили голову. Эту мысль подтверждает В. Л. Масайтис: *«Приоритет Л. А. Попугаевой в обнаружении кимберлитов как таковых не был закреплён ни в её выступлении, ни на составленной карте, что от кривало возможность впоследствии описать эти породы под их истинным именем кому-либо другому. Эта неопределённость, по-видимому, вполне устраивала как руководство Амакинской экспедиции, так и московское начальство»*.

В то же время присутствующие сразу почувствовали важность того, о чем докладывала Л. А. Попугаева. Её невысокая фигура в полевой экипировке – куртка, лыжные брюки «пиропового» цвета, якутский нож на поясе, резиновые сапоги, слегка хрипловатый голос, а главное – содержание её сообщения привлекли всеобщее внимание. Прекратились перешептывания и какие-то движения в зале... Начав повествование о проведённом ею поиске и понемногу перемещаясь туда и обратно перед столом президиума, она воодушевилась, стала говорить громче. Сидевшие в президиуме перестали перебирать лежавшие перед ними бумаги, внимательно вслушиваясь в её слова.

Между прочим, нож она много лет постоянно носила на поясе в поле. Он не был якутским. В одном из очерков рассказывается, что его подарил Ларисе во время войны фронтовой друг.

В своём выступлении Попугаева подходила к делу как крупный специалист и ответственный работник в алмазной тематике. Она назвала имена Кухаренко и Сарсадских, внесших вклад в данные исследования, и не замалчивала своих наставников.

В декабрьском заявлении 1954 г. на имя управляющего трестом, копия которого сохранилась, она написала: *«Я указывала..., что необходимо в дальнейшем ставить там геофизические, тяжёлые горные и взрывные работы, и организовать в будущем году дальнейшие тематические научно-исследовательские работы по изучению открытых месторож-*

дения, «Зарницы», поиску и изучению намеченных пироповой съёмкой других подобных мест орождения».

Согласно Р. Н. Юзмухаметову: *«И. И. Краснов был более кат егоричным в своих заключениях и заявил, чт о единст венной породой, с кот орой связаны коренные мест орождения алмазов на Сибирской плат форме, являют ся кимберлит ы»*. Он был первым, утверждавшим это, причём еще до выступления Попугаевой. И даже это не подвинуло её сказать о том, что найден кимберлит.

На заключительном этапе совещания, видимо, продолжалась дискуссия о том, что всё-таки нашла Попугаева: кимберлит или не кимберлит, трубку или не трубку. В противном случае соответствующие слова просто не фигурировали бы в решении совещания. Видимо, именно в этот момент собрание наэлектризовалось, что запомнилось другим упомянутым выше его участникам, только они сместили такую реакцию зала к началу совещания. Оно «вышло далеко за рамки запланированного сценария, к чему не были готовы ни представители треста, ни руководители Амакинской экспедиции».

Руководство Амакинской экспедиции не могло пережить, что лавры открытия «уплывают» от них. Из официального протокола совещания изъяли упоминание о выступлении Попугаевой. Решение совещания сформулировали так, что все заслуги оказывались принадлежавшими им: *«В 1954 году в Виллоиском бассейне Амакинской экспедицией ... уст ановлена прямая связь между содержанием в россыпях алмаза и пироба, а в районе реки Далдын найдена коренная порода, содержащая пироп и ильменит»* (Р. Н. Юзмухаметов «История поисков и открытия коренных месторождений алмазов в Якутии»). У них была зацепка: потраченные на отряд Попугаевой деньги из их бюджета.

В целом же вывод совещания был сформулирован осторожно: сказанное выше *«даёт основание предполагать, чт о ист очником алмазов являют ся коренные мест орождения плат - форменного т ипа, предст авленные, вероят но, т рубчат ыми т елами ульт раосновных (кимберлит овых) пород»*. Действительно, до детального изучения найденного геологического объекта выразиться в официальной бумаге более определённо было нельзя.

Под указанным решением первыми стояли подписи руководителей треста № 2: главного инженера Н. Д. Меркурьева и главного геолога А. П. Бурова. Дело в том, что начальник Амакинской экспедиции М. Н. Бондаренко был родственником и приятелем министра геологии П. Я. Антропова. Поэтому и был искажен протокол совещания и передёрнуты факты при составлении его решения. Буров вскоре пошёл на повышение: стал начальником отдела в министерстве.

Далдын, 1955 г. А.П. Буров (в центре)

Следующая после «Зарницы» трубка «Малютка» размером всего лишь 50×70 м была обнаружена в верховьях ручья Дьяха уже в мае 1955 г. Такова «прицельная точность» пиропового метода. Сам метод описывается теперь в учебниках как классический. Уже в 1955 г. установили два важнейших района местонахождения кимберлитов в Якутии: по рекам Далдын и Малая Ботуобия. Два кимберлитовых тела, найденные с разницей в два дня в июне 1955 г. в бассейнах этих рек, оказались крупнейшими по запасам месторождениями алмазов (трубки «Мир» и «Удачная»).

Русским опытом воспользовался канадский геолог Чак Фипке. На северо-западе Канады между Большим Невольничьим и Большим Медвежьим озёрами он по пиропу и другим сопутствующим алмазу минералам вышел в 1990 г. на первую в его стране алмазосодержащую кимберлитовую диатрему. Чак Фипке двигался вдоль потоков, образованных водой тающих полярных ледников, вплоть до их кромки. Потратил 20 лет, преодолел 1200 километров, прежде чем добился успеха. Однако работать ему было несравненно легче, чем Попугаевой. Ясно, что копал землю не он, а рабочие. Пробы для промывки увозил в лабораторию вертолёт. Такой низкий уровень бытового комфорта, как у Попугаевой, безусловно, был для него просто немыслимым. В дальнейшем там нашли и другие кимберлитовые трубки. В настоящее время Канада – одна из ведущих алмазодобывающих стран.

После открытия «Зарницы» быстро разработали способ обнаружения кимберлитовых тел путём измерения магнитного поля данной местности с помощью точнейших геофизических приборов (метод магниторазведки). Разумеется, идёт речь о тех телах этих горных пород, которые выходят на дневную поверхность. В дальнейшем аэромагниторазведка стала конкурировать с пироповым методом.

Сарсадских и Попугаева в своей статье, опубликованной в 1955 г., указали, что на аэрофотоснимке «отмечается отчётливое округлое пятно» как раз там, где «Зарница». Это самое раннее упоминание такого рода в литературе. Именно Лариса, рассматривая во время совещания в Нюрбе аэрофотоснимок, заметила на нём пятно на том месте, где находится «Зарница». Эта трубка отличалась на фотографии с воздуха равномерным тоном почти чёрной окраски по сравнению с окружающей местностью благодаря более густой растительности на ней. Таким образом, Л. А. Попугаевой, а формально также и Н. Н. Сарсадских, принадлежит приоритет в зрительном поиске кимберлитов с воздуха.

Уже в 1955 г. с помощью пиропового метода и магниторазведки было найдено 15 диатрем. Теперь потрудились в основном геологи и геофизики Амакинской экспедиции.

Итак, блестящим образом проявила себя геологическая школа Ленинградского университета. Гневушев, Кинд и Краснов, наряду с Кухаренко и Сарсадских, – его питомцы. Точности ради заметим, что Гневушеву не дали закончить университет, арестовали в 1933 г. на III курсе – конечно же, по политическому и, разумеется, ложному обвинению. Бобков и Масайтис, как и Шестопалов, – выпускники Ленинградского горного института.

Летом того же 1954 г. амакинский геолог Иван Галкин, промывая песок на алмазы по ручью Иреляху, притоку Малой Ботуобии, обнаружил повышенное их количество в полукилометре от трубки «Мир» и прошёл мимо. Его начальник Григорий Файнштейн счёл, что алмазы в это место принесены издалека, из верховьев упомянутого ручья. Галкин через много лет сокрушался: *«Если бы мы шли со шлиховым опробованием по пироповой ниточке, мы обязательно вышли бы к трубке»*. Он знал, что говорил: используя позднее пироповый метод, ему неоднократно удавалось находить кимберлитовые трубки, даже погребённые под толщей наносов.

Лишь после выступления Попугаевой в Нюрбе в июле 1954 г. геологам при поиске коренных алмазоносных пород предписали выйти за границы территории развития траппов. Действительно, впоследствии оказалось, что не только «Зарница», но и другие кимберлитовые трубки «сидят» на Сибирской платформе не в вулканических, а в древних осадочных толщах морского происхождения – известняках, доломитах и мергелях.

Попугаева через 20 лет рассказывала геологу Д. В. Воронину: *«После совещания в сентябре 1954 г. начальство попросило ее как можно быстрее подготовить все материалы для отправки Правительству и Центральному комитету КПСС, и она засела за работу»*. Для этого она задержалась в Нюрбе, на выполнение данного задания у нее ушло несколько дней, а может недель. Под предлогом секретности у Попугаевой забрали в спецотдел образцы, карты, полевые дневники, т.к. вся работа в области исследования алмазов шла в большой секретности вплоть до XX съезда КПСС. Когда Беликов прилетел из Шелогонцев, то Попугаева бежала в волнении к нему навстречу по лётному полю со словами: *«Это не страшно, они отдадут!»*.

В. Л. Масайтис в своей книге отмечал, что отобрали у Ларисы полевые материалы лишь тогда, когда началась «кампания по её насильственному переводу в Амакинскую экспедицию», т. е. где-то в октябре 1954 г. По-видимому, отчасти стеснялись грубо воздействовать на неё до тех пор, пока в Нюрбе был И. И. Краснов. Он находился там до середины октября, так как сохранились его письма жене в Ленинград, датированные 6 и 13 октября 1954 г. О каком-нибудь давлении на Попугаеву Краснов не упоминает. Таким образом, приблизительно до середины октября Попугаеву сильно не тревожили и избегали портить ей настроение.

Затем обстановка резко переменилась. Попугаеву начали вынуждать переоформиться в Амакинскую экспедицию для того, чтобы её открытие окончательно стало заслугой Нюрбы. Перейти в эту экспедицию стали уговаривать ещё до начала описанного выше совещания: обещали создать условия для научной работы, организовать специальную лабораторию. По этому поводу она советовалась с Красновым, видимо, сначала сама не сознавая последствия такого шага. Краснов порекомендовал этого не делать и, наверно, разъяснил этическую сторону дела.

В. Л. Масайтис в своей книге пишет, что Бондаренко и Юркевич заявили ей, что *«полевые работы на Далдыне вела партия № 182 Амакинской экспедиции, а не партия № 26 Центральной экспедиции. Наступил час расплаты за “гениальную” финансовую операцию И. И. Краснова, который организовал полевую поездку Л. А. Попугаевой, отнеся расходы за счёт петрографической партии № 182.... Она вышла от них заплаканной и растроенной»*.

Она поняла, что, сдавшись, поступит в высшей степени некрасиво по отношению к своей экспедиции, ко всем людям, учивших её и направлявших, которых она глубоко уважала и чтילה. Весь последующий ход событий подтверждает это.

Улететь из Нюрбы Попугаева не могла, Бондаренко контролировал все поездки на самолёте. Она также не могла вернуться в Ленинград с пустыми руками, без полевых материалов и без подписанной командировки. Ей перестали отпускать продукты, не разрешали отправлять телеграмму в Ленинград. Глав-

ное условие ей было поставлено – переход в Амакинскую экспедицию. Поэтому прямо в день прилёта Беликова в Нюрбу Попугаева попросила его дать телеграмму Н. Н. Сарсадских о положении дел. Но Наталья Николаевна клятвенно уверяла, что никакой телеграммы она не получала и предполагала, что телеграмму у Беликова взяли на почте, но не отправили. Так или иначе, но пришло указание от Сарсадских: *«Срочно прилетайте»*. Беликов уехал в Ленинград и рассказал о сложной обстановке в Нюрбе. От Попугаевой вестей по-прежнему не было. Сарсадских получила телеграмму от Гневушева: *«Поздравляю блестящими результатами вашей группы»*. Наталия Николаевна начала посылать телеграммы Бондаренко, но них он не отвечал.

Дальнейшее развитие событий выглядит диким и может показаться неправдоподобным. Попугаева Лариса рассказывала Д. В. Воронину, что её затолкали в какой-то дом, не выпускали из него, грозили убить или отравить. Немецкому корреспонденту 20 лет спустя сообщила, что, когда она шла к трибуне в Нюрбе, кто-то прошипел: *«Нож тебе под пуловер»*.

Более подробно об этом периоде писала Екатерина Елагина, она не только вспомнила о том, что сама наблюдала, но и дополнила сведениями от доктора наук Кинд, находившейся тогда в Нюрбе, многолетней и верной подруги, не заинтересованной в какой-либо выдумке. Бондаренко и работники КГБ начали запугивать Попугаеву: *«Вас не найдут в пяти метрах от базы.... Можете нечаянно погибнуть и не вернуться к дочери. ...Пригрозили, что она разделит участь отца... Почему Вы изменили фамилию? Чтобы скрыть свою истинную национальность?... Обвиняли в краже алмазов, разглашении секретов геологам НИИГА... Ее оскорбляли, на неё орали, стуча кулаком по столу: «Как смела открывать кимберлиты в районе работ Амакинской экспедиции!»... Предупреждали, что она может быть лишена допуска к работе в области геологии алмазов»*.

Причём всё это происходило за закрытыми дверями кабинетов и выходила оттуда Лариса «с дрожащими руками и застывшим страданием в глазах. Запугали настолько, что боялась ходить даже на почту, опасалась с кем-либо разговаривать». Юрий Хабардин в предисловии к своей книге «Путь к алмазной

трубке» пишет, что фактически ее арестовали.

Попугаева плакала целыми днями. Наплачется, успокоится, вытрет размазавшуюся по лицу краску с ресниц, подкрасит их заново и снова принимается плакать. В. Л. Масайтис, обладая талантом художника, нарисовал её с покрасневшим от слёз носом и назвал свой шарж «Пиропонос». Нарисовал тогда, когда её начали «притеснять». Этот рисунок воспроизведён в его книге в сопровождении стиха, из которого следует, что он принял красноту её носа за результат простуды. Рисунок не вызывает улыбки. На нём Попугаева, закутанная в платок, из которого торчит только её нос, бредёт куда-то по снегу, уставившись в пространство, не видя ничего вокруг, с втянутой в плечи головой, пришибленная и жалкая. Крепко зажатая в руке полевая сумка – какой-то очень выразительный штрих в этом наброске. Взглянув на данный рисунок, Лариса только «слабо улыбнулась». Не стало той женщины, которая ещё недавно была такой счастливой и гордой.

Окружавшие Ларису люди недоумевали, почему она в таком состоянии при, казалось бы, столь великом её достижении. Обо всём, что происходило в Нюрбе знали находившиеся там геологи-алмазники Кинд и Гневушев, которым Попугаева полностью доверяла, но те ничем не могли помочь, а может быть и сами боялись. Ведь до знаменитого доклада Хрущёва на закрытом заседании XX съезда КПСС о культе личности Сталина оставалось ещё почти 1,5 года.

Автор «Пиропоноса» – В. Л. Масайтис уехал из Нюрбы в начале ноября 1954 г., к этому времени Попугаева была уже вся изревшаяся. Когда Е. Н. Елагина добралась до Нюрбы из тайги в конце октября или начале ноября, то наблюдала следующее: *«В то время, когда мы прилетели в Нюрбу, Неля Попугаева находилась в состоянии полной депрессии, выплакав все свои слёзы. Она вообще не хотела больше ни с кем говорить о причинивших ей столько зла кимберлитовых шахтах и о завершившихся горьким “успехом” полевых работ этого года. Она уже не плакала, но была ко всему безучастна».*

В. Л. Масайтис

этом сам... Апеллировать к справедливости было негде и не к кому». Всё решалось на уровне Н. Д. Меркурьева и А. П. Бузова, находившихся в Нюрбе.

Она не знала, как поступить. Кончилось истерикой. По словам Беликова: *«Попугаева поняла, чт о никуда не денет ся из Нюрбы, пока не напишет заявление о переходе в Амакинскую экспедицию»*. Наконец, 1 ноября 1954 г. она написала такое заявление и Бондаренко задним числом издал приказ о переводе ее в Амакинскую экспедицию.

После того, как Бондаренко добился желаемого, Лариса пришла домой «смертельно бледная...молча стала на пороге, сжимая в руках какие-то бумаги. То были новые документы, по которым она теперь считалась сотрудником Амакинской экспедиции». Елагина Е. Н. с друзьями «напрасно старались её растормошить и вывести из сковавшего столбняка, на худой конец заставить хотя бы поплакать».

Оставалось отчасти непонятным, почему никто не пришёл к ней на помощь, почему все молчали и тогда, и десятилетия спустя. Если вмешалась личность, поставленная от КГБ, то, очевидно, все боялись и были бессильны. По этой причине избегала об этом рассказывать и сама Попугаева, что и объясняет её поведение. «Боролась в одиночку», в чём, вспоминая эту историю, укорял её через много лет после её смерти Краснов. А как иначе она могла повести себя в такой ситуации?

В ранее упомянутом её декабрьском заявлении на имя управляющего трестом она подчеркнула: «Мне было запрещено как-либо информировать трест и экспедицию о полученных результатах... Мне было сказано, что трест сообщит об

Командировочное удостоверение и проездные документы Попугаевой подделали, проставив в них удобные для Бондаренко даты её прибытия в Иркутск и Нюрбу. Для этого Бондаренко специально направлял человека в Иркутск. Теперь она числилась рядовым геологом Амакинской экспедиции. Таким образом, все их обещания, если и были, явились пустым звуком.

Добившись своего, Бондаренко выпустил Попугаеву в Ленинград в ноябре 1954 г. В Ленинграде уже знали о её переходе в Амакинскую экспедицию от вернувшихся ранее из Нюрбы геологов ВСЕГЕИ. К приезду Ларисы её рабочий стол выставили в коридор, о чем она вспоминала с большой обидой как сознательный выпад против неё.

Сарсадских Н. Н. грубо обвинила ее в непорядочности, называла «продажной». Лариса ревела: *«Меня заст авили!»*. *«Меня бы не заст авили»* – отвечала Наталия Николаевна. Сарсадских никогда не смогла смириться с тем, что ей не было сообщено об открытии «Зарницы» и даже кусочек кимберлита с месторождения был подарен не ей, а геологу НИИГА Дмитрию Соловьеву, и до конца своей жизни не простила Попугаевой переход в Амакинскую экспедицию.

Некоторые бывшие сотрудники-женщины Центральной экспедиции на всю жизнь сохранили раздражённо нелестное мнение о Л.А. Попугаевой, считая её не фантазёркой, а врушей, тщеславным и честолюбивым человеком. При разговоре с Е.Б. Трейвусом одна из них кричала с надрывом в телефонную трубку: *«Попугаева – предат ельница! Не надо Вам писать о ней! Не надо!»*. Другая злобно заявила: *«Все лавры дост ались эт ой ку-рильщице!»*. Даже когда мать Ольга Сергеевна зашла летом 1956 г. в Центральную экспедицию, чтобы заплатить за Ларису партийные взносы, то почувствовала по отношению к дочери «дух недоброжелательства».

ИСКАНИЯ Л. А. ПОПУГАЕВОЙ ПО ВЫХОДУ ИЗ СЛОЖИВШЕЙСЯ СИТУАЦИИ, 1955–1957 ГОДЫ

В свой «счастливый» 1954 год Лариса Анатольевна Попугаева выплакала, наверно, слёзы за всю предыдущую и последующую жизнь. Те, кто наблюдали её в последующие несколько

лет, отмечают необычайную нервность и взвинченность. Такое состояние можно расценить как обострение природной импульсивности Ларисы. В. Л. Масайтис описывает её как «мятушуюся, неуравновешенную личность, страдающую как от собственных комплексов, так и от нападков окружающих». В обстановке общественных заседаний выглядела резкой, внутренне напряжённой.

Своё открытие вспоминала неохотно. В разговоре с близкой знакомой у неё вырвалось: «Если бы я знала, во что это выльется, никогда не открыла бы «Зарницу». Теперь она разительно отличалась от той, какой была раньше. У неё легко стали появляться слёзы даже при небольших огорчениях. Удивительно, что некоторые называют её «баловнем удачи» при тех психических, физических и моральных затратах, в которые ей обошлось открытие.

В кругу друзей она становилась, как и раньше, милой, живой, отзывчивой, хорошей (говорят – «с артистическим талантом») рассказчицей. Очень точно подмечая и запоминая выразительные детали происходящего вокруг, она, увлекаясь собственным повествованием, описывала их, делая рассказ живым и ярким. Конечно, со временем пережитое уходило вглубь её души и лишь подспудно продолжало нить как затянувшаяся рана, незаметная для окружающих. Она не замкнулась и не сосредоточилась на своих переживаниях.

Зимой 1954–1955 года Попугаева находилась в Ленинграде, составляла вместе с Сарсадских отчёт. Она вернулась со своими злополучными образцами, хотя отдали их ей не полностью; привезла шлиховые пробы и прочие полевые материалы. Отчёт был готов весной 1955 г., причём, по указанию треста, выпущен за двумя титулами: партии № 26 Центральной экспедиции и партии № 182 Амакинской экспедиции.

Для ленинградских геологов, прослышавших об их достижениях, устроили особое заседание, на котором присутствовали около 100 человек. На нём выступили и Попугаева, и Сарсадских. Конец заседания оказался очень эффективным. Сарсадских передала записку, в которой минералог Центральной экспедиции сообщила, что только что в обработанной породе с «Зарни-

цы» обнаружен алмаз. По словам Сарсадских, «тут начались бурные овации и все неверующие, а такие ещё были, поверили, наконец, что мы нашли настоящие кимберлиты». На этом собрании была сотрудник ВСЕГЕИ И. А. Веселова, не имевшая отношения к алмазам и не знавшая закулисной стороны всей истории. Её поразило неприязненное отношение собравшихся к Попугаевой, грубость в обращении с ней. «Видно было, что ей трудно, что она защищается».

В один из вечеров начала февраля 1955 г. в квартиру И. И. Краснова позвонили. За дверью была Попугаева, с неуютливым лицом, вызывавшим тревожное чувство. Иван Иванович как раз отмечал свой день рождения. Из квартиры слышался обычный в таком случае шум. Его дочь Наташа пригласила её войти. Лариса молча повернулась и ушла. Впечатление было такое, что её к нему привело отчаяние.

Н. Н. Сарсадских и Л. А. Попугаева опубликовали в 1955 г. статью в журнале «Разведка и охрана недр», в которой строго научно обосновали то, что найденные породы по своим особенностям «наиболее близки к кимберлитам». Так что и в этом их заслуга. Как видим, свой вывод сформулировали чётко и в то же время осторожно, как и полагалось сделать на тот момент в серьёзной научной публикации. На их статью был в 1957 г. отклик в другом научном журнале. Его авторы Г. Г. Морор и В. С. Соболев, авторитетные специалисты, веско подтвердили, что «описанная... Н. Н. Сарсадских и Л. А. Попугаевой порода является несомненно первым настоящим в СССР кимберлитом,... её находка представляет исключительный интерес».

В марте 1955 г. Лариса Попугаева отправилась в Якутию. Провожавшему её в аэропорту Ленинграда Беликову обещала добиваться справедливости. В конце апреля 1955 г. Елагина встретила в Нюрбе на улице Попугаеву, которая «пребывала в прежнем коматозном состоянии и страдальчески попросила: *«Ни о чём меня, Катька, не спрашивай»*.

Полевой сезон 1955 г. Лариса провела на Далдыне как геолог Амакинской экспедиции, занимаясь описанием «своей» трубки и геологии прилегающего района. Можно себе представить её настроение и соответственно отдачу в работе. Именно

тогда она посоветовала Володе Щукину пройти по ключу Пироповому. Геологи из отряда Щукина обнаружили там спустя буквально несколько часов после выхода в маршрут кимберлитовую трубку и назвали её «Удачной».

В геологическом маршруте. Якутия, Далдын, 1955 г.

Вместе с тем, несомненно, она испытывала удовлетворение, видя, как жизнь забурилась благодаря ей в этом неприятном и безлюдном дотолем месте. Помнят, как вечером она в палатке вместе с другими геологами пела песни. На правом берегу р. Далдына образовался посёлок Далдын вблизи устья Дьяхи, на левом берегу реки тоже появились дома и раскинулся палаточный лагерь. Там уже находились около 200 человек. Шла разведка «Зарницы» с помощью канав и шурфов. Отрабатывалась методика выявления кимберлитовых трубок с использованием магниторазведки и аэрофотосъёмки, вёлся пироповый поиск новых кимберлитовых тел.

Жила она в одиночестве в домике на невысокой горе, возвышающейся с северо-востока над «Зарницей». «Домик Попугавой», как его называли, по возможности сберегался геологами несколько десятилетий, пока они жили в нём в летний период, затем он оказался полуразрушенным и в конце 1980-х годов был снесён. Сохранилось милое письмо того времени к матери:

«15/VIII–55 г.

Далдын.

Мамуленька, здравст вуй, моя родная, любимая!

Давно-давно не получала от Вас писем и очень скучаю. Работа идёт к концу. Числа 25 августа закончу съёмку. Сейчас написала предварительный летний отчет по работе на объекте. Всё идёт интересно, и работа не имеет себе равных. Но как всегда в таких случаях есть много огорчений. Говорила с гл. геологом, он прилетал сюда, он в Л-д не отпускает, но с этим мы ещё поборемся, всё равно вырвусь. А говорил он так. Мол, поработаете здесь года 2 до написания сводки, вот будет вам и диссертация, а сейчас если уедете в Л-д, материал взять не удастся, а работу мы поручим В. Масайтису. Это, конечно, очень хорошо, он геолог хороший, но мне тоже хочется работать, ведь всё так интересно и важно. Прямо не знаю, как и быть. Жду твоих мудрых советов и пожеланий.

Живу одна на горе и поделиться то не с кем, Рита в другом месте. Сейчас иду на Далдын и, наконец, узнаю, что с моей зарплатой.

Пиши мне, к началу сентября наверняка буду в Нюрбе, там мне предстоит доклад на конференции, а потом буду возвращаться домой. Очень соскучилась. Как Вы там, мои золотые? Как Иришкины экзамены? Как Нинуша, а Татьяна моя золотая? Целую вас и обнимаю, и Татьяну особо, очень спешу, что бы отправить в письмо с самолётом.

Как твое здоровье, мамуля? Береги себя, это для меня главное. Иришке пожелаю всяких успехов, о результатах сразу сообщите мне.

Какая у вас погода? Есть ли фрукты? У нас уже осень снова, холодно, идут дожди всё время, выручает свитер. Ну, вот и всё пока, бегу. Жива, здорова и бодра, в Нюрбе буду говорить о Л-де.

Работой довольна очень. Никто пока не мешает, и всё идет гладко. Приеду – обо всем расскажу.

Н. Сарсадских в Нюрбе и её сюда не пускают, вот она теперь, может быть, меня поймёт, но вряд ли. Бог с ней.

Целую крепко, крепко. Неля. Пиши чаще».

Н. Н. Сарсадских удалось попасть на Далдын во второй половине августа 1955 г. наперекор Бондаренко. Прилетевший туда следом за ней Буров сказал: «Не надо дразнить гусей». По впечатлению Сарсадских, «это был очень осторожный человек, слова лишнего не скажет». Надо думать, встретились Сарсадских и Попугаева прохладно. Беликов вновь побывал на «Зарнице» летом 1955 г., теперь уже как помощник Сарсадских.

Лариса Попугаева пыталась отстаивать правду. Вот отрывок из всё того же её письма к Сарсадских: *«Перед отъездом, как вы помнит е, я была в ЦК у т. Ямнова (А. А. Ямнов – завсектором геологии отдела тяжёлой промышленности ЦК КПСС.), где, я думаю, в более резких и убедительных словах говорила о вашей работ е, чем вы сами о своей. А вы там были и к Ант ропову ходили и чт о получили? А я т о т у т, дура, делаю всё, чт обы правда вост орж ест вovala! Я говорила с Горюновым (зам. министра ра), говорила, кст а т и, не по углам, а прямо в райкоме в Нюрбе в присут ст вии Бондаренко и многих коммунист ов о вас, о вашей работ е и о работ е всех т оварищей, кот орым обрезали пут ь к изучению алмазов. Я не почла за т руд написат ь всё в Якут ский обком парт ии. Я сделала всё, чт о в моих силах. Не дай бог испыт ат ь т акое разочарование вам самой, какое я испыт ала, не слушая газет ный т резвон, а получив ваше письмо».*

Как видим, обращаясь в разные инстанции, вела речь не о себе, не о том, как её мучили, а о заслугах ленинградцев. Она упомянула «о работе всех товарищей, которым обрезали путь к изучению алмазов». Действительно, в Амакинской экспедиции – с благословения, конечно, министра геологии – после появления эффективного метода поисков коренных алмазов решили, что теперь им никто не нужен, что все дальнейшие открытия будут сделаны ими, и отсеки ленинградские и московские организации от своей работы.

Очевидно, что она написала в Якутский обком партии С. З. Борисову, так как знала его лично. Они общались не только на Далдыне, но и во время того «партийно-хозяйственного актива». Он вникал в проблемы алмазных поисков и она надеялась на его помощь.

Её дядя, Юрий Сергеевич, неодобрительно отнёсся к намерению отстаивать справедливость, напомнив ей её собственные слова: *«Вы любит е ходит ь в т айгу. Из т айги мож но и не выйт и»*.

Зиму 1955–1956 года она провела в Ленинграде, готовя материалы для отчёта за летний период 1955 года по Амакинской экспедиции, и сдала последний, четвёртый, вступительный экзамен по минералогии в аспирантуру во ВСЕГЕИ.

В апреле 1956 г. журнал «Москва» опубликовал стихотворение известного поэта Евгения Долматовского:

АЛМАЗЫ

Я помню эти пёстрые рассказы
О том, что только в Африке алмазы,
И, может быть, ещё в Венецуэле,
И надо плыть туда на каравелле.
К далёким землям с детства мы пристрастны.
Нам представлялось, что они прекрасны.
А наши земли? Слишком всё знакомо,
Что может быть особенного дома?
Якутия... Мерзлотные болота.
Посадки нету и для вертолёта.
Ведёт отряд студентка ленинградка,
Ей губы обметала лихорадка.
Разведка длится три жестоких года.
И нет, и нет кристаллов углерода.
Но будем там искать мы, где искали,
А не в Бразилии, не в Трансваале.
И всё-таки у нас была открыта
Таинственная трубка кимберлита.
Средь хаоса таёжного распадка
Нашла алмаз девчонка ленинградка.
Теперь ты знаешь, друг мой ясноглазый,
Где нам с тобой искать свои алмазы.

Стихотворение написано явно наспех. В нём допущены некоторые неточности. В то время подробно не знали, кто такая Попугаева, вот и здесь она еще студентка Ленинграда, хотя в 1954 г. она же отработала 4 года после окончания Ленинградского университета, причем три из них в полевых условиях. Появились публикации в самых разных изданиях с упоминанием её

имени – от газеты «Пионерская правда» до журнала «Советский Союз».

В Нюрбе занервничали, они опасались, что после XX съезда КПСС в феврале 1956 г. Лариса становится знаменитой, может стать неуправляемой и неизвестно, какой сюрприз преподнесет. Сама же Л. А. Попугаева медлила с возвращением в Нюрбу, ссылаясь то на болезнь, то на право очередного отпуска. Её начали бомбардировать телеграммами: *«Прекрат ит е излишнюю переписку. Немедленно выезж айт е. Бондаренко»* или *«Аэродром Нюрбе закрывает ся 20 апреля. Юркевич»*. Бондаренко даже пожаловался на неё в Москву. Пришла телеграмма от самого управляющего 2-м трестом с таким же требованием.

В апреле 1956 г. она вернулась в Якутию и с апреля по конец июня находилась на Далдыне. В это время она изучала закономерности уменьшения размер зёрен пиропов в зависимости от величины их смещения от трубки. Имея такие данные, можно будет при поисках кимберлитовых тел судить о том, насколько они удалены от места находки пиропов в рыхлых отложениях. Занималась также геологическим описанием шурфов и канав на трубке «Удачная». В письме матери она писала, что в это время «никого не видела, кроме пса и мошкí», оставаясь рядовым геологом. По-видимому, она опять жила в том же отдельном домике на горе. Сейчас главная ее надежда была – получить зачисление в аспирантуру.

С начала июля 1956 г. Лариса находилась в Нюрбе. По просьбе Наталии Николаевны отправила ей карту для их сводного отчёта. Приехавший из Ленинграда Гневушев сообщил, что в Центральной экспедиции Ларису готовы взять обратно, для неё намечается тема по алмазам. Начальство ленинградской экспедиции становилось к ней лояльным, видимо, достаточно вникнув в произошедшие вокруг неё события. Иметь её сейчас у себя являлось почетным, это означало также вернуть себе права на открытие «Зарницы».

Надо думать, она воспрянула духом. Вместе с запрошенной картой отправила Сарсадских послание со словами о прежней дружбе. От Наталии Николаевны пришло письмо, которое производит странное впечатление. Бытовые и вполне коррект-

ные фразы перемежаются в нём с неприязненными: «О дружбе это вы напрасно пишете. Её не было и нет». Обвинения в «нескромности», «неискренности дружбы» привели Ларису в неменяемое состояние.

В ответ она написала длиннющее письмо (на 8 стр.), взвинченное и горькое, частично уже цитировавшееся. Были в нем и такие строки: *«Мы работ али с Федюней как лошади, забывая ест ь и спат ь... Благодаря нам призрачные т огда русские кимберлит ы ст али объект ивной реальност ью».*

Лариса начала добиваться перевода обратно в Ленинград. Её не отпускали, ссылаясь на то, что им нужны «сильные геологи». «А сами держат меня на затычках». У начальства возникло намерение, от которого она пришла в ужас, отправить её снова на Далдын. *«Хож у как бешеная кошка».* Обе фразы – из её письма матери Ольге Сергеевне. Действительно, её опять в июле–августе направили на Далдын. В Нюрбе она вновь появилась в сентябре. Осенью 1956 г. ей удалось, наконец, вернуться домой. Согласно «Личному листку по учёту кадров» Попугаевой, хранящемуся во ВНИИЮвелирпроме, с ноября 1956 г. она является геологом Центральной экспедиции. Сарсадских возражала против её приёма обратно: *«Либо я, либо она».*

Были все-таки и те в Амакинской экспедиции, кто искренне сожалел о ее отъезде. Одним из них был А. А. Гаврилов, который во главе геологической партии совершил труднейший (с приключениями) рекогносцировочный поход к Ледовитому океану, названный в экспедиции «Гаврилиадой». Их душевное знакомство, состоявшееся в Яральине, описано Г. В. Свиридовым. Гаврилова упомянула Лариса Анатольевна и в беседе с немецким корреспондентом 20 лет спустя. Судя по всему, он задел её воображение. Это был обаятельный человек, имевший успех у женщин.

В 1957 г. Попугаева была одним из авторов книги «Алмазы Сибири» – первого труда, посвященного отечественным коренным алмазам. Пироповому методу поисков, геологии и минералогии «Зарницы» в нём уделено достаточно много места. Её материалы были использованы в книге А. П. Бобриевича и др. «Алмазные месторождения Якутии», опубликованной в 1959 г.,

и в сборнике статей разных авторов «Алмазы Якутии», появившимся в 1961 г.

АСПИРАНТУРА И ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ

С января 1957 г. Л. А. Попугаева – аспирант отдела минералогии ВСЕГЕИ, поступление в аспирантуру затянулось для неё на три года. Получилось так, что она числилась аспирантом отдела ВСЕГЕИ, а фактически трудилась в Горном институте, сначала у заведующего кафедрой месторождений полезных ископаемых, профессора и члена-корреспондента АН СССР Павла Михайловича Татарина, который одновременно работал во ВСЕГЕИ заместителем директора по науке. Ларису не хотели видеть во ВСЕГЕИ, и Татарин взял её к себе в Горный институт.

К этому времени трест № 2 был ликвидирован, Центральная экспедиция передана во ВСЕГЕИ, и её сотрудницы создавали там о ней неблагоприятное мнение. Татарину она была хорошо известна, еще за два года до этого в своей официальной рецензии он оценил на «Отлично» отчёт об открытии «Зарницы». Однако отношения с ним у неё не сложились, и она перешла на кафедру минералогии к её заведующему профессору Дмитрию Павловичу Григорьеву. Смена руководителя и кафедры неизбежно повлекли за собой изменение темы работы и её направленности, что отодвигало назад подготовку диссертации.

Лариса ушла из Горного института, не представив кандидатскую диссертацию, несмотря на свою энергию и трудолюбие. Она замахнулась на исследование минералогии кимберлитов «Зарницы» и «Удачной», а эту громадную и непростую тему оказалось невозможным выполнить за три года при всех сложностях её жизни.

Несколько слов о научных руководителях Л. А. Попугаевой. **Профессор П. М. Татарин** по натуре был добрым человеком. В Горном институте в начале 1960-х годов защищал докторскую диссертацию минералог из Ленинградского университета В. Ф. Барабанов. Двое влиятельных деятелей самым яростным образом нападали с трибуны на него. Наблюдать это было тягостно. Встал Татарин и сказал: «Имейте в виду, что он –

инвалид войны». В Ларисе Попугаевой его раздражали курение, какие-то чёточки в манерах. Не удовлетворял его также уровень её навыка в написании научных текстов. Уход от Татаринова формально обуславливался тем, что она была по своей узкой специальности минералог, а не специалист по полезным ископаемым. При желании такой тонкости придают значение. В принципе перестроиться минералогу на изучение месторождений полезных ископаемых несложно.

Со вторым научным руководителем, *профессором Д. П. Григорьевым* она тоже не поладила. Дмитрий Павлович любил общаться с молодёжью, делиться с ней своими знаниями, однако был неровным в настроении. Когда Е. Б. Трейвус спросил его в 1990-х годах, почему Попугаева не сделала диссертацию, он ответил: «Не хочу разговаривать на эту тему». Однако можно предположить, что он проявил какую-то нетактичность и спровоцировал конфликт. Думается, что после тех событий в Нюрбе, а отнюдь не из-за ордена и славы, в ней обострилось чувство самоуважения, появилась нетерпимость к проявлению малейшего к ней пренебрежения. Ему запомнилось, что она тогда выглядела «какой-то несчастной». В дальнейшем у них восстановились хорошие отношения.

В 1958 г. Попугаева опубликовала статью о кристалле алмаза из трубки «Удачная» совместно с профессором Иларионом Иларионовичем Шафрановским, заведующим кафедрой кристаллографии Горного института. Вот с ним бы она ужилась. Он никогда бы не задел её чувство собственного достоинства, грамотно отредактировал бы текст диссертации. Вместе с ним Лариса приходила в университет на кафедру кристаллографии послушать доклад её сотрудника В. В. Нардова о скульптуре поверхности якутских алмазов, защитившего в 1958 г. кандидатскую работу на эту тему.

Начался активный период защиты диссертаций по алмазной тематике. В 1956 г. в Горном институте под руководством И. И. Шафрановского успешно защищена кандидатская диссертация по световым рефлексам от граней кристаллов алмаза. В 1958 г. М. А. Гневушев защитил кандидатскую диссертацию, посвящённую формам кристаллов и физическим особенностям

якутских алмазов. Наконец, были известны многочисленные определения кристаллов алмаза, относившиеся к началу XX в. и принадлежавшие такому корифею как А. Е. Ферсман, а также относительно новые исследования, проведенные А. А. Кухаренко и И. И. Шафрановским.

На изучение сибирских алмазов «накинулись» многие. Как впоследствии заметил Иларион Иларионович, «энергичные товарищи всё захватили в свои руки». Кроме того, кристаллография – наука очень специфическая, «на любителя». Трудно себе представить Ларису, которая глядела бы часами в глазок гониометра в абсолютно тёмной комнате. Кристаллография явно была не для её живой натуры. Судя по всему, она не принадлежала к тому типу учёного, который кропотливо накапливает почерпнутые из литературы сведения и собственные частные новые факты, у неё был талант полевого, практического работника.

Но тем не менее, в 1958 г. она была соавтором статьи о хризолите – ювелирном минерале из кимберлитовых трубок. Формально для защиты кандидатской диссертации достаточно было иметь две публикации. У неё их было к 1959 г. уже четыре, причём объединённых одной темой. Полагалось, чтобы диссертация давала практический выход. Очевидно, что её работа имела в этом отношении невероятное значение. Необходим был, конечно, дополнительный материал по минералогии кимберлитов. Поэтому требовались снова поездки в Якутию. Ей удалось один раз съездить туда, но начались болезни. Кроме того, в последний год аспирантуры ее отвлекли на два месяца на работу секретарём районной избирательной комиссии. Всем этим, а также не сложившимися отношениями с Горным институтом и ВСЕГЕИ можно объяснить то, что она не завершила своевременно диссертацию.

Тогда Л. А. Попугаева поступила иначе. Составила обобщающий доклад по результатам почти 20-летнего труда в геологии, который позволял претендовать на кандидатскую степень. По своему объёму и виду он ничем не отличался от кандидатского фолианта, а защищался совершенно так же, как и диссертация. Она выступила с докладом по опубликованным работам 4

ноября 1970 г. на объединённом Учёном совете геологоразведочного и геофизического факультетов Горного института.

В первом разделе доклада рассматривался пироповый метод поиска кимберлитов, был приведён большой список минералов, которые она нашла в кимберлитах «Зарницы». Обосновала возможность попутной с алмазом добычи гиацинта, пиропы и хризолита. Описала также найденный ею в своё время в кимберлите из трубки «Удачная» новый минерал, который она назвала **якутитом** – оригинальные смоляно-чёрные пластинчатые кристаллы, уникальные по своему химическому составу.

В 1968 г. она обратилась в Комиссию по новым минералам Всесоюзного минералогического общества с просьбой об его официальном признании. Однако уровень его изученности не соответствовал стандартам, его отвергли. Хотя минерал якутит не введен в учебную и научную литературу, но он имеется и кристаллы этого минерала Попугаева передала в музей Горного института.

Она не приписывала себе все заслуги в открытии кимберлитовых трубок и отметила в докладе, что при «многолетнем сложном коллективном труде, только благодаря которому и оказались возможными столь блестящие и быстрые результаты». В начале автореферата подчеркнула, что «метод пиропильменитовой шлиховой съёмки» был разработан совместно с Н. Н. Сарсадских. Далее повторила: *«Н. Н. Сарсадских совместно с автором была разработана новая методика шлиховой съёмки»* (заметим: поставила себя на второе место). Не попыталась ей отомстить, несмотря на утверждение Н.Н. Сарсадских в своей кандидатской диссертации (1959 г.), что ею «апробирована и рекомендована» пироповая методика алмазных поисков, а Л. А. Попугаева лишь участвовала «в полевых работах, проводимых автором», и была лабораторным сотрудником среди прочих, выполнявших второстепенные задачи. Напомним, что рекомендована эта методика была А. А. Кухаренко, а апробирована Л. А. Попугаевой.

Торжествующе звучат заключительные слова в автореферате Ларисы: *«Таким образом, открытием первой в Советском Союзе кимберлитовой трубки “Зарница” была решена проблема*

алмазоносности Сибирской платформы – установлены первичные коренные источники алмазов, что позволило совершенно по-новому, целеустремлённо вести поиски коренных и россыпных месторождений алмаза на этой громадной территории».

Второй раздел доклада был посвящён бирюзе и гематиту, приемам технического применения последнего, разработанным ею. В нём описаны также перспективы в использовании отечественного камнесамоцветного сырья.

Учёный совет Горного института в полном составе (25 человек) проголосовал «за». Она стала кандидатом геолого-минералогических наук. Профессор И. И. Шафрановский заявил на защите, что Лариса Анатольевна Попугаева достойна более высокой – докторской степени. Да, действительно ее открытие в области поисков месторождений алмазов при соответствующем научном оформлении заслуживает ученой степени доктора геолого-минералогических наук. Это было бы справедливо.

Во время выступления в Горном институте она была в скромном, но любимом синем костюме с ленточкой ордена Ленина и знаком «Первооткрыватель месторождения».

Казалось бы, присвоение звания первооткрывателя и успешная защита при большом количестве хвалебных отзывов в сопровождении широкой известности в стране должны были стать вершиной её триумфа, поводом для того, чтобы наступило внутреннее успокоение. Однако надо помнить, что только благодаря большому самообладанию ей потребовалось еще 10 лет после официального окончания аспирантуры, чтобы дойти до защиты диссертации и выступить на трибуне Горного института.

ЛАУРЕАТЫ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ ЗА ОТКРЫТИЕ МЕСТОРОЖДЕНИЙ АЛМАЗОВ В ЯКУТИИ

В газете «Правда» от 22 апреля 1957 г. были опубликованы имена лауреатов самой высокой и почетной награды в Советском Союзе – Ленинской премии. Среди них были названы и участники открытия алмазов в Якутии: **В. В. Белов, А. П. Бу-
ров, Г. Х. Файнштейн, Ю. И. Хабардин, В. Н. Щукин и Р. К.
Юркевич.** Между тем за этими именами стоит малоизвестная история, связанная с кампанией по выдвижению на награждение

правительственными званиями и наградами первооткрывателей якутских алмазов. Вот как описывает Р. Н. Юзмухаметов процедуру выдвижения кандидатов в различных партийных и административных органах.

25 января 1954 года Нюрбинский РК КПСС по предложению Якутского обкома партии представил к награждению правительственными наградами за выслугу лет ряд работников главной алмазной экспедиции в СССР – Амакинской (АмГРЭ). Но данное ходатайство осталось без ответа.

*30 октября 1956 года бюро Якутского обкома КПСС рассмотрело вопрос «О представлении первооткрывателей Вилюйских месторождений алмазов на соискание Ленинской премии и представлении к правительственным наградам рабочих, ИТР, служащих АмГРЭ и партийно-советских работников республики, особо отличившихся при поисках, разведке и выполнении задания Правительства СССР по попутной добыче алмазов». Бюро решило представить на соискание Ленинской премии следующих работников АмГРЭ: В. Б. Белова – старшего геолога партии № 200, **Л. А. Попугаеву** – геолога партии № 167, Л. П. Сторожук – старшего лаборанта – рентгенолога, Г. Х. Файнштейна – старшего геолога партии № 183, Ю. И. Хабардина – прораба, геолога партии № 132, В. Н. Щукина – старшего геолога партии № 167.*

Это были известные люди, сыгравшие большую роль в открытии якутских алмазов. Г. Х. Файнштейн в свое время был начальником Вилюйской партии АмГРЭ, нашедшей 7 августа 1949 г. первый якутский алмаз на реке Вилюй. Рентгенологом в этой партии тогда работал Л. П. Сторожук. Именно он извлек первый алмаз из пробы, взятой на косе Соколиная. В. Б. Белов в свое время был начальником партии № 129, которой принадлежит заслуга открытия богатых алмазоносных россыпей на реке Мархе. Л. А. Попугаева, В. Н. Щукин являются по праву первооткрывателями первых коренных месторождений алмазов в Якутии – кимберлитовых трубок Зарница и Удачная. Ю. И. Хабардин был старшим в отряде партии № 132, открывшим знаменитую кимберлитовую трубку «Мир».

Как видно, между утвержденным Якутским обкомом партии и опубликованным в газете «Правда» списком лауреатов Ленинской премии, есть расхождения. В конечном итоге **из списка исчезли фамилии Л. А. Попугаевой, Л. П. Сторожука, но добавились фамилии А. П. Бурова и Р. К. Юркевича**. Что же произошло с утвержденным в Якутске списком? Кто взял на себя смелость изменить решение обкома партии?

Как известно, список кандидатов на соискание Ленинской премии, как и на присвоение правительственных наград, предварительно рассматривался руководством Амакинской экспедиции и Нюрбинского райкома партии. После утверждения его обкомом, он попал в ЦК КПСС.

Скорее всего, именно здесь и произошла замена некоторых фамилий в списке. Во-первых, руководство Союзного треста № 2, которому подчинялось АмГРЭ, и Министерства по делам геологии решило включить в список кандидатов на самую престижную в стране премию главного геолога союзного треста № 2 **А. П. Бурова**. Во-вторых, можно предположить, что министерство настаивало на включение в этот список представителя руководства Амакинской экспедиции. Так, как начальник АмГРЭ М.Н. Бондаренко, который, скорее всего, сам метил в лауреаты, к тому времени уже успел испортить отношения с Нюрбинским райкомом и обкомом партии, а Центральный комитет не хотел из-за какого-то начальника экспедиции портить отношения с Якутским обкомом. В список был включен главный геолог Амакинки **Р. К. Юркевич**.

Что касается кандидатуры **А. П. Бурова**, которого, окрестили отцом русских алмазов, то он больше всех заслуживал этой высокой премии. Буров был первым геологом-алмазником в нашей стране, организовал специальные поиски на алмазы в Енисейской тайге в 1937 году, в результате которых на реке Большой Пит был найден алмаз. Также он осуществлял научное руководство всеми поисковыми работами на алмазы в СССР с 1938 году. В 1952 году он стал лауреатом Государственной (Сталинской) премии за разработку методов и схемы извлечения алмазов.

Другое дело **Р. К. Юркевич**. Именно его имя вызвало больше всего пересудов со стороны геологов-алмазников. Ростислав Константинович после окончания в 1935 году Московского геологоразведочного института долгое время работал начальником геологических партий в системе Главредмет и Союзгеохимразведка. В 1950 году он был назначен главным геологом Медведкинского прииска Уралалмаз, а в 1953 году, после очередной смены руководства Амакинки, главным геологом АмГРЭ. Таким образом, Р. К. Юркевич появился в Якутии и Амакинской экспедиции уже после открытий Г. Х. Файништейна, Л. П. Сторожука и В. Б. Белова. Вся его семилетняя деятельность на должности главного геолога Амакинки не отмечена никакими достижениями, за исключением того, что в 1959 году он был обвинен Якутским обкомом КПСС вместе с М. Н. Бондаренко и главным инженером экспедиции М.С. Суматовым в антигосударственной практике приписок в объем выполненных работ, что послужило главной причиной его отъезда из Якутии в 1960 году.

Так как количество лауреатов Ленинской премии было оговорено заранее, после включения в список соискателей премий, дополнительных кандидатур, необходимо было убрать оттуда две фамилии. **Лука Павлович Сторожук**, который имел более скромные заслуги перед остальными кандидатурами, был, наверное, исключен из списка первым. Следующим, следуя исторической справедливости, должен был быть вычеркнут из списка В. Н. Белов, так как в открытие алмазов на Мархе было больше заслуг коллектора партии № 129 З. Г. Иценко, чем его, как начальника партии. Но судьба смилостивилась над Владимиром Борисовичем. **Из списка была вычеркнута Л. А. Попугаева**, без которой невозможно представить историю открытия якутских алмазов. Скорее всего, данное решение было предложено руководством Союзного треста № 2 и Министерства геологии исходя из того, что к тому времени Лариса Анатольевна уже уволилась из Амакинки, уехала из Якутии и поступила в аспирантуру Горного института в Ленинграде, т.е. перестала заниматься поисками алмазов. Кроме того, присвоив открытие первого коренного месторождения алмазов в нашей стране – трубки «Зарница» не Центральной, сотрудником ко-

торой была Л. А. Попугаева, а Амакинской экспедиции, руководство треста и министерства не хотело лишний раз создавать ажиотаж вокруг фамилии Попугаевой, на которой в верхушке геологических кругов уже был поставлен крест.

Переписанный таким образом список соискателей и попал в Комитет по Ленинским премиям в области науки и техники при Совете министров СССР, который и утвердил его, не вдаваясь в излишние детали и тонкости. Присвоение Ленинской премии группе геолого-алмазников сразу всколыхнуло коллектив Амакинской и других экспедиции, занимающихся поисками алмазов в Якутии. Некоторых возмутило, что лауреатами не стали Н. Н. Сарсадских и Л. А. Попугаева – первооткрыватели трубки «Зарница». В связи с этим группой ленинградских геологов было отправлено гневное письмо, остающиеся до сих пор без ответа, председателю Комитета по Ленинским премиям академику А. Н. Несмеянову. Определенное недовольство решение Комитета по Ленинским премиям вызвало и в Якутске, где многие были осведомлены об утвержденном бюро обкома списке соискателей этой высокой награды.

Ленинская премия стала единственной наградой геологам – первооткрывателям алмазов в Якутии. Дело в том, что на том же заседании бюро Якутского обкома КПСС 30 октября 1956 года были утверждены списки геологов-алмазников, представляемых к присвоению звания Героя Социалистического труда (4 человека) и награждению орденами Ленина (16), Трудового Красного Знамени (39), Знак Почета (76), медалями За трудовую доблесть (50) и Трудовое отличие (35).

Так, например, к присвоению звания **Героя Социалистического труда** были рекомендованы: Б. Я. Корешков – главный обогатитель АмГРЭ, Л. А. Попугаева, Г. Х. Файнштейн, Ю. И. Хабардин; награждению **орденом Ленина**: Н. В. Кинд – первооткрыватель трубки «Мир», П. Х. Староватов – краевед Вилюйских районов; **орденом Трудового Красного Знамени**: М. А. Гневушев – начальник партии № 139, В. П. Лямов – бывший второй секретарь Якутского ОК КПСС, В. Д. Скульский – старший геолог, Р. К. Юркевич; **орденом Знак Почета**: Н. А. Давыдов – старший коллектор партии № 128, Е. Н. Елагина –

первооткрыватель трубки «Мир», С. М. Журавлев – начальник партии № 128 и т.д.

Видно, представленные к награждению правительственными наградами списки участников открытия якутских алмазов не были встречены с энтузиазмом в Москве. Для того, чтобы решить положительно вопрос с награждением геологов-алмазников, первый секретарь Якутского обкома КПСС С. З. Борисов обратился со специальным письмом, датированным 17 декабря 1956 года, к Н. С. Хрущеву с просьбой разрешить наградить первооткрывателей, поисковиков и разведчиков коренных и россыпных месторождений алмазов в Якутии званием Героя Социалистического труда, орденами и медалями. К этому времени количество кандидатур на награждение несколько возросло. Орденами и медалями предполагалось уже наградить 330 человек, в том числе Орденом Ленина – 8, орденом Трудового Красного Знамени – 67, Знак Почета – 109, медалью За трудовую доблесть – 80, За трудовое отличие – 66. В ЦК КПСС ушло 18 декабря 1956 г. еще одно ходатайство и наградные листы на награждение одного геолога-алмазника орденом Знак Почета и одного медалью За трудовую доблесть.

Но в итоге правительственными наградами никто из рабочих, ИТР, служащих АмГРЭ и партийно-советских работников республики, особо отличившихся при поисках, разведке и выполнении задания Правительства СССР по попутной добыче алмазов, о чем так усиленно ходатайствовал обком партии, награжден не был. Никому не было присвоено и звание Героя Социалистического труда. В принципе, повторюсь еще раз, именно Ленинская премия, лауреатами которой стали шесть геологов-алмазников, стала единственной наградой правительства СССР геологам за открытие якутских алмазов.

Правда, часть геологов-участников открытия якутских алмазов была все-таки удостоена правительственных наград. В честь празднования в 1957 году 325-летия вхождения Якутии в состав Российского государства, Якутским обкомом КПСС был вторично представлен к наградам список геологов-первооткрывателей. Но теперь количество награждаемых было уменьшено в пять раз. Вторая попытка оказалось успешной.

В результате **орденами Ленина** были, например, награждены начальник АмГРЭ М. Н. Бондаренко, **Л. А. Попугаева**, М. А. Гневушев, Г. Х. Файнштейн, Ю. И. Хабардин, орденом Трудового Красного Знамени Н. Н. Сарсадских и т.д.».

БОРЬБА ПОПУГАЕВОЙ ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПО НАГРАЖДЕНИЮ

Список лауреатов вызвал возмущение у рядовых геологов Амакинской экспедиции. Почему Попугаеву считают «баловнем удачи», а Хабардина и Щукина никому не пришло в голову так назвать? Почему её фигура вызывает такое неприятие? Возмущались не только геологи. Приведем одно из писем, полученное Л. А. Попугаевой:

«7. V-57 года. Привет из Якутии.

Здравствуйте, многоуважаемая Лариса Анатольевна. Во-первых, извините меня за беспокойство, но всё же я вам пишу коротенькое письмо, так как в этом интересуются очень многие старые рабочие. Лариса Анатольевна, мы все узнали, что о [за] коренное месторождение алмазов, то есть что открыли Вы, присуждена Ленинская премия группе геологов, но Вас, говорят, как непосредственного от открытия обошли. Так что мы все очень возмущены. Кто-то или вернее сказать некоторые в этом не имеют никакой заслуги и всё-таки оказались в числе премированных. Лариса Анатольевна, мы все вас просим, чтобы на это письмо Вы дали ответ и, если возможно, побыстрее.

Был в партии корреспондент газеты «Правда» из Москвы. Ему говорили некоторые товарищи, как Волгин и другие, что есть на самом деле. Но он ответил так, что в основном здесь заслуги Амакинской экспедиции, вроде как Юркевич, и всё.

Опишу немного о себе. Работая в лесу в 60 км от Далдына. Работаем 3 человека, заготавливаем лес. До свидания. Жмём вашу руку. Передавайте привет вашей семье. Алексей».

Узнав раньше Е. Н. Елагиной о Ленинских премиях, Н. В. Кинд спросила ее: «Догадайся, кому не дали». Было ясно – Ларисе Анатольевне Попугаевой. В. И. Елисеев в статье в «Бюллетене Московского общества испытателей природы» рассказывал, что, когда он спросил учёного секретаря Комитета по Ле-

нинским премиям, почему Попугаевой не дали премию. Услышал идиотский ответ: *«Лариса Анатольевна Попугаева доставила образцы кимберлит а не по назначению – вместе с Амакинской экспедиции повезла их в экспедицию Научно-*

исследований ельского института геологии Арктики».

Л. А. Попугаева, 1957 г., фото для газеты «Вечерний Ленинград»

В сентябре 1957 г. Лариса начинает писать большое письмо Н.С. Хрущёву, в котором излагает историю поисков и открытия алмазов на Сибирской платформе, отмечая заслуги многих лиц в этом деле, подчёркивает роль Наталии Николаевны Сарсадских. Одновременно возмущается тем, что в списке награждённых Ленинской премией оказался человек только «по должности и рангу». Попугаева дописывает своё письмо Н. С. Хрущёву и 02 октября 1957 г. отправляет его. В архиве дочери Натальи сохранился черновой вариант письма, приводим его.

Глубокоуважаемый Никита Сергеевич!

21 августа 1957 года исполнилось 3 года, как в нашей стране открыто первое коренное месторождение алмазов, давшее возможность в дальнейшем создавать в Якутской АССР свою отечественную алмазодобывающую промышленность. В связи с этим я внимательно по документам и отчетам, еще раз изучив историю открытия алмазов, решила написать Вам это письмо.

Находки на территории Сибирской платформы в 1947–1949 гг. в россыпях рек такого важного для нашей промышленности полезного ископаемого, каким является алмаз, естественно, выдвинули необходимость постановки широких научно-исследовательских работ, имеющих целью решение, с одной стороны, задачи обобщения разрозненных данных по геоморфологии, геологии, стратиграфии, петрографии и минералогии, а с другой стороны, задачи установления пути сноса рыхлого материала и происхождения алмаза. Начиная с 1950 г., такие работы велись различными организациями – Третьим главным геологическим управлением, Союзным трестом № 2 Главуралсибгеологии (ныне III Главк Министерства геологии и охраны недр), Академией наук Союза ССР (АН СССР), Научно-исследовательским институтом геологии арктики (НИИГА), Всесоюзным геологическим институтом (ВСЕГЕИ), Всесоюзным институтом минерального сырья (ВИМС), Иркутским геологическим управлением и т. д.

Одну из таких тематических минералогических работ на Сибирской платформе с 1950 г. по 1955 г. вела и партия № 26 Центральной экспедиции Союзного треста № 2 Главуралсибгеологии. Этой партией все эти годы руководила геолог Наталия Николаевна САРСАДСКИХ, а я была геологом этой партии. Целью работ нашей партии было – составление сводной шлихоминералогической карты Сибирской платформы и выяснение для Сибири минералов-спутников алмаза, которые необходимы для поисков коренных и россыпных месторождений этого драгоценного камня. До 1953 года спутники сибирских алмазов не было известны, и все поиски последних велись вслепую или с применением уральских поисковых критериев, непригодных для Сибири. Основная методика поисков алмаза основывалась на чисто механической промывке сотен тысяч кубометров рыхлых речных отложений с последующим просмотром концентратов на рентгене и извлечении из них отдельных алмазов. Открытие коренных материнских пород алмаза в таких условиях было невозможно.

Справедливость требует отметить, что еще в 1952 г. работниками НИИГА А. П. ПУМИНОВЫМ и Е. И. ПОДКОПАЕ-

ВЫМ, а в 1953 г. партией Иркутского геологического управления, руководимой геологом А. С. ШАМЕС, в речных отложениях сибирских рек был обнаружен минерал пироп, являющийся спутником алмаза, но никаких практических выводов из этих находок, к сожалению, сделано тогда не было.

И вот летом 1953 года, работая вместе с Н. Н. САРСАДСКИХ в верховьях реки Мархи (приток реки Вилуй) в районе, где партиями НИИГА в 1952 г. в русле реки Мархи были найдены алмазы, нам удалось в бассейне небольшой реки Далдын (приток реки Мархи) обнаружить пироп и особый ильменит. Эти-то минералы после тщательной обработки с учетом данных Ю. Африки были нами определены как надежные генетические спутники алмазов для Сибири. Полученные данные были подтверждены опытным специалистом по алмазам доцентом Ленинградского госуниверситета А. А. КУХАРЕНКО, сравнивавшим наши минералы из Сибири с такими же минералами из коренных алмазоносных пород – кимберлитов Ю. Африки (образец породы имелся в коллекции на кафедре минералогии Ленинградского университета). Исходя из этого, в мае 1954 года нами совместно с геологами А. А. Кухаренко и И. И. Красновым была направлена в Союзный трест № 2 на имя Управляющего трестом А. Л. КУНИЦЫНА докладная записка, в которой мы предлагали в районе нахождения в 1953 г. большого количества пиропы и ильменита – в среднем течении реки Далдын, провести в 1954 г. пироп-ильменитовую шлихо-минералогическую съемку с целью обнаружения пород, являющихся первоисточником этих минералов, и попутным поиском кимберлитоподобных алмазоносных пород. Одновременно предлагалось установить связь пиропы и ильменита с алмазоносностью реки Далдын, которая была установлена нами еще в 1953 году.

На основании этой докладной записки 15 июня 1954 года приказом № 114 по Центральной экспедиции Союзного треста № 26 я, ПОПУГАЕВА Лариса Анатольевна – геолог партии № 26, и рабочий БЕЛИКОВ Федор Алексеевич были командированы на летние работы в район, рекомендованный нами в докладной записке. Н. Н. САРСАДСКИХ находилась в это время в

декретном отпуске и только поэтому не смогла выехать на полевые работы..

Прибыв в поселок Нюрбу (база геолого-разведочной Амакинской экспедиции), я ознакомила геологов экспедиции и главного геолога экспедиции Р. К. ЮРКЕВИЧА, только в конце 1953 г. приступившего к работе в экспедиции и совершенно не знающего алмазного дела, с результатами работ партии № 26 по выявлению спутников сибирских алмазов. В ряде шлихов из других районов Сибири, данных мне на просмотр геологом Г. Х. ФАЙНШТЕЙНОМ, удалось также обнаружить пиропы. В связи с этим я рекомендовала геологам Амакинской экспедиции провести в районах работ их партий «пироповую» шлиховую съемку, а также поиск первоисточников этого минерала. Геологи очень живо откликнулись на этот простой и надежный поисковый метод и уже летом 1954 года его приняли на вооружение партии Амакинской экспедиции.

К летним работам в районе реки Далдын мы с Ф. А. БЕЛИКОВЫМ приступили 15 июля 1954 года, куда нас доставил самолет По-2, пилотируемый опытным летчиком Виктором НОВИКОВЫМ. В результате проведенных нами в этом отдаленном от всех населенных пунктов районе шлихо-минералогических работ и геологической съемки 21 августа 1954 года мной совместно с отлично, не покладая рук, работавшим Ф. А. БЕЛИКОВЫМ впервые на территории Советского Союза было открыто и оконтурировано первое коренное месторождение алмаза – кимберлитовая трубка, названная нами «Зарницей».

Алмазность кимберлитов нами была установлена в полевых условиях. Кроме того, в результате работ удалось установить, что коренные месторождения алмазов в исследуемом районе не единичны, а множественны. Находки же пиропов в других частях Сибирской платформы указывали на то, что коренные месторождения алмазов на Сибирской платформе присутствуют в нескольких районах. По аналогии с Ю. Африкой было ясно, что и у нас коренные месторождения алмазов располагаются группами – кустами, по линиям разломов земной коры и, несомненно, среди этих групп трубок будут встречаться трубки, очень богатые алмазами, бедные ими и даже совсем пустые. Так

оно и оказалось впоследствии при проведении широких разведочных и геофизических работ в 1955–1956 гг. и в настоящее время. Так, в 1955 году в районе реки Далдын среди 10 обнаруженных, кроме трубки «Зарница», кимберлитовых трубок – «Полярная», «Ленинградская», «Долгожданная» и др. отряд, руководимый молодым, только что приступившим к работе в этом районе геологом В.Н. ЩУКИНЫМ, используя предложенный нами с Н. Н. Сарсадских метод пироповой шлиховой съемки, в ручье, где еще в 1953 году мной были констатированы пиропы, обнаружил, да, именно не открыл, а обнаружил трубку «Удачную», оказавшуюся чрезвычайно богатой алмазами. Кроме того, тоже в 1955 году, в совсем другом районе Сибири – на реке М. Батуобии (приток реки Вилюй), прорабом партии № 132 Амакинской экспедиции Ю. И. ХАБАРДИНЫМ была обнаружена кимберлитовая трубка «Мир» – сейчас наиболее алмазоносная.

Так обнаруживаются все новые и новые коренные месторождения алмаза.

Работая в 1954 году с Ф. А. БЕЛИКОВЫМ в районе открытой нами трубки «Зарница», мне удалось выяснить возможность дешифрирования поисков подобных тел на аэрофотоснимках. В дополнение к этому большое содержание в кимберлите трубки «Зарница» рудных минералов, в частности магнетита, позволило мне рекомендовать постановку для поисков коренных месторождений алмазов и геофизические методы разведки. В сочетании с пироп-ильменитовой съемкой эти методы сейчас широко и с успехом применяются.

Обо всех результатах своих летних работ в 1954 году я, прибыв в поселок Нюрбу, написала «Информационный отчет о результатах работ партии № 182 Амакинской экспедиции и партии № 26 Центральной экспедиции в районе среднего течения реки Далдын в 1954 г.» (Отчет находится в фондах Союзного треста № 2). Осенью 1954 года после окончания полевых работ мне было поручено сделать 29 сентября 1954 года доклад об открытии первого в Советском Союзе месторождения алмазов – трубки «Зарница» на конференции сибирских геологов, собравшихся в это время в пос. Нюрба. На конференции присутствовали сотрудники базирующейся в Нюрбе Амакинской экспедиции,

геологи других экспедиций Союзного треста № 2, а также различных организаций, работавших на Сибирской платформе. На конференции присутствовали также главный геолог Союзного треста № 2 А. П. БУРОВ и главный инженер этого треста Н. Д. МЕРКУРЬЕВ. В решениях этой конференции на основании мнения большинства геологов была отмечена чрезвычайная важность открытия «Зарницы» как первого импульса для постановки под совершенно новым углом зрения больших геологических поисково-разведочных работ в целях создания в ближайшие годы нашей отечественной алмазодобывающей промышленности.

Единодушно геологами был принят на вооружение предложенный нами с Н. Н. Сарсадских метод поисков алмазных месторождений по спутникам алмаза – минералам пиропу и ильмениту. Но тут же на конференции с наглостью, не знающей границ, главный геолог [*Амакинской экспедиции*] Р. К. ЮРКЕВИЧ приписывает честь разработки и применения этого метода чуть ли не своей персоне. И, увы, присутствовавшее на конференции руководство треста восприняло это как должное. Но не в этом главное, а в том, что и шлихоминералогический метод, и результат его использования – открытие коренного месторождения алмазов, были по достоинству оценены геологами.

По возвращении в Ленинград я в декабре 1954 года доложила о результатах полевых работ в районе р. Далдын в Центральной экспедиции в присутствии большой аудитории ленинградских геологов. Здесь геологами также единодушно было высказано мнение о том, что обнаружение спутников алмаза – минералов пироба и пикроильменита, и применение их для поисков коренных и россыпных месторождений алмаза полностью себя оправдало на практике и, несомненно, является открытием первостепенной важности. Геологи подчеркнули, что результат многолетних работ партии № 26, завершившихся открытием первого коренного месторождения алмазов – кимберлитовой трубки «Зарница», есть блестящее сочетание теоретических прогнозов с практикой. Открытие это, конечно, не случайность. Несомненно, что в дальнейшем геологи–алмазники Сибири, пользуясь «пироповым» методом поисков, будут, уже должны, обязаны не открывать, а обнаруживать все новые и новые ко-

ренные и россыпные месторождения алмаза. Так оно в действительности сейчас и происходит – после 1954 года В. Н. ЩУКИН обнаружил трубку «Удачную», Ю. И. ХАБАРДИН – трубку «Мир», и т. д., и т. д.

На XX съезде КПСС в феврале месяце 1956 г., когда было известно лишь единственное коренное месторождение алмазов – трубка «Зарница», Н. А. БУЛГАНИН оценил открытие коренного месторождения алмазов в Якутии как «замечательное открытие последних лет».

18 апреля 1955 г., обработав вместе с начальником партии № 26 Центральной экспедиции Союзного треста № 2 Н. Н. САРСАДСКИХ собранный мной в районе реки Далдын в 1954 г. материал, мы защищали написанный нами «Отчет партии № 26 о работах в среднем течении р. Далдын в 1954 г.» (Отчет находится в фондах Союзного треста № 2). Рецензировавший этот отчет доктор геолого-минералогических наук чл.-корр. АН СССР профессор П. М. ТАТАРИНОВ дал высокую оценку открытия первого коренного месторождения алмазов для промышленности СССР, что видно из прилагаемой к настоящему письму копии его отзыва. Высокую оценку отчету дал также второй рецензент доктор геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Института геологии АН СССР А. Н. ЛЕБЕДЕВ (копия его отзыва также приложена к этому письму).

25 апреля 1955 года приказ № 31 по Союзному тресту № 2 Главуралсибгеологии отмечает чрезвычайную важность разработанной партией № 26 Центральной экспедиции новой методики поисков коренного месторождения алмазов, завершившейся открытием первого в Советском Союзе коренного месторождения этого минерала (к письму приложена копия приказа).

2 августа 1955 года указанный выше отчет партии № 26 принимался в г. Москве на заседании комиссии Союзного треста № 2 по рассмотрению и утверждению геологических отчетов. На заседании присутствовали главный геолог треста А. П. БУРОВ, главный инженер треста Н. Д. МЕРКУРЬЕВ, старший геолог Е. А. Надеждинская и др. В протоколе этого заседания отмечается, что партией № 26 получены весьма важные геологические

результаты (копия протокола Союзного треста № 2 приложена к настоящему письму).

В период с 1956 года по настоящее время, когда алмазы были рассекречены, в широкой печати – в различных газетах и журналах, появились отклики на открытие первого в Советском Союзе месторождения алмазов. В этих статьях дается оценка важности этого открытия для промышленности СССР. Следует отметить, что опубликованные отзывы написаны не только корреспондентами газет и журналов, оценивающими события со слов алмазников, но также и специалистами геологами (14 из таких отзывов, помещенных в печати, я прилагаю к настоящему письму).

После всех описанных выше событий, будучи в ультимативном порядке переведенной приказом Союзного треста № 2 в Амакинскую экспедицию этого же треста, я с ноября 1954 г. по октябрь 1956 года продолжала работать геологом партии № 167 на Далдыне в районе открытого мной первого алмазного коренного месторождения – трубки «Зарница», с целью изучения геологии района и выявления новых кимберлитовых трубок (в прикладываемой к этому письму характеристике отмечена и моя работа в Амакинской экспедиции).

25 октября 1956 года после написания отчета по партии № 167 за 1955 год по моей настоятельной просьбе меня перевели снова на работу в Центральную экспедицию, которая теперь относится к ВСЕГЕИ, где я работала геологом партии № 119 до 1 января 1957 г. В последней партии я работала над изучением кимберлитов трубки «Мир». С 1 января 1957 г. я зачислена в аспирантуру ВСЕГЕИ, где и занимаюсь в настоящее время.

Безусловно, какое открытие вообще и алмазов в частности не могло и не было сделано на пустом месте. Открытию предшествовали долгие годы упорного труда многих и многих специалистов-геологов по самым различным геологическим вопросам.

Известно, что первые общегеологические прогнозы о возможности по аналогии с Ю. Африкой искать алмазы на сходной с ней геологической территории Сибирской платформы (Якутская АССР) были высказаны геологами В. С. СОБОЛЕВЫМ,

А. П. БУРОВЫМ, Ю. М. ШЕЙНМАНОМ и Г. Г. МООРОМ. Поэтому-то и пошли поисковики алмазники в Сибирь. Туда были переброшены с Урала многие опытные геологи (Н. В. КИНД, М. И. ПЛОТНИКОВА, Н. Н. САРСАДСКИХ, М. А. ГНЕВУШЕВ, В. Д. СКУЛЬСКИЙ и многие другие). В Сибири начали искать алмазы и геологи Иркутского геологического управления – М. М. ОДИНЦОВ, Г. Х. ФАЙНШТЕЙН, В.Б. БЕЛОВ и др. Так появились в 1945–1947 гг. единичные находки алмазов в россыпях на р. Н. Тунгуска, а в 1947 г. партия Иркутского геологического управления, руководимая Г. Х. ФАЙНШТЕЙНОМ, впервые обнаружила алмаз в россыпях на р. Вилуй.

В связи с находками алмазов на р. Вилуй в пос. Нюрбу из Иркутска в 1951–1952 гг. перебрасывается Амакинская экспедиция. В труднейших условиях Севера Б.Я. КОРЕШКОВ – инженер-обогащатель, и. о. начальника экспедиции, организует планомерное продолжение работ в районе, несмотря на колоссальные трудности с жильем, снаряжением и продовольствием. И лишь когда работы уже были в полном разгаре, т. е. в конце 1953 г., начальником экспедиции Москва назначает М. Н. БОНДАРЕНКО, а гл. геологом – человека, нового в алмазном деле – Р. К. ЮРКЕВИЧА. Работая на Вилуе, партии Амакинской экспедиции, главным геологом которой с 1950 до конца 1953 г. был М. А. ГНЕВУШЕВ, уже к 1953 г. обнаружили алмазы еще на ряде притоков р. Вилуй. В частности, партия, руководимая геологом В. Б. БЕЛОВЫМ, обнаружила алмазы в россыпях на реке Мархе. В это же время в 1950–52 гг. геологи НИИГА находят алмазы и в верховьях р. Мархи. Так все больше и больше расширялась площадь речных бассейнов, зараженных алмазами. Но откуда они? Вот вопрос, который стоял неразрешенной задачей. В ходе работ появлялись различные теории и прогнозы о возможности находок алмаза в тех или иных геологических условиях и в связи с теми или иными породами Сибирской платформы.

Были предположения и выводы ошибочные (В. С. ТРОФИМОВ, П. Е. ОФФМАН, Г. Х. ФАЙНШТЕЙН и др.). Были предположения и прогнозы интересные и, как показали дальнейшие события, правильные (В. С. СОБОЛЕВ, А. П. БУРОВ, М. А. ГНЕВУШЕВ, Н. А. БОБКОВ, Н. В. КИНД, И. И. КРАС-

НОВ и др.). Так, например, М. А. ГНЕВУШЕВ и покойный Н. А. БОБКОВ, изучая алмазы вилюйских россыпей, дают правильный прогноз алмазоносности в целом по платформе и по бассейну правых притоков р. Вилюй – р. Малая Батуобия, в частности. И. И. КРАСНОВ и В. Л. МАСАЙТИС указывали на возможность находки ультраосновных алмазоносных пород в зонах определенных разломов земной коры. Все это были правильные, хорошие общие положения, но никаких конкретных научно-обоснованных критериев поисков не существовало.

К сожалению, все работы на Вилую по поискам алмазов в россыпях были основаны, как я уже указывала, на чисто механическом промывании и обогащении сотен и тысяч кубометров песков. Тратилось много сил и колоссальные средства. Геолог Г. Х. ФАЙНШТЕЙН ухитрился даже, зная, что алмаз – минерал ультраосновных пород, связывать, тем не менее, его происхождение с минералами основных пород, которые широко развиты на Сибирской платформе и называются траппами. Эти и многие другие ложные представления сильно тормозили ход открытия алмазных месторождений, годных для промышленного использования. Однако анализ постепенно накапливавшегося огромного фактического материала давал возможность отметить ложные представления и находить правильные пути к решению поставленной задачи. Так, в 1954 году, завершая труд огромного коллектива геологов, были открыты, как я уже рассказывала выше, сначала спутники алмаза – пироп и ильменит, а потом и первое коренное алмазное месторождение.

И вот поэтому-то, естественно, всеобщее недоумение и возмущение у десятков, нет, сотен геологов и в широких кругах общественности, знакомой с открытием месторождений алмазов по печати, вызвало опубликование 22 апреля 1957 г. сообщение о присуждении ряду геологов от имени народа Ленинской премии за открытие алмазных месторождений в Сибири. Не вдаваясь в возмутительные подробности, предшествовавшие выходу в свет Указа о премиях, я выражаю как коммунист и как геолог от своего имени и от имени многих моих коллег по работе крайнее возмущение безобразной в наше время и в нашей стране алмазной эпопеей, увы, похожей на Клондайк. События, описанные в

так поносимой книге В. Д. Дудинцева «Не хлебом единым» или в книге Д. Гранина «Искатели», или в фельетоне Сем. Нариньяни «Зеленая улица», помещенном в газете «Правда» от 7 июня 1957 г., а также и некоторых других произведениях – все это пастельные краски по сравнению с тем, как обстояло дело с алмазами. Но все это, к нашему стыду, звенья одной и той же цепи.

С неприкрытым цинизмом, наплевав, мягко выражаясь, на мнение огромного коллектива геологов и вообще широкой общественности, Министерство геологии представило в Комитет по Ленинским премиям злоумышленно искаженный, вопреки фактам и документам, материал и ложные характеристики геологов, чьи имена действительно, если алмазы стоят того, должны быть отмечены такой высокой и почетной наградой как премия имени Владимира Ильича Ленина.

Далее она задает 16 вопросов, приведем 8 из них:

1. До каких пор по должности и рангам (я имею в виду Р. К. ЮРКЕВИЧА.), а не по действительным заслугам, будут оцениваться люди и венчаться лауреатами «наездники» в науке?

2. Почему не отвечает ясно, вразумительно и обоснованно Комитет по Ленинским премиям на запросы от отдельных лиц и организаций по поводу награждения Ленинской премией за алмазы лиц, в своем большинстве второстепенных? Ведь именно Комитету поручена беспристрастная высококвалифицированная документально подтвержденная оценка тех или иных работ и открытий.

3. Где логика? Когда звание лауреата Ленинской премии как первооткрывателю железорудного месторождения в Сибири присуждают летчику, обнаружившему аномалию с воздуха, а имена авторов не только метода поисков алмазных месторождений, но и открытия первой алмазоносной кимберлитовой трубки предано недостойному забвению?

4. На каком основании мое письмо в ЦК на имя Н. С. ХРУЩЕВА от 10/II–55 г., в котором я посвящаю открытие первого алмазного месторождения XX съезду партии, попало к работнику ЦК товарищу ЯМНОВУ и осталось под сукном?

5. Почему моя личная длительная беседа с работником ЦК КПСС товарищем ЯМНОВЫМ 6 марта 1955 г. и беседа в пос.

Нюрбе 14–15 августа 1956 года с представителем Якутского обкома тов. ЕГОШИНЫМ о ненормальном положении с алмазным вопросом канули в вечность?

6. Почему письма, адресованные геологами в ЦК КПСС, в частности, письмо геологов Центральной экспедиции на имя Н. А. БУЛГАНИНА в 1956 году, где высказываются претензии к Министерству геологии, обязательно попадают на разбор в Министерство геологии?

7. Как и что в связи с материалом, который изложен в настоящем письме, я должна сообщить в ответе на письмо французских друзей, полученное мной из Парижа, которые просят меня рассказать об открытии в нашей стране алмазных коренных месторождений?

8. Почему и на каком основании в статье министра геологии и охраны недр П. Я АНТРОПОВА, помещенной в журнале «Разведка и охрана недр» и посвященной достижениям советской геологии, открытие алмазных месторождений в нашей стране отодвинуто на целый год вперед – указан 1955 г.? Замечу, что на запрос в редакцию журнала, почему в статье искажена дата открытия, мне ответили, что де министр имел в виду наиболее богатое месторождение. А кому, как не министру геологии, следует понимать, что в нашем случае дело было не в том, какое из месторождений богаче, а в том, что в 1954, а не в 1955 г. был успешно апробирован новый метод поисков, использование которого привело к открытию первого в истории СССР кимберлитового месторождения алмазов, повлекшему за собой все последующие открытия?

Заканчивая свое письмо, хочу спросить, перебирая бесконечное количество отчетов и документов в связи с историей алмазов: а где же КОРЕШКОВ, построивший Нюрбу, где ГНЕВУШЕВ, оставивший немало?

Убедительно прошу разобрать серьезно, с привлечением документов, настоящее письмо. Судя по решениям последних пленумов ЦК, справедливые выводы сделать можно и должно. Настоятельно также прошу, чтобы это письмо по примеру других писем и, в частности, моего первого письма в ЦК КПСС от 10/II–55 г. не застревало в бесконечных фильтрах и не пересы-

лалось формально в Министерство геологии, где люди неспособны беспристрастно разобраться в позорном финале, каким венчается такое замечательное событие, как открытие коренных алмазных месторождений.

Прошу в случае надобности вызвать меня и непременно сообщить мне Ваше решение по изложенному в письме материалу.

Уважающая Вас, чл. КПСС, геолог.....Попугаева Л. А.

Мой адрес: г. Ленинград, Можайская ул., д. 39, кв. 15.
02 октября 1957 г.

Ответ она получила в феврале 1958 г. из Комитета по Ленинским премиям за подписью его председателя академика А. Н. Несмеянова: *«Ваше письмо, касающееся состава коллектива авторов и, в частности, Вашего участия в работе “Открытие промышленного месторождения алмазов в Якутской АССР”... рассматривалось... Заслушав и обсудив решение экспертной Президиум Комитета не нашёл основания для изменения своего постановления о присуждении Ленинской премии за это открытие».*

В 1959 г. скульптор В. В. Исаева решила изваять её фигуру, но Попугаева ответила ей горьким письмом, наотрез отказавшись позировать: *«Достаточно с меня бесчисленных, обычно перевернутых, часто приукрашенных, слащавых статуй, достаточно всяких упреков? ... Сегодня мне пришлось выслушать один из таких упреков, и больше я не хочу, да и не могу, ни морально, ни физически. Я смертельно от всего устала...».*

РАБОТА В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ КАМНЕЙ-САМОЦВЕТОВ (ЦНИЛКС)

В начале 1960 г. её аспирантура официально закончилась. Она устроилась на работу в Центральную научно-исследовательскую лабораторию камней-самоцветов (ЦНИЛКС) Ленсовнархоза, существовавшей с довоенных времен и ютившейся в бывшей жилой квартире в доме на Лахтинской улице

Петроградской стороны. Попугаеву Л. А. назначили руководителем геолого-минералогической группы из двух человек, включая её саму. Назначили зарплату – 980 рублей. «Что вы хотите? Вы получили высшую награду Родины – орден Ленина!». Современный читатель может уже не знать, что представляли собой подобные деньги. В среднем на одного человека в семье у них приходилось тогда 350 рублей (меньше, чем студенческая стипендия в Горном институте на I курсе). Юлия Александровна Кривулина, работавшая в 1950–1951 гг. вместе с Ларисой в Центральной экспедиции, встретила её на Театральной площади. Они зашли в кофейню, но угощала Юлия Александровна: *«За-мет но было, чт о Ларисе ж ивёт ся неваж но, одет а была бедно»*.

К моменту её прихода в ЦНИЛКС людей, имевших представление об отечественных месторождениях ювелирных и поделочных камней, практически не осталось. Их знаток А. Е. Ферсман умер в 1945 г. От знаменитой Петергофской гранильной фабрики, оказавшейся во время войны на передней линии фронта, не осталось даже стен, только кучи цветных камней на месте бывших цехов и складов. Там после войны ещё десятилетиями рылись любители минералов, взрослые и школьники. Ювелирное дело оказалось в загоне, отчасти – из-за общей тогда бедности населения, не имевшей возможности покупать ювелирные украшения. ЦНИЛКС находилась на грани закрытия. Между тем из-за рубежа начали приходить заказы. Так, финны хотели купить топазовые бусы. Невозможность выполнить этот заказ Попугаева переживала как своё личное дело.

Ей поручили составление кадастра месторождений камне-самоцветного сырья в Советском Союзе. Вместе со своей молодой помощницей Лидией Александровной Соловьевой она обследовала свыше 100 из них. Для того чтобы больше успеть сделать, они ездили в командировки порознь. Это были невероятные энтузиастки. Тиман, Украина, Закавказье, Урал, Казахстан, Средняя Азия, Забайкалье – места их странствий.

Л. А. Попугаева (как всегда с геологическим молотком и полевой сумкой) при изучении месторождений Северного Тимана, 1960 г.

Бывший заместитель директора ВНИИЮвелирпрома Ю. А. Зиновьев говорил позднее о Попугаевой: *«Она всю душу вкладывала в работу»*. Её убеждали: *«Лариса Анатольевна, у вас в отчёте написано, что выход годной продукции 8 %. Постыть 2 %. В следующем году напишите 3, потом 4, и будет спокойно существовать»*. Ей это было непонятно.

Работа по составлению такого кадастра заняла несколько лет. В целом, картина по стране выглядела удручающей: бирюза валялась под ногами, аметист шел в отходы. Лариса сокрушалась по поводу того, что прекрасная яшма используется в качестве дорожной щебенки, малахит после перетирания – на краску. Писала и говорила о заманчивых возможностях нашей страны в отношении развития ювелирной промышленности на собственном сырье.

Уже в 1960 г. вышел её обзор по отечественному ювелирно-поделочному камню и была опубликована статья об агате, в 1962 г. – об окаменелом дереве как поделочном камне, в 1963 г. – о лазурите. Представила рекомендации по добыче и использо-

ванию свыше 30 разновидностей цветного камня, настаивала на том, чтобы при разработке разнообразных месторождений попутно добывали и ювелирно-поделочное сырье, т. е. выбирали месторождения комплексно. В связи с этим в 1963 г. выступила на совещании в Министерстве геологии РСФСР, а в 1964 г. – в Госгеолкоме СССР.

Елагина Е.Н. вспоминала о том периоде: *«В начале 1960-х годов Л. А. Попугаеву часто вызывали в Москву для переговоров с министром геологии об образовании института полудрагоценных камней. К одному из таких приездов министр созвал специальное заседание коллегии для обсуждения с ней ряда актуальных вопросов. Во время оживленных переговоров внезапно случился приступ головной боли. Она вдруг страшно побледнела, и министр со всеми своими замами и членами коллегии, испуганные внезапной резкой переменой во внешности, беспомощно толпились вокруг, не зная, что предпринять.*

Появился врач и уложил Ларису на диван в громадном министерском кабинете с грелкой на лбу, прикрыв ее же шубейкой. Размазывая по лицу черные от краски для ресниц слезы, она ослабевшим голосом умудрялась давать какие-то дельные советы, которым внимали важные члены коллегии вместе с министром. Многие годы потом сохранялась в министерских стенах память об этом необычном заседании коллегии, обрстая новыми передававшимися из уст в уста красочными подробностями, создававшими Л. А. Попугаевой такую популярность, что при всей строгости пропускной системы даже вооруженные вахтеры не решались ее задерживать при входе».

СОВЕЩАНИЕ У ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР А. Н. КОСЫГИНА

Проанализировав отечественные перспективы в области ювелирных и поделочных камней, Л. А. Попугаева сумела обратить внимание на эту проблему председателя Совета Министров СССР Алесея Николаевича Косыгина. Ей удалось встретиться с ним, по уверению бывшего заместителя директора ВНИИЮвелирпрома Ю. А. Зиновьева, следующим образом. В Ленинградском военном округе служил сын маршала Р. Я. Малиновского –

капитан Герман Малиновский. Зиновьев был знаком с ним, свёл его с Попугаевой. Малиновский-сын поговорил с отцом, а тот – с Косыгиным.

Косыгин Алексей Николаевич

Москва встретила Попугаеву холодным дождем. До встречи с Косыгиным оставалось несколько часов. Лариса успела забежать в парикмахерскую, сделать прическу. На ней купленный на последние деньги костюм, в руках туфли-шпильки, которые дала на прокат подруга. Ну, в самом деле, не идти же на прием к высокому начальству в старых изношенных сапогах...

Совещание у А. Н. Косыгина состоялось 14 декабря 1964 г. по вопросу ювелирного производства в нашей стране, на котором присутствовали министры геологии СССР, финансов СССР и внешней торговли СССР. Косыгин как государственный деятель не мог ограничиться разговором с заинтересовавшим его человеком, а действовал масштабно. Перед ними выступила Л. А. Попугаева, продемонстрировала коллекцию ювелирных камней, огранённых в ЦНИЛКС. Обсуждалось, что продавать за рубеж: сырьё или готовые изделия. Естественно, вопрос решился в пользу второго.

Об Алексее Николаевиче Косыгине она отзывалась с восхищением. Вспоминала такой случай. Ларису так трясло от волнения, что она забыла в гардеробе сменить обувь. Так и пошла к Косыгину в стоптанных сапогах. В одной руке папка с документами, в другой – сверток с туфлями. Они разговаривали полтора часа. Косыгин внимательно слушал, проявлял изумление и сочувствие, но обещал помочь. Когда Лариса уже вышла из кабинета, то вдруг услышала, что кто-то ее зовет. Оглянувшись, а это ее спрашивает А. Н. Косыгин. «Вы что-то у меня забыли», – ска-

зал он, смущаясь. В руках у Алексея Николаевича был сверток с ее туфлями, который он вежливо ей подал.

В поезде из Москвы в Ленинград она разболелась и свыше двух месяцев провела в больнице. Из Ленинградского совнархоза её одолевали записками, так как не знали, чем кончилось заседание у А. Н. Косыгина. Когда уже выздоравливала, то помогала устраивать в больнице стенды. Забавляясь, написала оттуда подруге: *«Хочу домой, в шум улиц и дел, хочу всех видеть и гореть дотла у горячих печей»*. Ближе к выписке из больницы ее пришли навестить двое её друзей с бутылкой водки и банкой сельди. Водку предоставила выпить им самим (она не пила спиртное даже в полевых условиях), а сельдь, как она сказала: *«Была великолепна»*.

В феврале 1965 г. вышло постановление Совета Министров СССР «О расширении производства ювелирных изделий и улучшении торговли ими». В 1966 г. в осуществление этого решения при Министерстве приборостроения, средств автоматизации и систем управления был создан Главювелирпром, объединивший все ювелирные и камнерезные предприятия страны. ЦНИЛКС была преобразована во ВНИИЮвелирпром. Попугаева Л. А. участвовала в разработке проекта его структуры и штатного расписания. В системе Министерства геологии и охраны недр был тогда же организован Всесоюзный трест «Цветные камни», которому вменялись поиски, разведка и добыча ограночных минералов. Таким образом, благодаря Ларисе Попугаевой, во второй половине 1960-х годов начались серьезные геологоразведочные работы в нашей стране, касающиеся ювелирных и поделочных камней.

Елагина Е. Н. о том заседании вспоминала: *«Зимой 1963–1964 года министр геологии должен был представить Л. А. Попугаеву Председателю Совета министров СССР А. Н. Косыгину для окончательного решения вопроса о создании института. Обычно Лариса останавливалась у Н. В. Кинд. К назначенному часу к дому подкатил черный лакированный лимузин с помощником министра, порученец был уверен, что с первым же нажатием кнопки звонка она, как пружинка, выскочит из дверей, готовая к поездке. Но не тут-то было! Лариса стояла перед зер-*

калом и обстоятельно красила себе ресницы, а ошарашенный чиновник вынужден был, переминаясь с ноги на ногу, лихорадочно поглядывать на стрелки часов. Такое поведение имело в основе своей вовсе не кокетство, так проявлялся ее твердый, настойчивый и целеустремленный характер. Благодаря такому характеру именно Лариса Анатольевна Попугаева своими руками подняла первый обломок кимберлита не только на территории нашей страны, но и за пределами Южной Африки!

После удачно завершившейся встречи с А. Н. Косыгиным появился повод порадоваться, но и тут жестоко обошлась с ней судьба. В тот же вечер уезжала она в Ленинград с высокой температурой, из-за которой по дороге собирались высаживать ее из поезда. На вокзале встречал муж и, не заезжая домой, прямоком доставил в больницу, где у нее был обнаружен сыпной тиф...».

НАЧАЛЬНИК ЛАБОРАТОРИИ ВНИИЮВЕЛИРПРОМА

Л. А. Попугаева

Урал) для ювелирных целей и это месторождение стали разрабатывать.

После реорганизации ЦНИЛКС Лариса Анатольевна работала во ВНИИЮвелирпроме, став с февраля 1966 г. начальником лаборатории камнесамоцветного сырья, организованной на базе её группы, занимаясь тем же самым: продвижением отечественного камня в ювелирную промышленность. Узнав, что в Ленинграде есть человек, который посвятил себя такому делу, к ней начали приезжать люди из разных мест со своими находками. Так, она указала на пригодность рубина с реки Макар-Рузь (Полярный

В других случаях она возвращалась к забытым или заброшенным месторождениям, расспросив местных жителей или отыскав о них сведения в литературе. Во второй половине 1960-х годов она исследовала месторождения ляпис-лазури Памира и агатов Тимана, обосновала возможность их промышленного использования. Разыскала старинные утерянные месторождения, а именно: великолепной сетчатой бирюзы в Узбекистане в пустыне Кызыл-Кум, голубой и зеленой бирюзы в Северном Таджикистане на Кураминском хребте. Этот минерал пошёл в ювелирные изделия.

Специалист по бирюзовым месторождениям Т. И. Менчинская в своей книге «Бирюза» (1981 г.) написала: *«Буквально до 1960-х годов бирюза не значилась в числе полезных ископаемых на территории СССР»*. Среди первых, кто обратил внимание на бирюзу, она назвала Л. А. Попугаеву. В Казахстане (в Западном Прибалхашье) Лариса Анатольевна обследовала выходы натёчного кроваво-красного гематита («кроволика»), необходимого в качестве полировальника для серебряных изделий и интересного как поделочный камень. Доказала промышленное значение этого месторождения. Опубликовала материалы о бирюзе и гематите, а также о зелёном камне – амазоните. Продолжала печатать обзоры по цветному камню (1966, 1968, 1969 гг.).

Во ВНИИЮвелирпром присылали образцы из разных геологических учреждений и она давала официальные заключения. Это была хлопотная и повседневная работа в течение многих лет по оценке пригодности присланных образцов для ювелирных и облицовочных целей, приёмах их обработки (резки, шлифовки). Указывала на то, для каких именно ювелирных украшений или изделий эти каменные материалы подходят. Это были, например, амазонит Кольского полуострова, алмаздин Южной Карелии, розовый кварц, кремнь и беломорит Северной Карелии, циркон Среднего Урала, азурит Казахстана, а также красивые облицовочные горные породы: тингуаит, хибинит с Кольского полуострова, кварцит Северной Карелии, лабрадорит Украины, мраморизованный известняк, яшма, роговики и пегматит Казахстана. В её домашнем архиве сохранилось около 80 копий этих заключений.

Л. А. Попугаева заинтересовалась *речным жемчугом*. Делала выписки из старинных книг. В начале 1970-х годов её молодые сотрудники затратили большой труд по оценке ресурсов жемчуга в реках северо-запада России, обосновали условия возобновления его промысла, заброшенного к тому времени в течение многих десятилетий, без ущерба для популяции раковин-жемчужниц. В то, как развивался этот промысел дальше, автор не вникал. Сейчас жемчужницы принадлежат к исчезающему виду, внесены в «Красную книгу животного мира России» по той же категории опасности его существованию, что и, например, для уссурийского тигра. Организованного промысла жемчуга сейчас нет, иногда браконьеры привозят с севера страны его партии в 1–2 кг для продажи.

Кроме алмаза, в *кимберлитах* имеются иные ювелирные минералы: тот самый пироп с широкой гаммой оттенков (красный, фиолетовый, лиловый, вишнёвый, оранжевый, светло-розовый), нежно-зелёный хризолит, коричневый и красновато-бурый гиацинт. Красивые разнообразные тона «горячего» или «тёплого» красного цвета придаёт пиropу большее или меньшее количество хрома. Встречается пироп, который способен менять свою окраску в зависимости от освещения: при электрическом свете он обладает зеленым, голубым или сиреневым цветом, при дневном – фиолетовым, малиновым или красным.

Для пиропа из западной Якутии характерен сине-пурпурный эффект. Такие особенности связаны с примесями в нём тех или иных химических элементов. Пироп хорошо обрабатывается, после огранки приобретает отличный блеск и игру, хотя, к сожалению, в значительной степени пригодный лишь для мелких ювелирных камней. Гиацинт также обладает алмазным блеском и яркой игрой. Хризолит из кимберлитовых трубок Якутии не отличается наивысшим возможным для него качеством, однако тоже вполне подходит для ювелирных изделий. Эти минералы шли в отвал. Дело с ними, считавшееся экономически невыгодным, ей долго не удавалось продвинуть вперёд.

Якутский геофизик, директор Музея кимберлитов (г. Мирный) *Саврасов Дж эмс Ильич* вспоминал: «Мне с Л. А. Попугаевой довелось общаться в середине 1970-х годов. Она два-

жды прилетала в г. Мирный по своим делам и навещала меня в геофизической камералке. Я тогда уже слыл коллекционером, рабочая комната моя была завалена камнями, в том числе аметистами из кимберлитов, исландским шпатом, гроссулярами и ахтарандитами. Камнецветы и редкие минералы ее интересовали, это было уже в профиле ее работы, поэтому она детально знакомилась с моей коллекцией.

Целью приезда ее было уговорить руководство «Якуталмаза» извлекать из кимберлитов, попутно с алмазами, полудрагоценные минералы-спутники: гранаты-пиропы, хризолиты (оливины), цирконы. Сами по себе эти минералы тоже имеют большую ценность, поскольку из них можно делать великолепные ювелирные украшения. В качестве образцов таких украшений она привозила изделия из чешских гранатов: браслеты, подвески, кольца с крупными обработанными кристаллами и еще какие-то сувенирные поделки. Кстати, об известном «гранатовом браслете», описанном в повести Куприна, она говорила, что этот браслет был изготовлен из чешских гранатов. Привозила она и ограненные кристаллы пиропов и цирконов из кимберлитовых трубок Якутии. И демонстрировала всем, что по качеству они не хуже чешских, а по крупности даже превосходят их.

Показываемые Попугаевой изделия вызывали живейший интерес у сотрудниц Ботуобинской экспедиции. Как помнится, два дня в первый ее приезд комната моя была переполнена любопытными женщинами. Все стремились посмотреть привезённые ею украшения. Пытались их и купить, но она ничего не продавала, коммерция в те годы была ещё не в моде.

Лариса Анатольевна привозила с собой в Мирный и образцы камнецветов, которые сама находила на месторождениях: лазуриты и бирюзу с Памира, уваровиты и амазониты с Урала, аметисты с Кольского полуострова, еще какие-то редкие камни. Она с увлечением рассказывала о своих поездках по Уралу, в Среднюю Азию в поисках забытых месторождений камнецветов. Возмущалась равнодушием местных властей к проблемам возобновления их эксплуатации.

Трубка «Удачная» и г. Удачный

Но идея не находила отклика у обогатителей алмазного сырья. Чтобы попутно извлекать цельные кристаллы гранатов и оливинов, надо было менять всю технологическую цепочку обработки алмазной руды, усложнять принятую технологию обогащения. На это никто из непосредственных руководителей производства не шёл, а вышестоящее начальство «Якуталмаза» обязать их не могло. В принципе идею поддерживали все. Соглашались, что было бы очень хорошо извлекать из кимберлита другие компоненты и получать прибыль. Но дальше одобрительных слов дело не шло.

Однако не все руководители производств ей отказывали. Некоторые в силу своих возможностей пытались ей помочь. Интересна в связи с этим её встреча с начальником фабрики № 3 Анатолием Павловичем Верменичем. Я их познакомил в нерабочей обстановке на квартире одного нашего общего друга, тоже обогатителя. Они много говорили об её идее, спорили, как-то сошлись характерами и потом долго поддерживали дружеские отношения. Анатолий Павлович заходил к Л. А. По-

пугаевой домой, когда бывал в Ленинграде, познакомился с её мужем, с детьми и очень хорошо отзывался об их дружной семье. Именно на фабрике № 3 были предприняты первые попытки массового отбора минералов-спутников попутно с алмазами. Но после ухода Анатолия Павловича Верменича с фабрики и со смертью Попугаевой эти попытки были прекращены.

Между прочим, она многого добилась в своём деле. По её настоянию в Москве был организован «Салон цветного камня», торговавший поделочными камнями и коллекционными минералами. Руководитель салона, некто Куварзин, говорил мне, что они своим существованием обязаны именно Ларисе Попугаевой. Салон организовывал экспедиции в разные концы Союза, вывозил в Москву крупные коллекции камнецветного сырья и устраивал аукционы по его продаже. Правда, хорошая идея иногда обращается в свою противоположность. Через этот салон продали иностранцам десятки тонн уникального камня — чароита — в глыбах до нескольких сот килограммов. Но это уже издержки неумелой торговли, продавать его надо было не тоннами, а наперстками. В этом Лариса Попугаева, конечно, не виновата».

ВСТРЕЧИ С ИЗВЕСТНЫМИ ЛЮДЬМИ И СОТРУДНИКОМ КГБ

Приезжая в командировку в Москву, Л. А. Попугаева обычно останавливалась у **Натальи Владимировны Кинд** (1917–1992), доктора геолого-минералогических наук, первооткрывателя кимберлитовой трубки «Мир». Она родилась в Петрограде, в 1939 г. с отличием окончила геолого-почвенный факультет Ленинградского государственного университета. После учебы поступила на работу в Центральный научно-исследовательский геологический институт (ЦНИГРИ, ныне ВСЕГЕИ) старшим коллектором Средне-Тиманской четвертичной партии. В 1940 г. перешла на работу в Уральскую алмазную экспедицию. В 1945 г. вернулась в Ленинград в качестве геолога Ленинградской камеральной партии 3-го Геологического управления. После реорганизации в конце 1949 г. управления в 3-й Главк, Н. В. Кинд возглавила методический кабинет Центральной экспедиции. В эти годы Наталья Владимировна в основном

занималась изучением условий формирования мезокайнозойских алмазоносных отложений Среднего Урала, что позволило выяснить закономерность размещения алмазных россыпей в этом районе. Результаты этих исследований легли в основу ее кандидатской диссертации, которую успешно защитила в мае 1950 г. в Геологическом институте АН СССР.

Н. В. Кинд, в честь ее назван алмаз «Наталья Кинд» весом 58,55 карат

Весной 1955 г. геолог Н. В. Кинд, будучи начальником тематической партии № 132, составила прогнозную карту, где были обозначены два предполагаемых ею места нахождения коренных алмазов в бассейне р. Малой Ботуобии. Копии она отдала сотрудникам – выехавшим первыми к месту полевых работ. Уже через три дня после высадки в тайге, 13 июня 1955 г., прорабы Е. Н. Елагина и Ю. Хабардин нашли кимберлиты в трубке «Мир». Но, к сожалению, первооткрыватели месторождения не только не получили наград, но и были уволены из экспедиции. Имена Натальи Владимировны Кинд и Екатерины Николаевны Елагиной

многие десятилетия не упоминались. Поскольку алмазная тема оставалась сверхсекретной, истину знали только их близкие.

Сама Н. В. Кинд написала о своем открытии только 30 лет спустя: *«Находка алмазов на р. Ирелях, а также прослеживающаяся связь между тектоническим строением района и местами находок пиропов во время обработки полевых материалов позволили мне составить первую «карту прогноза» и выделить на ней два участка предполагаемых местонахождений кимберлитов. На одном из них летом 1955 г. была открыта знаменитая кимберлитовая трубка «Мир», на другом, спустя годы, геофизики открыли кимберлитовую трубку «Интернациональ»*

ная». Была замужем за советским историком И. Д. Рожанским, у них была дочь Надежда.

И. Д. Рожанский, Н. В. Кинд, М. А. Гневушев

Вместе с мужем постоянно принимала у себя дома представителей интеллектуальной элиты страны того времени, дружила со многими участниками диссидентского движения, поддерживала их. Известно, что Кинд в числе прочих подписала телеграмму протеста против осуждения «тунеядца» *И. А. Бродского*. Кинд была в числе первых читателей «Архирелага ГУЛАГ», помогала переправить рукописи *А. И. Солженицына* за границу. Солженицын писал о ней: *«Для нас важно было — тверда, верна и квартира её чистая. А значит, можно встречи устраивать у неё с иностранцами. Последние, темно-грозные месяцы на родине она нередко бывала у нас, всё более становясь родной, много раз бывала у Али после моей высылки. Когда я уже был на Западе — обменивался рукописями с Шафаревичем через неё. Не все соотечественники наши будут понимать, какая решимость требовалась тогда, чтобы включиться в канал»*. Связывала ее дружба и с *А. А. Ахматовой* — именно в до-

ме Кинд и Рожанского был впервые записан на пленку голос Ахматовой, читающей новые стихи, поэму «Реквием», главы из «Поэмы без героя». Именно благодаря Кинд на Запад были переданы и там изданы «Колымские рассказы» *В. Т. Шаламова*.

Именно, у них в Москве Л. Попугаева любила останавливаться и сидеть на кухне. Забиралась с ногами на стул, поджав ноги, и рассказывала обо всём, что волновало. Как было отмечено, у Натальи Кинд, кроме *А. И. Солженицына* и *А. А. Ахматовой*, бывали *Лидия Чуковская*, *В. Т. Шаламов*, дочь маршала *Г. К. Жукова*. Познакомилась с ними и Попугаева, отчасти прониклась их духом. По понятной причине она болезненно воспринимала всё, что касалось сталинских репрессий. Привозила в Ленинград «самиздатовские» произведения (книгу *А. И. Солженицына* «Архипелаг Гулаг», журнал «Континент»).

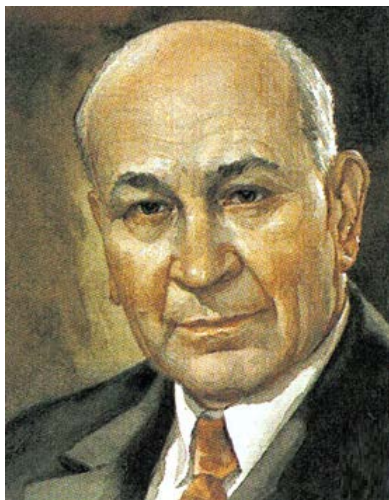
Московские знакомства Попугаевой привлекли внимание КГБ. В 1970-х годах ей позвонили и очень вежливо пригласили для беседы, которая проходила в районном отделении милиции. Следователь продержал её около трёх часов. Перед ним лежал лист бумаги, однако он ничего не записывал. Надо думать, у него в столе находился магнитофон. Был обаятельно ласков. Расхваливал. Предлагал почитать Солженицына. Это – приём, чтобы узнать, что читает человек, интересуется такой литературой или нет. То есть тем самым понять, насколько глубоко собеседник критически настроен. Уходя, она сказала, что встреча с ним напоминает ей об отце, и попросила больше не беспокоить.

Она проницательно комментировала происходившие политические события, отнюдь не сообразуясь с официальной точкой зрения. Однако политической деятельностью никогда не проявляла желания заниматься. Смыслом её жизни оставалась минералогия.

Попугаева очень уважительно относилась к академику *А. Е. Ферсману*, любила читать его книги. Ей нравился рассказ про «лопарскую, саамскую кровь» в книге «Воспоминания о камне». *Лариса Анатольевна* несколько лет переписывалась с женой Ферсмана – *Екатериной Матвеевной Ферсман*. Дочь Наталья Попугаева передала через Владимира Евгеньевича Семенова переписку своей мамы Ларисы Анатольевны с *Е. М.*

Ферсман в архив Минералогического музея им. А. Е. Ферсмана во время научной конференции 8 ноября 2013 г., посвященной 130-летию академика.

С 1962 г. Попугаева находила поддержку у нового мини-

Академик А. В. Сидоренко
(1917–1982)

стра геологии **Александра Васильевича Сидоренко**, к которому была беспрепятственно вхожа. Это был крупный учёный, имевший собственные фундаментальные геологические идеи. Он привлекал её к обсуждению вопросов, связанных с ювелирным и поделочным сырьём. Однажды ей стало плохо во время заседания у него в кабинете. В Министерство пришлось приехать Е. Н. Елагиной, чтобы забрать её и отвезти к Наталье Кинд. Там Лариса отлежалась в отдельной комнате, но вышла оттуда бледной и

слабой, с кругами под глазами.

Лариса Попугаева была хорошо знакома с известным писателем-фантастом, доктором наук, геологом **Иваном Ант оновичем (Ант иповичем) Ефремовым**, опубликовавшим в 1945 г. (написан в 1944 г.) фантастический рассказ «Алмазная труба». Он был руководителем и участником многих экспедиций Академии наук на Севере, Закавказье, на Урале и Восточной Сибири. В этом рассказе он за 10 лет до открытия Л. А. Попугаевой давал прогноз открытия коренных месторождений алмазов в Якутии.

И. А. Ефремов (1908–1972),
писатель-фантаст, учёный-
палеонтолог, создатель
тафономии, философ-космист и
социальный мыслитель, лауреат
Сталинской премии второй
степени

Незадолго до своего ухода из жизни он подарил Попугаевой научно-фантастический роман «Час Быка» с дарственной надписью: *«Ларисе Анатольевне Попугаевой – истинному первопроходцу и первооткрывателю с глубоким и искренним уважением от автора. Москва, 7 января 1971 г. Подпись»*. Немного ниже стихи:

«Летели, клубясь, водопады

На скользкий тьяншанский гранит,

Где пуля из тайной засады
Нежданною смертью грозит».

(С. Марков. Рубеж, 1931).

Эта книга была очень дорога для Ларисы Анатольевны и стояла на самом видном

месте в ее большой домашней библиотеке, рядом с полным собранием сочинений И. А. Ефремова.

ДРУЗЬЯ, РАЗОЧАРОВАНИЯ И КОНФЛИКТЫ

Попугаева Л. А. ни перед кем не стеснялась прямолинейно высказывать своё мнение, что можно рассматривать как обострение черт её характера и сознание права на это вследствие её заслуг. Естественно, наживала врагов. Начались неприятности. Был донос, что она крадёт бирюзу на продажу. Хотя эту бирюзу она собирала сама по каменным развалам и привозила из Средней Азии в рюкзаках на своей спине. К ней в институт пришли следователи из ОБХСС (Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности), проверили и извинились.

К одному из директоров своего института Лариса Анатольевна относилась отрицательно, ничуть не скрывая этого. Тот при одном её виде менялся в лице. Он, бывший райкомовский функционер, хотел, в свою очередь, ввести в рамки трудовой дисциплины неорганизованного, по его суждению, работника. Действительно, засидевшись за микроскопом, она могла опоздать на заседание Научно-технического совета института. Ей всегда не хватало то пяти минут, то часа. Забывала расписаться в журнале местных командировок. Директор считал, что она разбрасывается, «развалила лабораторию».

Их конфликт имел и принципиальную сторону. Инженер по образованию, он видел свою задачу в комплексной механизации ювелирного производства, камень он не знал и был к нему равнодушен. Его интересовало копирование западноевропейских ювелирных изделий. Работа лаборатории Попугаевой не вписывалась, по его понятиям, в тематику института.

Даже от директора пытались скрыть факт предстоявшей защиты кандидатской диссертации Л. А. Попугаевой. На Учёном совете в Горном институте он заявил, что она недисциплинирована. Тогда она парировала: *«Молодой человек, здесь не партийное собрание!»*. Он демонстративно удалился. Писал в Москву, требуя, чтобы ей не присуждали ученую степень. Требовал у неё драгоценные камни для ювелирных изделий в подарок высокопоставленным лицам. Она отвечала: *«Уборщице – дам! А они могут сами себе купить!»*. Ей, уникальному специалисту, «навешивали» темы для работы, далёкие от её профиля, например, «Исследование отечественных песчаников при производстве шлифовальных кругов» (круги предназначались для шлифовки стекла).

В ноябре 1970 г., накануне кандидатской защиты, Лариса Попугаева приказом этого директора была снята с должности, а её лаборатория вновь преобразована в группу, руководителем которой назначили геолога, откровенно заявлявшего, что в драгоценных минералах он «профан». Её понизили до исполняющей обязанности младшего научного сотрудника (впредь до выборов в должности). Возникла угроза увольнения. Директор ссылался на то, что она много болеет. Вообще вёл себя довольно

мелочно. Отказывался оплачивать ей больничный лист, лишил премии. Не дал вывесить в институте молнию-поздравление по случаю защиты ею кандидатской диссертации. Сотрудники института здоровались с ней укладкой, боясь вызвать его неудовольствие.

«Ленинградская правда» выступила с большой статьей в её защиту. В начале января 1971 г. были восстановлены и лаборатория камнесамоцветного сырья, и Попугаева на своём посту. Несомненно, вмешалось партийное руководство г. Ленинграда, без него такие вещи не делались.

Московская журналистка К. Кожевникова, приезжавшая отнюдь не по письму-жалобе Попугаевой, а заинтересованная её личностью, опубликовала в «Комсомольской правде» обширную статью, в которой рассказала об увлечённой работе Ларисы Попугаевой по изучению отечественных месторождений цветного камня. Москвичку, судя по её публикации, поразил болезненный и исхудавший вид Попугаевой, одетой «во что-то старенькое, невыразительное» и «без всякого намёка на косметику лицом».

Вообще говоря, Лариса была равнодушна к красивым вещам. Только не скоро получила возможность их покупать. Любила нарядные свитера и ювелирные украшения. Носила бусы и два изящных, сделанных с большим вкусом уникальных серебряных перстня. Один – с гиацинтом посередине и мелкими брильянтами вокруг него, другой – с набором из шести разных драгоценных минералов (бирюзы, пироба, жемчуга и др.). Этот перстень она называла «винегретом». Оба перстня сделали из серебряных монет её друзья-ювелиры.

Однажды она пришла в Горный институт к профессору И. И. Шафрановскому и мужчины сделали ей комплимент, заметив, что она элегантно одета. Она ответила, что её положение к этому обязывает. Разумеется, более скромно одевалась, когда шла на работу в свой институт.

Конфликт с директором института и нервное напряжение, связанное с кандидатской защитой, привели к тому, что она в 1971 г. на четыре месяца попала в больницу с гипертоническим кризом. Юрий Григорьевич Гершойг – её старший друг, знаме-

нитый исследователь железных руд Кривого Рога, написал с Украины: *«Мой дорогой азарт ный человек, т ак ж е невозмо ж но ж ит ь в вечном кипении и на нервах!»*. Теперь её трудоспособность резко снизилась.

Она от всех требовала работы. Когда считала нужным, выходила на любой уровень власти. По словам Н. В. Кинд: *«Если она решала вопросы дела, для неё не существовало никаких авторитетов и преград»*. Её талант состоял в увлечённости делом и безмерном трудолюбии. Это была благородная и светлая личность, не стремившаяся к какому-либо обогащению. Повторяла: *«Всё остаётся людям»*. Эти слова были тогда на слуху, поскольку так называлась популярная в то время пьеса С. А. Алёшина, главного героя которой – умиравшего академика – прекрасно играл знаменитый Н. К. Черкасов. Её излюбленным изречением являлся эпиграф к книге Бруно Ясенского *«Заговор равнодушных»*:

«Не бойся врагов – в худшем случае они могут тебя убить.
Не бойся друзей – в худшем случае они могут тебя предать.
Бойся равнодушных – они не убивают и не предадут,
но только с их молчаливого согласия существуют
на земле предательство и убийство».

В книге Бруно Ясенского, опубликованной через 20 лет после его гибели в период репрессий 1930-х годов, описано то, какой политической клеветой, ничтожной по сути и в то же время смертельной, перед лицом которой невозможно было оправдаться, опутывали людей в то время. За строками его повести для Ларисы, несомненно, вставал образ отца Анатолия Рафаиловича Гринцевича. С годами в ней нарастали боль и печаль по нему. Как, наверно, страдала её душа, когда она читала книгу *«Заговор равнодушных»*.

Лариса Попугаева была страстной во всём: в работе, в отношении к людям. С симпатичными ей людьми она была искренней и доверчивой, с другими – неудобной, неуживчивой и малопривлекательной, непредсказуемой, резкой. Те, кто не знали её близко, кому не приходило в голову задуматься над причинами такого её поведения, кто не имел представления о драматических сложностях её прошлого, считали просто вздорной и не-

сносной. Руководство института больше уже старалось с ней «не связываться». У неё было и много друзей, и много врагов.

Однако если с начальством она легко шла на противостояние, то с людьми ниже по должности была в самых добрых и доверительных отношениях. С мастерами в механической мастерской института она по-дружески покуривала. Там до сих пор висит её фотография. Отсутствие в ней тщеславия и зависти особо отмечали люди, знавшие её по работе. Она не стремилась подчеркнуть свою значительность, и окружающие обращались к ней запросто, без особого пиетета, как к любому другому человеку; более того, нередко просто по фамилии. Например: «*Попугаева, к т телефону!*».

Можно только строить предположения относительно того, что происходило в её душе все годы. Наверно, «грызли» воспоминания о пережитых унижениях. Думается, что для неё, чрезвычайно честной, совестливой, прекраснодушной, внутренне трудно было смириться с тем, что её сумели сломить. Кроме того, ей приходилось жить с сознанием того, что люди, которых она раньше глубоко уважала и почитала, отвернулись от неё и она выглядит скверно в их глазах. С геологом-алмазником М. А. Гневушевым у неё сохранялись тёплые отношения, так как он знал все тонкости открытия первого коренного месторождения алмазов «Зарница». Хорошие отношения продолжались у неё и с И. И. Красновым, поддерживающем ее с 1950 г.

Под гнѐтом молчаливого осуждения со стороны значительной части ленинградских геологов ей пришлось находиться во всё оставшееся её бытиѐ. Это – с одной стороны. С другой стороны, её поддерживало тёплое отношение людей со всей страны, свидетельством тому служат пачки сохранившихся писем к ней и списки тех, с кем она общалась.

Еѐ корреспондентов можно разделить на две категории. После разъездов по стране у неё всюду оставались друзья. Она переписывалась с ними, со старыми знакомыми по Одессе. Вторая категория – это люди, узнавшие о ней из газет и журналов: школьники с Северного Кавказа и Украины, преподаватель техникума из Харькова, геолог из Магадана, художник из Новокуз-

нецка. Сочувственные трогательные письма приходили к ней после статьи в «Комсомольской правде».

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ И УВЛЕЧЕНИЯ

Ради работы она, по ее словам: *«Забывала и мужа, и дочь»*. Но это не мешало быть любящей матерью. Познакомившись с Екатериной Елагиной в гостинице Иркутска в октябре 1953 г., показала фотографию маленькой дочери и заплакала. Позднее дочери Наташе она всегда привозила из командировок книги, много рассказывала, читала стихи. Однако запретила быть геологом и Наташа стала химиком. По мнению дочери: *«С мамой было наст олько инт ересно, чт о, пока т а была жива, муж чины меня не привлека- ли»*.

Л. А. Попугаева с дочерью
Наташей, 1957 г.

Из классиков Лариса предпочитала Лермонтова. Его стихотворение «И скучно, и грустно», переписанное в 1944 г. (при элегическом примечании: «в тон настроению»), есть в одной из её записных книжек. Из современных ей поэтов нравились Е. Евтушенко и А. Вознесенский. В экспедиции с И. И. Красновым возила с собой толстенный роман Ильи Эренбурга «Буря», очень популярный в то время. В уже цитировавшемся её письме к матери из Нюрбы от 23 сентября 1954 г. — казалось бы,

вся поглощённая тогда своим открытием, сообщила: *«Ст анюковича везу с собой, Тургенева переведу на Ленинград. Куплю, если вст речу, ещё хорошие книги»*. То есть оформляла подписку в Якутии на многотомные издания, где это было легче сделать, и переводила её в Ленинград. Тогда возник бум на подписные из-

дания, чтобы заполучить их, в Ленинграде в магазине на Литейном проспекте люди занимали очередь с вечера.

Мир минералов Лариса Попугаева любила бесконечно. Грустно сказала московской журналистке, что она – «очередная жертва» любви к камням-самоцветам. Её кабинет представлял собой музей из уникальных штуфов. Рассказывают также о таком эпизоде. Она пришла в 1970-х годах к М. А. Гневушеву во ВСЕГЕИ. Достала из своей чёрной торбочки крупный сверкающий кристалл горного хрусталя с находящимся в нём внутри золотистым кристаллом пирита – редкостный образец – и поцеловала его. Эту сумку, сохранившуюся, можно было бы назвать из-за её размера и формы ридикюлем. Однако при этом возникает впечатление о чём-то изящном, а она настолько потрёпанная и выцветшая, что трудно решиться на употребление такого слова.

М. А. Гневушев

Л. А. Попугаева проводила экскурсии по музею Горного института – разумеется, бесплатно и по собственной инициативе. Создавала в нём витрины с коллекциями из своих образцов. Намеревалась, выйдя на пенсию, пойти в этот музей работать.

Камни с примечанием на этикетках: «Из колл. Л. А. Попугаевой» – кимберлиты и минералы из трубок «Зарница» и «Удачная» – занимают также витрины в музее ВСЕГЕИ. Видно, что она понимала толк в хороших образцах. Впечатляет кусок кимберлита, в который вплавлен блок известняка, а в нём – древняя (ей около 500 млн. лет) желтоватая раковина размером около 2 см, в прекрасной сохранности. Это значит, что кимберлитовая магма, в которой оказались известняк и раковина, имела сравнительно невысокую температуру, а вре-

мя её воздействия на этот известняк – скоротечное. На стене над одной из витрин – фотография Ларисы Попугаевой.

Она оказала содействие в организации Института сверхтвёрдых материалов в Киеве в начале 1960-х годов. Его первый директор профессор В. Н. Бакуль, прославившийся получением искусственных алмазов, стал её добрым другом, встречал как почётного посетителя и в самых лестных словах рассказывал о ней своим сотрудникам. Он пригласил Ларису Анатольевну в Киев в сентябре 1971 г. на международную конференцию по синтетическим алмазам, где подвёл к ней англичанина, который поклонился и спросил: *«Мадам, эт о Вы т а ж енщина, кот орую следует осыпат ь брильянтами?»*. Она не нашлась, что ответить.

Л. А. Попугаева, 1964 г.

В качестве эксперта по ювелирному и поделочному камню Попугаеву приглашали в Эрмитаж и на таможенную. Поддержала врачей в их просьбе об изготовлении хирургического инструмента с алмазным напылением.

Она внесла живую струю в клуб ценителей минералов при Дворце культуры им. Ленсовета. Выступала в Клубе юных геологов во Дворце пионеров. Она считала своим долгом «передачу полученных знаний дру-

гим людям и прежде всего детям».

Лариса Анатольевна подготовила в 1974 г. атлас-справочник «Самоцветы СССР». Его создание являлось её задушевным делом и официальной темой её лаборатории. Он предназначался не только популяризация камня, но и должен был служить пособием для работников торговли ювелирными изделиями. В нём содержалось 400 цветных иллюстраций, сопро-

вождавшихся пояснительным текстом. Она успела атлас сдать в издательство «Недра», но он остался неопубликованным. Тем не менее эта идея «витала в воздухе» и в 1979–1981 гг. появились подобные книги других авторов.

Уже после смерти Ларисы было получено авторское свидетельство об изобретении ею витражей из цветного камня. Снаружи (без подсвечивания изнутри) они выглядят как мозаика. Художник-монументалист Валентина Акимовна Анопова, с которой Лариса очень хорошо подружилась, создала для Горного института витраж «Каменный цветок» площадью в 1 кв. м. Он находился в актовом зале института и, к сожалению, был украден, когда там проводился ремонт. Витраж площадью в 24 кв. м (!) под названием «Магма» был создан в 1975 г. тем же художником для вестибюля Горного института. Во время ремонта в 1990-е годы он был снят, что вызывало беспокойство за его судьбу. Но сейчас он возвращён на своё место, хотя замысел художника несколько нарушен (не вернули на место зеркало – антипод витражу, на противоположной стене). В этих витражах использованы альмандин, амазонит, горный хрусталь, нефрит, родонит (орлец), флюорит, халцедон, шайтанский переливт (редкостный уральский камень), янтарь. Лариса предоставила их из отходов ювелирного производства, а полировали их два мастера из её института.

Небольшой кабинет Ларисы Анатольевны находился на Лахтинской улице в доме № 25 а в двухэтажном неказистом здании бывшей батонной фабрики. К её кабинету вела на второй этаж грубо сбитая деревянная лестница. К дверям кабинета была прикреплена картинка – вырезка из какого-то журнала с изображением попугая. Лаборатория занимала две небольшие комнаты. Посетители невольно обращали внимание на контраст между полками из некрашенных деревянных досок и лежавшими на них разнообразными великолепными образцами.

Являясь энтузиасткой природного камня, трезво понимала, что запасы его не безграничны и будущее – за синтетическим ювелирным сырьём. Человек, услышавший об этом от неё, удивился: такая поклонница натуральных минералов и так рассуждает. Другие геологи упорно не воспринимали такую мысль.

Ей приходилось ездить в Медвежьегорск (Карелия), где было налажено производство ювелирных вставок из амазонита, лазурита, других минералов. При производстве спускали в Онежское озеро большое количество отходов цветного камня, на которых даже образовался причал. Ей даже приходилось ссориться из-за этого с руководством данного производства. В дальнейшем, когда источники поступления нового материала иссякли, начали обратно извлекать камень из озера.

В 1974 г., когда отмечалось 20-летие открытия «Зарницы», стала гостьей Якутии. Поначалу не решалась туда ехать, не зная, как к ней отнесутся. Её всюду встречали с почётом, как космонавта. Сводили на «Зарницу», находящуюся в 14 км от города Удачного. Уже тогда на «Зарнице» всё было перерыто, она не узнала те места. На митинге говорила о том, что постоянно волновало её: *«Бережит е недра и не т еряйт е ключи от природной шкат улки, где спрят аны удивит ельные клады, нуж ные людям. Будът е рачит ельными хозяевами благословенной якут ской земли. Низко кланяюсь вам»*.

Поездка в Якутию была и деловой. Ей удалось договориться об отправке в её институт партии якутских пиропов и хризолитов для выяснения их ювелирной ценности. Оказалось, что они могут успешно использоваться как ювелирные материалы, и вскоре изделия из них украсили прилавки магазинов.

На обогатительной фабрике сфотографировали руки Ларисы Попугаевой, пересыпающие алмазы. На снимке они узнаваемы по сломанному ногтю на большом пальце правой руки.

Весной 1975 г. к ней домой пришёл журналист из ГДР. Первый его вопрос был, имеет ли она бриллианты. Она весело рассмеялась. С улыбкой заметила, что зарубежные газеты называют её богатейшей женщиной в мире. Гость сумел её разговаривать. Много часов рассказывала о себе и обстоятельствах находки «Зарницы». Держалась безыскусственно, шутила. Сказала, что без пиропы, спутника алмазов, не было бы и нашего спутника в космосе. Вспоминала Федора Беликова. Шестопалова Михаила Федоровича назвала своим учителем. Описала ту знаменательную встречу с А. А. Кухаренко, хотя в изложении немецкого журналиста она представлена иначе, чем в действительности.

Будто бы Кухаренко сам зашёл в её служебную комнату и спросил, действительно ли она нашла пиропы. Этот очерк сопровождают факсимиле её записки, оставленной на «Зарнице», фотография с Беликовым на Далдыне, репродукция картины Корнеева и ещё один снимок: она стоит на набережной Невы в светлом плаще. По похудевшему лицу заметно, что предыдущие месяцы не прошли для неё бесследно.

Несколько раз в эти годы теряла сознание и падала. Поэтому носила специальный воротник из картона, обшитый материей, поддерживавший голову. Зиму 1974–1975 года три с половиной месяца вновь провела в больнице с гипертоническим кризом. Ей поставили грозный диагноз: «склероз устья аорты» и предупредили, что должна беречь себя «как хрустальную вазу». Она заметила: *«Эт о не для меня»*. Из-за нездоровья часто и подолгу её кабинет оказывался на замке. Один из энергичных молодых помощников начал её изводить: *«Лариса Анат ольевна, когда Вы освободит е мест о? Когда Вы сделает е меня начальником?»*.

Для геолога **Юрия Олеговича Липовского** она определила в 1970-е годы показатели преломления гранатов, присланные им из Монголии, – разумеется, бескорыстно, и нашла, что это пиропы. В письме к нему нарисовала речную сеть, области распространения рыхлых наносов вдоль главной реки и её притоков, указала точки, где следует брать шлиховые пробы. По «пироповой ниточке» он вышел в 1974 г. на богатое россыпное месторождение прекрасного пироба. Нашёл он и коренные породы с пиропом, хризолитом и ещё четырьмя ювелирными минералами: лунным камнем, эпидотом, пушкинитом и родонитом.

При известии о находке Лариса Попугаева отправила ему 24 июля 1975 г. восторженное послание: *«Юрий Олегович, ура, поздравляю, привет ст вую! Вчера т олько получила Ваше взволнованное письмо первоот крывают еля. Только не т оропит есь. Все проверьт е сначала геологически и в каменном мат ериале, т щат ельно все сопост авьт е... Главное – пироповый след, смот рит е морфологию зерен; ст ат ью пошлит е в редакцию и пуст ь ее сейчас ж е напечат ают ; они высылают справку, чт о она к ним пост упила. Обиднее всего, если все попадет в руки равнодушных*

дельцов; от чет пишит е т олько сами... Безмерно рада за вас и Монголию. Ура! Не могу без эмоций. Это так важно и интересно. Будьте бдительны, нельзя от давать материал чуждому дяде, как это было у меня...».

«Ура» было её любимым словом. Радовалась за него, за Монголию. Предупреждала, что следует заранее подумать о защите своего приоритета, и давала советы, как это лучше сделать. Вскользь упомянула о своём малоприятном опыте в этом отношении. Теперь это был уже не прежний наивный и доверчивый человек.

За открытие алмазов в Монголии в 1976 г. Ю. О. Липовский получил диплом первооткрывателя: *«Настоящее свидетельство выдано товарищу Липовскому Ю. О. в том, что он работал в составе группы советских геологов по линии технического содействия и, будучи техническим руководителем партии «Цветные камни» в МНР, участвовал совместно с монгольскими геологами в открытии и разведке ряда месторождений самоцветов. Товарищ Липовский Ю. О., наряду с монгольскими специалистами Мунхтогтох, Намсрай и З. Томурсух, является первооткрывателем алмазов и месторождений следующих самоцветов: пиропа, хризолита, лунного камня, эпидота, пушкинитов и родонитов. Открытие этих самоцветов позволяет значительно расширить камнерезное и ювелирное производство в МНР. Подпись – Зам. министра».*

Таким образом, Попугаева способствовала обнаружению драгоценных камней и в Монголии. Однако они были связаны не с кимберлитами из трубок взрыва, а с брекчиями иного характера, заполнившими жерла древних вулканов. Алмазы встречаются в них в редчайших зернах.

В начале 1970-х годов образовались энергичные группы, занявшиеся цветным камнем во Всесоюзном институте минерального сырья в Москве, тресте «Союзкварцсамоцветы» – приемнике треста «Цветные камни» в Ленинграде, других организациях. Судя по всему, в последние годы своей жизни Лариса Анатольевна оказалась отчасти в стороне от таких исследований в нашей стране. Причины этого – плохое здоровье, маломощность её лаборатории (3–4 человека и небольшой камнерезный

участок), недостаточная поддержка со стороны руководства ВНИИЮвелирпрома, отторжение ее от научной геологической среды из-за злосчастной нюрбинской истории. Так, в 1975 г. в Москве состоялся Всесоюзный семинар на тему «Геология, методы поисков, разведки и оценки месторождений ювелирных, поделочных и декоративно-облицовочных камней». На него было представлено около 40 самых разных докладов, но из-за болезни её собственный доклад отсутствовал.

Л. А. Попугаева, 1976 г. Одно из последних фото

Тем не менее, Попугаева Л. А. активно работала и подробно расписывала план работы на каждый год, не был исключением и текущий 1977 год.

«Дела лаборат орные в 1977 году»

1. Классификация самоцветов (природных самоцветов и синтетических). Утверждение в Главке.

2. Инструкция по работе с “жемчугом” культивированным. Утверждение в Главке и разослать предприятиям.

3. Заключение по специализации Якутского ювелирного завода.

4. Утверждение ТУ с ценами по пиропам Якутии. Цены за-

просить.

5. Атлас “Самоцветы СССР” подготовить к изданию.

6. Отчёт по окраске халцедона и агата в зелёный и оранжевый цвета.

7. ТУ (первая редакция) на хризолит и гиацинт Якутии.

8. Занятия в Объединении с огранщиками.

9. Организация музея в Объединении.

10. Подготовка в Доме природы выставки “Камень в архитектуре Ленинграда”.

11. Выставка камнерезных изделий в Москве (в магазине “Самоцветы”).

12. Пояснительная записка о геммологической лаборатории.

13. Материалы о приёмке карьера в Янтарном. Ответственная работа.

14. Текущая работа – отзывы на отчеты, ТУ и т. д.

15. Приобрести вышедшие книги о Свердловском заводе, о янтаре.

16. Дать прочесть главу отчета 1976 г. Гришину В. Т. и Коробейникову И. Н.

17. Передать гиацинт и хризолит огранщикам для создания ювелирных изделий.

18. Министру Рудневу предложение (войти в правительство) с подбором янтара для Янтарной комнаты Екатерининского дворца – жемчужины зодчества XVIII в. (авт. Ф. Растрелли). Пусть немцы будут покрыты позором за этот разгром, а мы из пепла возродим искусство!!! (орг. группу по регулярному подбору янтара, а в Ленинграде – реставраторам собирать материалы и мастеров для худож. отделки янтара)».

Примечание. Пояснения к плану Л. А. Попугаевой, сделанные Е. Б. Трейвусом.

1. П. 2 – *Культ ивирированный ж емчуг – искусс венно вы-
ращенный ж емчуг.*

2. П. 4, 7, 14 – *ТУ – т ехнические условия.*

3. П. 6 – *имеет ся ввиду «облагораж ивание» природного
камня. При нагреве и воздейст вии особых ж идкост ей некот о-
рые минералы меняют или усиливают свой ест ест венный цвет .
Соот вет ст вующие опыт ы с халцедоном и агат ом проводились
в её лаборат ории.*

4. П. 9 – *Музей Лариса Анатольевна намеревалась со-
здать на основе своей минеральной коллекции.*

5. П. 10 – *Инт ерес к природному камню в городской сре-
де привил Попугаевой, конечно, Д. П. Григорьев. Он любил при-*

влекать коллег из своего окружения и от правятся вместе с ними для рассмотрения того, чем украшены здания, что представляют собой, например, столешницы в Эрмитаже: диагностируют использованные для этих целей камни, вникают в детали их состава и строения, определяют месторождения, откуда они взяты. Экскурсии с ним были увлекательными. Согласно этому пункту она хотела сделать нечто практическое в этой области.

6. П. 12 – Геммология – наука о драгоценных камнях.

7. П. 13 – Янтарный – посёлок под Калининградом на берегу Балтийского моря. Ей приходилось неоднократно туда ездить. По рассказу бывшего директора ВНИИЮвелирпрома Ю. П. Комягина, в середине 1970-х годов начали добывать янтарь путём размыва песков с помощью мощной струи воды. Образовывалась пульпа, которую затем подавали на обогательную фабрику. До этого там работали экскаваторы, и на фабрику шла сухая масса по конвейеру. Лариса Анатольевна высказала предположение, что при движении по пульпопроводу янтарь раскалывается, вследствие чего выход крупной и наиболее ценной фракции уменьшается. Руководители комбината стали возражать, тогда Л. А. Попугаева попросила у рабочего брезентовую рукавицу, положила в неё несколько кусков янтаря, завязала и бросила в пульпу. Когда участники спора поднялись из карьера и на обогательную фабрику нашли рукавицу, то обнаружили, что крупные куски янтаря расколоты. О результатах эксперимента сообщили в Москву и Союзювелирпром запретили применять гидромонитор и пульпопровод для добычи и транспортировки янтаря. Юрию Петровичу Комягину работать с ней «было трудно, но интересно как с высококлассным специалистом», имевшим собственное мнение.

8. П. 18. – Об истории воссоздания Янтарной комнаты Е. Б. Трейвусу рассказал Виталий Петрович Ерцев. Труд камнереза во ВНИИЮвелирпроме его не удовлетворял. Ему хотелось создавать произведения искусства из камня, и в 1972 г. он ушёл в Художественный фонд. Лариса Анатольевна посоветовала ему заняться янтарём. Осенью того же года он поехал на Янтарный комбинат в Калининград, где Л. А. Попугаеву уже зна-

ли, с рекомендательным письмом от неё. С её «легкой руки» вокруг него стали собираться люди, образовалась творческая мастерская, сотрудники которой продемонстрировали умение создавать высокохудожественные изделия из янтаря. С этого фактически началось возрождение Янтарной комнаты. Постановление Совета Министров СССР было принято в 1979 г. В настоящее время в Янтарной комнате имеются четыре наборные панно флорентийской мозаики из разнообразного цветного камня, в поисках которого В. П. Ерцев ездил на Белое море, Урал, Памир, в Казахстан. Записки Попугаевой в местные геологические экспедиции открывали перед ним все двери. Она, по его словам, как бы «передала ему эстафету», явилась «крестной матерью» новой Янтарной комнаты. Сейчас эта комната – одно из «чудес света» с гордостью демонстрируется посетителям.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ Л. А. ПОПУГАЕВОЙ

В понедельник рано утром, 19 сентября 1977 г., она приехала из Москвы, где находилась в командировке с четверга предыдущей недели и жила, как всегда, у подруги Наталии Владимировны Кинд. В пятницу, 16 сентября, была в Союзювелирпроме по вопросам о камнях Якутии и жемчуге, потом в Министерстве геологии. Однако главная цель её поездки – уменьшение чрезмерного для ВНИИЮвелирпрома плана работ на следующий год, назначенного Москвой. Никто, кроме неё, не смог бы добиться его корректировки. Это задание дирекции института держало её в напряжении. Она поехала в столицу, находясь на больничном листе. В субботу, 17 сентября, присутствовала в Москве при установке памятника на могиле давней, с детства, подруги, умершей год назад, что, естественно, гнетущим образом действовало на неё.

По возвращении в Ленинград прямо с вокзала, у которого её встречали на машине муж Виктор и дочь Наташа, она отправилась в институт. Привезла дочери из Москвы в подарок к её 25-летию скромную золотую цепочку с кулоном (Наташа родилась 28 сентября). В конце рабочего дня пошла купить своим домашним «чего-нибудь вкусенького». Захватила бутылку для

покупки подсолнечного масла на соседнем рынке. Попросила Лидию Александровну Соловьёву ее подождать. Та её не дождалась, решила, что Попугаева где-то задержалась в очереди.

Лариса Анатольевна присела на мостовую на углу Лахтинской улицы и Большого проспекта Петроградской стороны. Два квартала многоэтажных домов, пять минут неспешной ходьбы от места работы. Даже сейчас эта улица остаётся относительно тихой, отчасти сохраняет своё старое петербургское очарование. Наверно, всё вокруг было для неё примелькавшимся, она шла и не обращала на всё это внимания, прислушиваясь к боли в груди.

Дома её ждали до 12 часов ночи. Потом поняли, что-то произошло. Официальный диагноз: аневризма (закупорка и разрыв аорты), это – мгновенная смерть. Её больничный лист остался незакрытым, ей было всего 54 года. Лариса Анатольевна покоится на Северном кладбище. Похороны собрали необычайно большое количество людей, приняло, по выражению участников панихиды, «пол-Ленинграда» жителей. Присутствовали даже те, кто никогда не видел её. Пришла Н. Н. Сарсадских. В гробу лежала совсем молодая женщина, а Виктор Степанович плакал и приговаривал: «Только что собирался купить Ларисе шубу».

На её могиле установлена плита из лабрадорита (она любила этот камень), в изголовье – плита из полированного серого гранита. На вертикальной плите бюст из серого неотполированного гранита, моделью которого послужила глиняная скульптура, изваянная Василием Гуциным, ниже надпись: «ПОПУГАЕВА ЛАРИСА АНАТОЛЬЕВНА (1923–1977) ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬНИЦА ЯКУТСКИХ АЛМАЗОВ». Памятник ей установил муж Виктор Степанович Попугаев.

Очевидно, что Лариса Анатольевна Попугаева – яркий представитель поколения 1920-х годов, которое дало молодогвардейцев, Александра Матросова и Зою Космодемьянскую. Только её жертвенность проявилась иначе и имела другой конец.

Памятник Л. А. Попугаевой в Санкт-Петербурге

ИНТЕРВЬЮ Н. Н. САРСАДСКИХ ОБ ОТКРЫТИИ ТРУБКИ «ЗАРНИЦА» И О ЛАРИСЕ ПОПУГАЕВОЙ

В конце зимы 2006 г. во ВСЕГЕИ чествовали Н. Н. Сарсадских в связи с 90-летием со дня ее рождения. Худошавая,

Сарсадских Наталия Николаевна – первооткрыватель трубок «Зарница» (1990) и «Удачная» (2013, посмертно). В честь ее назван алмаз весом 72,85 карат

подтянутая, она хорошо держалась. Заместитель директора института, приветствуя её, не преминул заметить, что она – *«женищина с перцем»*. Когда основная часть публики разошлась и остались всего несколько человек, она сказала, поднимая бокал с шампанским: *«Выпьем за Нелю Гринцевич. Нас развели злые*

люди». Одной досталась слава, другой – долгая жизнь.

Приведем три интервью с Н. Н. Сарсадских в последние годы ее жизни, опубликованные в 2008, 2009 и 2010 гг.

Первое интервью взял **Виктор Червинский** в 2008 г. (через 54 года после открытия кимберлитовой трубки «Зарница») у **Н. Н. Сарсадских** (тогда ей было 92 года). На его вопрос об открытии Л. А. Попугаевой: *«А как вы узнали, что ваша подопечная открыла трубку?»* Она ответила: *«...Много наших геологов из ВСЕГЕИ и из других организаций работали в Якутии. Возвращаясь оттуда, они рассказывали мне об этом открытии. А от Ларисы ни слуху ни духу, ей якобы не давали возможности сообщить нам об этом.*

Более того, геолог Дима Соколов из Института геологии Арктики встречался там с Ларисой, и она подарила ему кусочек

кимберлита. Понимаете, не мне послала, а Димке подарила. И он прибежал ко мне в лабораторию, показал образец. Я его спрашиваю: «Ты мне привез?». Он: «Нет, это она мне подарила». Вот так. Хоть бы мне записку отправила с геологами, приезжавшими оттуда: мол, Наташа, мы победили. Ведь мы с ней были подруги.

Потом, конечно, мы с ней общались, когда она привезла материал. Мне отчет надо было сдавать, как-никак три года работали над этой темой. Ведь именно я, убедившись, что методика, по которой вели поиски Амакинки, не работает, покумевав в кабинете тиши, поняла, что надо уйти от траппов, но при этом не потерять ниточку, ведущую к алмазам. В низовьях Мархи россыпные алмазы находили. Поэтому я выбрала приток Мархи Далдын, где не было траппов. И попала в точку. Шлиховым методом на траппах мы бы ничего не нашли, а там нашли».

Под предлогом того, что все материалы о поиске алмазов являются секретными, их у Ларисы отобрали, а когда в Ньюбру понаехали корреспонденты, им было заявлено, что первое коренное месторождение алмазов в стране открыла ленинградский геолог Лариса Попугаева из ...Амакинской экспедиции.

Вначале, правда, меня еще упоминали как ее руководительницу. Нас с Ларисой даже представили к Ленинской премии за 1957 год. Но потом наши фамилии из списка кандидатов были вычеркнуты. Взамен этого Ларису наградили орденом Ленина, а меня – орденом Трудового Красного Знамени. А потом Попугаевой дали звание «Первооткрыватель месторождения, а мне нет.

Только спустя 36 лет в День геолога, во ВСЕГЕИ, где я работала старшим научным сотрудником, я получила статус первооткрывателя. Во многом это произошло благодаря учительнице-краеведу из поселка Крестях на Виллое Марфе Конобуловой, режиссеру «Леннаучфильма» Валентину Венделовскому, заведующей историко-производственным музеем «Якуталмаза» в Мирном Таисии Вечериной.

Далее собственный корреспондент SakhaNews в Санкт-Петербурге **Виктор Червинский** продолжает: «О многом еще

говорили мы с Наталией Николаевной у нее дома – а она живет в районе Смольного. Хозяйка смущалась из-за того, что в квартире полным ходом шел ремонт. И она попросила: «Вы уж где-нибудь обязательно отметьте, что постпредство Якутии и постпредство «АЛРОСА» в Петербурге это все организовали. Спасибо им! Мы бы с дочкой такой ремонт не подняли».

Второе интервью с Н. Н. Сарсадских провела **Марина Алексеева** в 2009 г. События тех лет Наталия Николаевна так описывает: *«Весной 1953 года у меня появилась помощница – минералог Лариса Попугаева. На маршруте мы очень сдружились и понимали друг друга с полуслова. Именно в тот сезон были найдены крупные зерна темно-красного и черного минералов. А потом нашли и сам алмазик, хотя и маленький. Мы с Ларисой устроили дикую пляску в пустом бараке, где жили. А уже в Ленинграде наш научный руководитель Александр Кухаренко подтвердил, что найденные минералы – пироп и ильменит – надежные спутники алмазов. Это означало только одно: мы их нашли!*

Но до открытия месторождения было еще далеко. Я ухаживала в очередной, а потом в декретный отпуск. А Лариса Попугаева ехать одна отказывалась. Она боялась, что не справится. Ведь в том районе уже побывали геологи и ничего не нашли.

Наконец я уломала ее. Будешь, говорю, с самым опытным рабочим Федором Беликовым смотреть илихи прямо в поле, подсчитывать в пиробах количество зерен и искать алмазы в том направлении, где оно увеличивается. Так и возник метод пироповой съемки, который позже получил название «Метод Попугаевой».

Да, да, все эти годы метод, в основе которого дешевые илиховые исследования вместо миллионных затрат и тысяч кубометров вынутого грунта, назывался именно так. Хотя, по сути, Ларисе оставалось только сматывать красную пироповую ниточку, которая в конце концов, словно нить Ариадны, и привела ее к цели. 21 августа 1954 года Лариса и Федор открыли трубку «Зарница». Это было первое в СССР коренное месторождение алмазов. С него началась вся алмазодобывающая промышленность Якутии.

Под предлогом того, что данные о поиске алмазов являются секретными, у Попугаевой отобрали все материалы, опечатали образцы, а саму ее переманили из ленинградской партии № 26 в Амакинскую экспедицию. Когда в Нюрбу нахлынули корреспонденты, им было заявлено, что первое коренное месторождение алмазов открыла Лариса Попугаева из Амакинской экспедиции. То есть результаты работы ленинградских геологов были «забыты». Как сказал Федор Беликов, «у нашего коллектива просто украли итог многолетнего труда...». Но больше всего я была поражена тем, что ни одной весточки от Ларисы не было.

А сама Лариса только ревела и говорила, что ее заставили. Как ее могли запугать? Ведь не сталинское уже время было. Не знаю, не мне ее судить... (Но следует помнить, что съезд КПСС состоялся только через 2 года, в 1956 г. – автор В.К.)

Когда прошла первая волна славы, в экспедиции Ларису приняли прохладно. Там работают опытные практики, а она даже по компасу ходить не умела. Лариса вернулась в Ленинград и попыталась устроиться в Центральную экспедицию, но и там ее не взяли. Она стала работать на «Русских самоцветах», получила квартиру, другие блага. А когда в семидесятых появился знак «Первооткрыватель месторождения» (для геолога это высшая награда), Попугаевой его дали сразу, а мне нет.

Об «открытии Попугаевой» шумели везде – по радио, в газетах, книгах. Даже мой сын однажды упрекнул меня: «Вот слышишь, мама, а ты говорила, что это ты алмазы открыла...». Как мне было объяснить ему и всем остальным? Что я должна была делать?

Якутские краеведы, раскрыв эту историю, возмутились и написали в Министерство геологии ходатайство о выдаче мне диплома первооткрывателя. Вскоре я получила ответ со словами «историю нужно исправлять...». И в День геолога в 1990 году во ВСЕГЕИ получила этот диплом – через 36 лет после открытия. А в 1994 году крупному алмазу (около 73 каратов) было присвоено мое имя, правда, его я никогда не видела».

Третье интервью с Н. Н. Сарсадских (тогда ей было 94 года) провел обозреватель «Новой газеты» **Борис Вишневский** в 2010 г.

– *Наталья Николаевна, когда появилось предположение о том, что в Якутии могут быть алмазы?*

– После войны правительство решило развернуть масштабные поиски алмазов, которые мы до этого ввозили за валюту. В 1949 году в Ленинграде была организована Центральная экспедиция, которая вела работы по поиску алмазов на всей территории СССР. Наиболее перспективными считались Урал и Якутия, где старатели находили единичные алмазы и небольшие россыпи. А раз были россыпные алмазы – была надежда, что где-то есть коренные породы, из которых они вымываются. В Центральной экспедиции мне поручили изучение шлихов¹ и составление шлиховой карты Сибирской платформы, чтобы рекомендовать наиболее перспективные участки для поиска алмазов. Многие геологи еще до войны предполагали, что некоторые сибирские породы близки к южноафриканским кимберлитам, но мы этого не знали: все, что касалось алмазов, было засекречено. И лишь позже для нас стали переводить иностранную литературу по этой теме...

– *Как же вы тогда вели поиски?*

– Я была начальником маленькой геологической партии, которая, как правило, состояла из двух человек: мой помощник Федор Беликов был и коллектором, и рабочим, и телохранителем. За три года – с 1950 по 1952-й – я прошла пешком и проплыла на резиновой лодке по Якутии больше 1500 километров. И пришла к выводу, что методика поиска алмазов, которую применяет местная стационарная экспедиция (Амакинская), бесперспективна.

– *Что в ней было неправильного?*

– Амакинская экспедиция проводила крайне дорогостоящие работы. Тратились миллионы рублей – рылись шурфы и добывались тысячи кубометров речных песков круглогодично (зимой – при 40 градусах мороза!). Искали «алмаз по алмазу»: хотели по россыпным алмазам подойти к коренным их источникам. Но поскольку алмаз в материнских породах содержится в

очень незначительном количестве, эта методика подобна поиску иголки в стоге сена. И я поняла, что надо искать не алмазы, а их «спутники», минералы, которые сопутствуют алмазу в коренной породе и которые должны встречаться чаще.

– *Дело было за малым — понять, что это за «спутники».*

– Это и было самое трудное. Надо было выбрать район, где развиты в основном известняковые осадочные породы морского происхождения. На их фоне сразу бы проявились любые изверженные породы, вынесенные из глубины, и какие-то неизвестные, ранее не встречавшиеся мне в шлихах минералы вполне могли оказаться требуемыми «спутниками алмаза»... Для поисков я выбрала верховья реки Мархи (приток Вилюя), который отвечал всем требуемым условиям. К тому же в среднем течении Мархи была ранее найдена алмазоносная россыпь. В 1953 году я поехала искать «спутники», а поскольку район очень отдаленный, труднодоступный и хотелось захватить большую территорию, я взяла себе помощницу – Ларису Попугаеву.

– *Ту самую, которая много лет считалась единственным первооткрывателем якутских алмазов?*

– Она была еще совсем неопытным геологом, в 1950 году закончила вуз и даже по компасу еще не умела ходить... Из поселка Оленек с караваном оленей мы с Ларисой дошли до реки Далдын. Здесь мы разделились на два отряда, и Ларисе с Беликовым и еще одним рабочим я поручила пройти на лодках вниз по течению Далдына, отмывать шлихи, и кроме этого, отмыть «крупнообъемную» пробу (4–5 ведер) для проверки на наличие алмаза. Когда мы встретились с Ларисой, в ее шлихах мне сразу бросились в глаза красные зернышки. Что это гранат, мне было ясно, но какой – непонятно: в районе Далдына нет пород, из которых он мог бы вымываться, и ранее он мне не встречался – ни в шлихах, ни в коренных породах Сибири. Когда мы доплыли до поселка Шелогонцы, где была база Ленинградского института геологии Арктики, на рентгеновской установке просмотрели нашу «крупнообъемную» пробу, и нашелся кристаллик алмаза! Я поняла, что на Далдыне должны быть коренные алмазоносные породы, и вернувшись в Ленинград, стала изучать красные зер-

нышки, найденные в шлихах. Ни в каком справочнике их не было, и появилась мысль: не пиропы ли это, которые в Южной Африке встречаются в кимберлитах?

– *Понятно, что вас не послали бы проверять это в Южную Африку...*

– Помог мой муж, доцент ЛГУ Александр Александрович Кухаренко, специалист по шлиховому анализу, который тогда работал на кафедре минералогии ЛГУ. Он попросил работников музея при кафедре поискать, нет ли образцов из Южной Африки. Стали перерывать завалы, в том числе еще не разобранные ящики, и нашли образец 1912 или 1914 года: кусочек кимберлита в коробочке, а там – пиропы. И методом сравнения – потому что ни в одном справочнике этого кимберлитового пироба он тоже не нашел – он его определил, сказав: то, что мы нашли, – тот самый минерал-спутник, по которому надо искать алмазы. Тогда я и сформулировала метод «пироповой съемки»: промывать пробы, искать пиропы и по ним идти, как по ниточке, к коренному источнику алмазов, считая зерна пироба в шлихах. Где они крупнее и больше – туда и идти. И обязательно по этой «пироповой ниточке» придешь к коренной породе, из которой вымывается пироп. Мне было ясно, что надо вести поиски на реке Далдын, где мы уже нашли алмаз и пироп. Но когда мы подали заявку в трест, нам не дали на поиски денег!

– *Почему не дали, если, как вы говорите, на поиски алмазов тратили миллионы?*

– Потому что в тресте не верили в результаты. И тут нам очень помог Иван Иванович Краснов, который руководил Тунгусско-Ленской экспедицией ВСЕГЕИ: он предложил оформить одного человека к нему в штат. Я ехать не могла – у меня в феврале 1954 года родилась дочка. Поехала Лариса. Она долго отказывалась ехать, и я еле-еле ее уговорила. С самолета их с Беликовым высадили на реке Далдын, и в точности по моей методике она прошла вверх по Далдыну, следя за количеством зерен пироба в шлихах. Потом пошла по маленькой речушке, потом по ручейку, потом еще по какому-то притоку, а потом уже никаких ручейков нет, а пиропы есть. Стали задираť мох на склоне и там нашли выход кимберлитов. Это и была трубка «Зарница» –

первое коренное месторождение алмазов в СССР. А потом началась очень некрасивая история, в результате которой я нигде не упоминалась как первооткрыватель алмазов.

– *Разве о вашей роли не знали ваши коллеги?*

– Когда Попугаева приехала в Нюрбу, в Амакинскую экспедицию (на базу всех алмазных работ в Якутии) с образцами кимберлитов, там как раз проходило большое совещание с прибывшим из Москвы начальством. Ее попросили сделать сообщение, а потом, под видом того, что все по алмазам секретно, буквально вырвали все материалы — в спецотдел и под замок. И стали ее обрабатывать, чтобы она перешла в Амакинскую экспедицию.

– *Зачем это понадобилось?*

– Как это зачем? Миллионы тратили и ничего не нашли... А тут — победа, получается, что именно Амакинская экспедиция открыла кимберлиты. Это же открытие мирового значения! На нее надели, обещая с три короба: мол, работу дадим, диссертацию защитишь, и угрожали ей, если не согласится перейти... В конце концов ее уговорили, в Нюрбу понаехали корреспонденты, которым заявили, что первое коренное месторождение алмазов в СССР открыла ленинградский геолог Лариса Попугаева из Амакинской экспедиции. И везде потом упоминали только о ней. Про Центральную экспедицию забыли и про меня тоже забыли. А ведь когда начали массово применять мой метод пироповой съемки — кимберлитовые трубки посыпались, как горох, хотя до этого годами работали и ничего не находили. Самую «богатую» трубку — «Удачная», которая дает алмазы и по сей день, геолог Владимир Шукин, пользуясь моим методом и результатами наших работ, нашел недалеко от «Зарницы» в 1955 году буквально за один день! Послал коллектора — и тот через сутки принес ему образец кимберлита.

– *В 1957 году шесть геологов получили Ленинскую премию за открытие якутских алмазов: Александр Буров, который руководил всеми алмазными работами в стране, Григорий Файнштейн, нашедший первый алмаз на Вилюе, и другие, но в списке нет ни вас, ни Попугаевой...*

– Мы были представлены к Ленинской премии, но на уровне министра геологии нас вычеркнули. Правда, Буров сказал: «Дайте им хотя бы ордена». Попугаева получила орден Ленина, а я – орден Трудового Красного Знамени. При этом Лариса получила звание «Первооткрыватель месторождения», а я не получила ничего, более того, оказалась в опале. Все геологи это знали, многие возмущались, писали в Москву, но никто ничего не мог сделать. Такие были времена... И только в 1980-е годы (Лариса Попугаева к тому времени скоропостижно умерла) обо мне начали вспоминать. В 1990 году, через 36 лет, я наконец получила диплом первооткрывателя месторождения – трубки «Зарница». Хорошо, хоть не посмертно меня признали... В 2005 году мне присвоили звание заслуженного геолога Якутии, а сейчас председатель Совета ветеранов-алмазников Сибири Алексей Алексеевич Васильев пробивает мое и Ларисы признание первооткрывателями трубки «Удачная», которую нашли, как я уже сказала, по моим материалам, пользуясь моим методом и за один день, что немыслимо для геологических поисков. Это уже одобрил ученый совет ВСЕГЕИ, осталось, чтобы утвердили в Министерстве природных ресурсов...

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛАРИСЕ ПОПУГАЕВОЙ

На основании обобщения публикаций Р. Н. Юзмухаметова и автора данной книги приведем воспоминания о Ларисе Анатольевне друзей, коллег и ее почитателей.

Доктор геолого-минералогических наук

Наталья Владимировна Кинд

«Моя ленинградская подруга имела две характерные черты: яркую эмоциональность и целеустремленность».

Узнав о смерти Ларисы Анатольевны она написала дочери Наташе: «Сколько всего “сыпалось” в жизни на твою маму, а она всегда оставалась такой широкой, доброжелательной, отзывчивой... Неповторимая... Именно неповторимая, так как таких людей нет, не было и не будет».

Н. В. Кинд (вторя слева), Н. Н. Сарсадских (третья справа),
Е. Н. Елагина (первая справа) и подруги-алмазницы.
Мирный, 1985 г.

Лидия Ивановна Неплохова

«В 1946 году я перевелась на второй курс из Свердловского в Ленинградский университет, где и познакомилась с Ларисой. Она, конечно, сразу выделялась среди студентов. Она была фронтовичка, курила и вела себя свободно со всеми, то есть, как сейчас говорят, была незакомплексованным человеком. К сокурсникам она относилась свысока, может, потому, что была старше нас. Лариса больше общалась с преподавателями и парнями, чем с нами – молодыми девушками, пришедшими в университет со школьной скамьи...».

Участник открытия трубки «Зарница» – Федор Алексеевич Беликов

«Неля была очень доверчивой, делилась своими радостями и проблемами со всеми, верила в людей, считала, что геолог геолога не обидит, что они все – ее друзья. Но эти «друзья» ее обманули и присвоили открытие «Зарницы» себе. С годами, ко-

нечно, она изменилась – жизнь научила не брать все на веру. Как всякая женщина, она была немножко капризной и вспыльчивой. Любила пошутить. Когда мы были в поле, придумывала разные названия нашим маршрутам: «А сейчас мы идем по проспекту «Бревно поперек лежит!». Еще она очень любила искать.

Ф. А. Беликов – один из первооткрывателей трубки «Зарница»,
дочь Ларисы Попугаевой – Наталья

День и ночь бы копалась в земле. Ее просто постоянно тянуло к поиску. Поэтому ей нравилось работать в экспедициях, преодолевать трудности. В тайге она никого не боялась. Была неприхотлива и ела все, что мы могли приготовить, вот только сгущенное молоко она отдавала мне. Говорила, что ее этим молоком закармливали в больнице, когда она болела. Во время привалов у рек любила рыбачить. У нас с собой была даже небольшая сеть. Иногда ее, правда, мучили неожиданные сильные головные боли. Говорила, что это у нее после войны. Во многом благодаря настойчивости и трудолюбию Нели мы и нашли «Зарницу». Но кто же знал, что из этого потом получится?...».

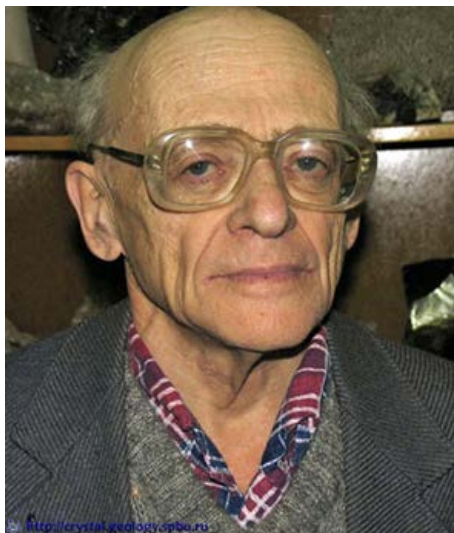
**Выпускник кафедры минералогии
Ленинградского государственного университета
Дмитрий Вячеславович Воронин**

«С Попугаевой меня свел случай. Однажды на работе мне понадобились минералы, которых у меня не было. Поиски привели меня в ВНИИЮвелирпром. Я позвонил по одному из телефонов. Трубку подняла Попугаева. Она пригласила придти и назначила день и час. В урочное время я был в проходной, где меня встретила сотрудница Попугаевой. Меня ввели в какой-то огромный зал, больше похожий на цех, в углу которого находилась крутая лестница из плохо струганных досок. Лестница подвела к сооружению из таких же досок, которое как ласточкино гнездо, прилепилось под потолком. Поднявшись по этой лестнице, я оказался в кабинете Попугаевой. Крайнее удивление от увиденного моментально исчезло перед потрясающим великолепием коллекций минералов, расположенных в кабинете на простых дощатых полках. Конечно, я видел много и более великолепных коллекций, но это в музеях, в больших залах, где великолепие минерального мира представлено в большом пространстве. В маленьком же кабинете все было сконцентрировано и имело особую впечатляющую силу. ...С лица Лариса Попугаева показалась мне молодой, очень приятной, но мало похожей на известный портрет... более мягкие черты и вовсе без того твёрдого и решительного выражения, которое, по мысли художника, вероятно, приличествует первооткрывателю.

Человека, сделавшего такое нужное и важное для страны открытие, подвергли, по распоряжению начальства, такому дикому унижительному издевательствам, как домашний арест. Каким потрясением для души и ума было это заточение! И участвовали в этом хорошо знакомые коллеги! А угрозы и строго охраняемая изоляция от внешнего мира! ... Сурово обошлась с ней судьба. Но имена ее мучителей забыты, а *имя Ларисы Попугаевой навечно связано с алмазами, как Гагарин с космосом, и этого отнять невозможно*».

**Евгений Борисович Трейвус, ведущий научный сотрудник
кафедры кристаллографии Санкт-Петербургского
государственного университета, кандидат геолого-
минералогических наук**

«В октябре 1958 г. мне случилось прийти в Горный институт к заведующему кафедрой минералогии профессору Дмитрию Павловичу Григорьеву. Перед дверью в его кабинет, ожидая

Е. Б. Трейвус, автор монографий
и многочисленных статей
по исследованию жизненного пути
Л. А. Попугаевой

приёма, ходила молодая невысокая симпатичная женщина. Она не выглядела физически сильной, скорее наоборот. Не была ни худой, ни излишне полной; была, как говорят, «в своём теле». Мне шепнули, кто она, и я глядел на неё во все глаза. Время от времени прикладывала ладонь ко лбу и, не глядя на присутствующих, говорила: «Как болит голова!». Как я понял через много лет, у неё развивалась гипертония, сгубившая её впоследствии. Кроме меня, в комнате находилась только лаборантка. Оба – незнакомые ей люди. Мы молча на неё смотрели. Я

почувствовал, что это прямодушный и непосредственный в своём поведении человек.

В те же годы к нам домой заходила Нина Ивановна Кривоборская, петрограф, работавшая вместе с моей женой в Северо-Западном геологическом управлении. Она была однокурсницей Ларисы Гринцевич по Ленинградскому университету. В результате её мимолетных рассказов-замечаний у меня возникло представление о Попугаевой как о нестандартной личности –

бесхитростном, не умевшим лукавить человеку, что, видимо, воспринималось некоторыми как наивность и простодушие. Воспоминания Кривоборской как-то легко согласовывались с моим беглым впечатлением от той встречи с Попугаевой. В 1970 г. они встретились, когда их курс отмечал 20-летие окончания университета, Лариса подарила сокурсникам кусочки яшмы.

Когда Нина Ивановна вспоминала Попугаеву, я слушал её с некоторым любопытством, однако сам ничего не выспрашивал, о чем теперь, понятно, жалею. Последующие годы уважительную память о Ларисе Попугаевой я сохранял, но специально ею не интересовался.

В начале 1990-х годов сибирский журналист Р. Н. Юзмухаметов опубликовал очерк о Ларисе Попугаевой в нескольких номерах газеты «Мирнинский рабочий», издаваемой в городе Мирном – «алмазной столице» Якутии. В нём, наконец, была преодолена поверхностность предыдущих публикаций на тему о Попугаевой и, главное, впервые раскрыты последовавшие за находкой «Зарницы» безобразные события вокруг первооткрывательницы. Позднее Р. Н. Юзмухаметов опубликовал книгу о Л. А. Попугаевой.

Острый сюжет, связанный с обнаружением «Зарницы», и трагедия, в которую оно вылилось для Попугаевой, задело меня. Стало интересным понять, какой это был человек, как сложилась её дальнейшая жизнь. Я начал разыскивать и читать всё, что о ней написано. Был в архивах. Обратился с расспросами к её дочери и другим родственникам, друзьям, к знавшим её геологам – в частности, к Н. Н. Сарсадских и Л. А. Соловьёвой, ближайшей помощнице Л. А. Попугаевой в последние 18 лет её жизни.

После выхода моей первой книги на эту тему ещё несколько человек сообщили новые подробности её жизни. Нашлись новые бумаги (анкеты, справки и пр.) её отца и матери, многочисленные письма матери, супруга, её собственные. Лариса вслед за своей мамой берегла каждую бумажку, даже, казалось бы, совершенно пустяковую. Это – черта какой-то особой интеллигентности человека. Обнаружился её бесценный личный дневник за полевой период 1953 г., поразительный по своему драматизму. Появилась книга В. Л. Масайтиса, посвящённая

«сибирской Диамантиаде». Он – свидетель и участник событий тех лет, упоминаемый в дальнейшем. Наконец, удалось ознакомиться с важнейшим письменным свидетельством – официальным отчётом Н. Н. Сарсадских и Л. А. Попугаевой о полевых сезонах 1953 и 1954 гг. – решающих этапах этого открытия. В результате я более глубоко вник в трагизм и сложную интригу её жизни, кое-что увидел иначе, чем представлялось раньше, устранил ряд неточностей и неверных утверждений, допущенных мною прежде. Поражаешься искажениям истины почти у всех авторов.

Самое раннее упоминание о Л. А. Попугаевой в печати в связи с её открытием, которое удалось установить – 8 мая 1956 г. в иркутской газете «Восточно-Сибирская правда» в статье «Сибирские алмазы»: *«Первую трубку в Якутии нашла геолог тов. Л. А. Попугаева»*. К 1973 г. Ларисе Попугаевой было посвящено уже более 100 публикаций в отечественных и зарубежных газетах, журналах, книгах, передачах по телевидению и радио. В 2007 г. о ней был снят телевизионный фильм – один из четырёх под общим названием «Победительницы». Она оказалась в одном ряду с артисткой Марией Савиной, революционеркой и дипломатом Александрой Коллонтай, певицей Лидией Руслановой».

Владимир Николаевич Скворцов

«Лариса Анатольевна никогда не проходила мимо чужого несчастья и горя. Она была очень отзывчивым человеком и всегда старалась всем помочь. Могла даже отдать последнее, что у нее было. Она никогда не выставляла себя, не гордилась собой, была настоящей патриоткой, часто переживала, что в нашей стране никто ни за что не отвечает, никому ничего не нужно, все валяется, где попало...».

Рита Семеновна Разумовская

«Меня с Попугаевой познакомил муж, который вместе с ней работал в Горном институте. Я знала, что она знаменитый

человек, открыла первую кимберлитовую трубку в СССР, и поэтому была поражена, когда с ней познакомилась. Вы представляете, тогда она, о которой знала вся страна, жила вместе с мужем и дочерью в коммунальной квартире. У нее был всего один костюм на выход, купленный по дешевке в «Детском мире». Это была бескорыстная женщина.

При всей ангельской внешности у нее был низкий грубый голос с хрипотцой. Она ведь много курила... Лариса была тонким интеллигентным человеком и только, когда дело касалось Советской власти, начинала материться. Я бы сказала, она была не от мира сего. Как геолог Лариса могла открыть все, что угодно! Ведь это был фанатик! Если она решалась что-нибудь сделать, то делала это обязательно до конца.

С открытия «Зарницы», можно сказать, и началась ее гибель. В те времена многим нельзя было высовываться, особенно дочери «врага народа». Лариса была очень сложным человеком, и каждый ее видел по-своему. Она часто «лезла на рожон», была резкой, близко к сердцу принимала любую несправедливость. Лариса никогда внутренне не смирилась с той ролью, которую ей отвели как первооткрывателю якутских алмазов. Ее долго обижали, преследовали, травили. В начале 1970-х годов у нее на рабочем месте даже устроили обыск – искали образцы полудрагоценных камней, которые она, якобы, продавала. Все это Лариса воспринимала очень болезненно, поэтому, наверное, и была она беспокойным человеком. Всегда на подъеме, всегда на нервах. Нет, она не требовала, не кричала. Она прекрасно понимала, что все с нею случившееся – не случайность, а закономерность. К сожалению, правды я о ней не читала, хотя писали о Ларисе довольно много...».

Дочь Р. С. Разумовской – Ольга Разумовская

«У Ларисы Анатольевны был очень глубокий острый ум, можно даже сказать в положительном смысле этого слова, злой ум. Она отличалась равнодушием и эмоциональным восприятием. От нее я научилась видеть, замечать, выделять и восхищаться людьми. Она очень много любила читать. Любимым по-

этом у нее был М.Ю. Лермонтов. Она очень любила Антуана де Сент-Экзюпери. «Маленький принц» был ее настольной книгой. Еще меня всегда удивляло в ней умение давать оценки, как теперь выяснилось, довольно правильные, многим политическим событиям, которые тогда происходили в нашей стране...».

Первооткрыватель трубки «Мир» –

Екатерина Николаевна Елагина

«Прехорошенькая, прекрасно сложенная Неля, с нежными,

Елагина Екатерина Николаевна,
ее именем назван алмаз весом
78,07 карата, добытый из трубки
«Удачная»

пастельными красками лица и пепельными волосами, подобна была старинной французской статуэтке. Она была очень женственной, очень обаятельной, очень симпатичной, с фарфоровым личиком. Была невысокого роста, и трудно было поверить, что она геолог. Кто угодно, только не геолог!

Если бы не слишком серьезное выражение выразительных глаз, она казалась бы вчерашней примерной школьницей. Вся ее изящная, хрупкая фигура не вязалась с обликом геолога, прошагавшего трудными маршрутами по затеженным берегам безлюдных рек Заполярья.

Когда первый раз встретились с ней в гостинице "Сибирь" (г. Иркутск), то были очарованы обаянием прелестной молоденькой девчушки. Мы с удивлением узнали, что девчушка-то оказалась матерью трехлетнего ребенка, от которого отважилась надолго уехать в отдаленные районы Заполярья. Восхищаясь Нелиной красотой и женственностью, мы не могли предполо-

жить, что за плечами этого хрупкого и очаровательного создания лежали трудные фронтовые годы с сержантскими лычками и вверенным ее заботам грозным артиллерийским орудием. Все это казалось невероятным, как невероятной была вся ее рано оборвавшаяся жизнь, с жестокими обидами и грубой несправедливостью, очень редко озаряемая искрами радости. Любого оказавшегося на ее месте постоянная несправедливость могла бы ожесточить и озлобить, а на худой конец, сделать бездушным.

Но с Неллей такого не произошло, она умела черпать силы в красотах северной природы и щедро дарить свою любовь и ласку маленьким детям и обездоленным животным, которые платили ей неизменной преданностью. До своего последнего часа Лариса Попугаева оставалась настоящим Человеком с безмерно добрым и любящим сердцем, умевшим великодушно прощать нанесенные ей обиды.

Не любила рассказывать о себе. Даже когда мы последний раз встретились за год до ее смерти, и я попросила ее рассказать об открытии «Зарницы», она неохотно пошла на разговор на эту тему, глядя куда-то в сторону и опустив голову, только махнула рукой: «Что ворошить прошлое, а Наталию Сарсадских Бог простит».

Неля Гринцевич, которая вскоре превратилась в Ларису Анатольевну Попугаеву обладала высокими нравственными качествами и до последнего своего часа оставалась удивительно добрым и отзывчивым человеком, не способным равнодушно проходить мимо чужой беды и умевшим искренне радоваться, когда к кому-то приходила удача».

В 1990-х годах Е. Н. Елагина написала дочери Наташе: «Каким же нужно было обладать мужеством, чтобы при постоянно создаваемой вокруг нее нервной отвратительной обстановке оставаться всегда приветливой к окружающим, прощая им глупую злобу, способной близко воспринимать чужую беду и сохранять негасимый интерес и энергию ко всему тому, что относилось к главному делу всей её светлой, героической и прекрасной жизни...».

**Юрий Олегович Липовский – первооткрыватель
алмазов в Монголии**

«Несмотря на непреходящую славу первооткрывателя, Л. А. Попугаева оставалась поразительно скромной, лишённой какой-либо корысти и тщеславия. Она была патриотом камня, который являлся главным её делом и главным интересом в жизни... Её можно было встретить в экспедициях, научно-исследовательских институтах, на камнеобрабатывающих предприятиях и ювелирно-гранильных фабриках. Она бралась за всё, что касалось камня, его популяризации и внедрения в промышленность. И, несмотря на огромную занятость, к ней постоянно тянулись геологи и камнерезы, специалисты и любители-коллекционеры за советом и помощью. И на всех, и на всё у неё находилось время».

**Ришат Нургалиевич Юзмухаметов –
автор книг и статей о Л. А. Попугаевой,
глава Мирнинского района Якутии с 2013 г.**

Ришат Нургалиевич Юзмухаметов

В 2013 г. состоялась презентация его новой книги *«Лариса Попугаева, первооткрывательница алмазных месторождений в России»* в школе № 19 имени Л. А. Попугаевой (г. Мирный). Приведем его выступление, т.к. оно

полностью посвящено Ларисе Анатольевне.

«Символично, наверное, хотя так и должно было быть, что презентация новой книги о Ларисе Попугаевой происходит в стенах школы её имени. Историей этой великой женщины я стал интересоваться, учась в школе. А в 1991 г. по приглашению ди-

ректора Удачинского ГОКА Дмитрия Мазура сюда приехали кинорежиссёры с «Леннаучфильма». Они снимали фильм под названием: «Обратный адрес – Удачный». Это был первый документальный фильм, я туда попал в качестве автора сценария.

Я долго думал, какой должен быть фильм об Удачном. Мы пришли зимой в нашу школу № 19 в начальные классы и попросили учеников написать сочинение «Что для меня значит город Удачный». Именно эти сочинения легли в основу сценария. Когда фильм был смонтирован, я поехал в Санкт-Петербург и на киностудии в одной из монтажных комнат мне попалась на глаза кинобанка с надписью: «Материалы о Л. Попугаевой». Я выяснил, что в 1986 г. снята картина «Якутские алмазы», где, в частности, использовались воспоминания людей, знавших Ларису Попугаеву. Итогом встречи с Федором Беликовым, помощником Попугаевой в геологических поисках в Якутии в 1953–1954 годах, стала моя статья «Кража века», опубликованная в «Мирнинском рабочем» в 1992 г.

Затем я написал несколько статей об открытии трубки «Зарница» и в 1995 г. вышла моя первая книга о Ларисе Попугаевой. Там всего 36 страниц, это документальный очерк. Затем, к 50-летию открытия трубки «Зарница» в 2004 г. мой документальный очерк «Звёздный час и трагедия Ларисы Попугаевой» был опубликован в альманахе «Вилуйские зори» и переиздан якутским издательством «Бичик».

Это третья книга *«Лариса Попугаева, первооткрывательница алмазных месторождений в России»* - историко-документальная. Здесь личная переписка, тексты телеграмм, письма её родных, воспоминания тех людей, которые её хорошо знали. Я занимаюсь этой темой больше 20 лет, мне интересна судьба и личность Попугаевой; а моя жена даже меня обвиняет в том, что любимая женщина не она, а Лариса Анатольевна.

С момента открытия трубки жизнь Нинель перевернулась, она была вынуждена остаться без работы. Когда она приехала в Нюрбу, её заставили написать задним числом, что она открыла трубку «Зарница» будучи работником другой экспедиции. Это было мучительно для неё. Потом все её ленинградские друзья и коллеги называли предательницей, а те люди, которые заставили

написать заявление постарались от неё быстро избавиться. Ей было тогда 30 лет.

В дальнейшем она ещё два года работала в Якутии, но её уже не допускали к поискам, затем уехала в Ленинград и никогда больше не занималась алмазами, а своей дочери запретила быть геологом. Она занималась камнями-самоцветами, защитила кандидатскую диссертацию. В 1971 году ей присвоили звание первооткрывательницы месторождения трубки «Зарница» и в 1977 г. она умерла, даже не дожив до пенсии. Ей было 54 года.

В 2004 г. здесь ей установлен прекрасный памятник, который украшает г. Удачный. Вообще, это четвертый памятник в России, поставленный женщине в полный рост. И это первый памятник в полный рост женщине-геологу.

Планирую работать над следующей, четвертой, книгой о Ларисе Анатольевне, так как на сегодняшний день уже есть прекрасная новость. Ларисе Попугаевой официально (посмертно) присвоено звание первооткрывателя трубки «Удачная». Дело вот в чём. «В 1953–1954 годах Попугаева и Сарсадских на ручье нашли много пиропов, он получил соответственно название «пироповый», Лариса Анатольевна не стала подниматься по этому ручью, хотя можно было пройти несколько километров и найти трубку «Удачная». Этот факт был зафиксирован и когда в 1955 г. её коллега-геолог Владимир Щукин пошёл в маршрут, то она ему предложила проверить этот ручей. Щукин 10 июня ушёл в поход, а 15 июня уже была открыта эта трубка. Сам геолог честно говорил, что Л. Попугаева подсказала ему путь. В. Щукину сразу присвоили звание первооткрывателя трубки «Удачная», а Ларисе Анатольевне – только спустя 60 лет.

Ленинскую премию за открытие алмазного месторождения в 100 тысяч рублей получили 6 человек. Буров как руководитель – 50 тыс. руб, остальные 5 чел. разделили сумму между собой. Я спросил у В. Н. Щукина: «Что вы сделали с премией?». Он ответил: «Сняли на один день столовую и отметили это событие на 20 тыс. руб».

**Юрий Полярный – почётный гость в 2013 г. на презентации
книги Р. Н. Юзмухаметова «Лариса Попугаева,
первооткрывательница алмазных месторождений в России»**

Он прочитал своё стихотворение о Л. А. Попугаевой, которое стало эпиграфом к данному мероприятию:

Сегодня Ларисе... – а, прочем...:
Вновь – ТРИДЦАТЬ! Как было ТОГДА!..
И сердце – вновь, править не хочет
Застывшие в бронзе годá...

Раскрыты «забвенья кулисы»!
Из бронзы – ОЖИЛ пьедестал:
АЛМАЗ нашей Мамы-ЛАРИСЫ,
Потомкам – РИШАТ «откопал»!

Не канет в продрогшую Лету
След «Геологических Муз»:
ЗАРНИЦЕЙ блеснул над Планетой
Могучий Советский Союз!

Не меркнет! Горит всё сильнее
Зажженная «Нелей» Заря!
Почётной гражданкой своею
Гордится Удачный – не зря!

В Короне Алмазной Мессии,
Была б Она, наверняка –
Почетной Гражданкой РОССИИ!
...Жаль – нет таких Званий... пока...

**СЕМЬЯ ЛАРИСЫ ПОПУГАЕВОЙ
И КАК ОНА ЧТИТ ПАМЯТЬ О НЕЙ**

Л. А. Попугаевой не довелось быть свидетелем замужества дочери Натальи, не пришлось познакомиться с зятем Валерием Абрамовичем Ивановым, не смогла увидеть внука Андрея и внучку Нелю. Теперь у неё уже есть правнучка.

Андрей – внук Ларисы Попугаевой

Неля – внучка Ларисы Попугаевой

Воспоминая дочери Натальи Попугаевой:

«Всю историю открытия трубки «Зарница» я узнала только после смерти матери. Она любила повторять известное изречение: «Не бойся врагов – в худшем случае они могут тебя убить. Не бойся друзей – в худшем случае они могут тебя предать. Бойся равнодушных. Они не убивают и не предают, но только с их молчаливого согласия существуют на земле предательство и убийство». Для меня главными качествами ее, как человека были эмоциональность и честность. Она очень любила детей и животных. За свою недолгую и нелегкую жизнь она сумела помочь многим людям. Меня всегда удивляла ее способность уходить целиком в работу. Ничто не могло ее остановить – ни муж, ни дочь...».

90-летие со дня рождения Ларисы Анатолевны Попугаевой

В сентябре 2013 г. дочь Наталья Попугаева приехала из Санкт-Петербурга по приглашению администрации г. Удачный специально для участия в юбилейных мероприятиях, посвященных 90-летию со дня рождения её мамы – Ларисы Анатолевны Попугаевой – геолога, первооткрывателя коренного месторождения якутских алмазов, чьим именем названа школа. Поздравить учащихся школы № 19 имени Л. А. Попугаевой с Днем знаний – 1 сентября 2013 г. пришли первые лица города Удачный. Основным же событием дня была встреча с почетным гостем школы – Натальей Викторовной Попугаевой.

Для общения с Натальей Викторовной – «хранителем» тех знаменательных событий была выбрана интерактивная форма – «Сто вопросов взрослому». Ребята 5, 6, 7 классов до отказа заполнили актовый зал школы. Все находились в большом волнении и задали множество вопросов как о Ларисе Анатолевне, так и о самой Наталье Викторовне.

– Ваша мама в числе «трио первооткрывателей» называла собаку Пушка. А Вы любите животных?

– Именно так, у меня всегда были животные, а сейчас живет даже не одна, а две собаки. Любите животных и никогда не бросайте их!

Встреча дочери Натальи Попугаевой в школе имени
Л. А. Попугаевой, г. Мирный, 2013 г.

– *Вы, как и мама, были отличницей?*

– Моя мама действительно окончила школу с отличием, и хотела бы отметить, что в то время в школьной программе был такой предмет, как геология – эту науку изучали с 7 по 10 классы. Хотелось бы, чтобы вернули такой замечательный предмет в школы – больше геологов появилось бы в стране! А что касается меня, то, как говорят, на детей природа отдыхает. Я училась хуже ее, но, конечно, без троек. И геологом я не стала. Я химик.

– *Какие чувства испытываете Вы, когда приезжаете в город, основанный благодаря Вашей маме?*

– Я волнуюсь, меня переполняют эмоции. И, конечно, я постоянно думаю о ней. Честно признаюсь: только в вашем замечательном городе ее так любят и чтят. Я горжусь ею, но когда была в вашем возрасте, не совсем это осознавала. Я всего лишь хотела, чтобы она была почаще дома, ведь я ее почти не видела.

– *Когда создавали памятник Ларисе Попугаевой, Вы принимали в этом участие?*

– Да, безусловно. Скульптор Валерий Барков, автор этого памятника – мой хороший знакомый, он оканчивал Академию искусств в Ленинграде. Когда мастер работает над скульптурой, он должен видеть либо самого человека, либо огромное количество фотографий, которые я ему предоставила.

– *Какой матерью была Лариса Анатольевна?*

– Находясь здесь, в Якутии, она, конечно, скучала по своему единственному ребенку, то есть по мне. А вообще она была строгая и требовательная, потому что только требовательность к себе и к своим детям дает какие-то результаты.

– *С кем Вы оставались, когда Ваша мама была на полевых работах?*

– Это хороший вопрос, потому что он насущный и жизненный. У меня были бабушки, и я всем вам желаю иметь хороших бабушек, потому что они иногда заменяют мам.

– *Ваша мама пела Вам на ночь колыбельные песни?*

– Не пела. Она читала мне на ночь стихи. Ее любимым поэтом был Михаил Лермонтов.

– *Лариса Попугаева считалась одним из лучших специалистов по драгоценным камням. А сама она носила украшения?*

– Конечно, и все они были сделаны ее друзьями-ювелирами, к тому же в последние годы она работала в институте ювелирной промышленности. Я даже мечтала, чтобы у меня была дочь, которой я смогу передать по наследству эти украшения. Но среди них не было ни одного с бриллиантами...

– *Ваша мама запретила Вам стать геологом...*

– Если мама запрещала, значит, у нее были на это основания. Я стала химиком, а химия – тоже не последняя наука на земле, особенно теперь. Моя дочь – искусствовед, а сын – историк. А вот внучка, возможно, станет геологом, она уже интересуется камушками.

Дочь Наталья Попугаева (справа) отвечает на вопросы учащихся школы имени Л. А. Попугаевой

– Обычно мамы привозят из командировок своим детям подарки. А что Вам привозила из тайги мама?

– У меня до сих пор сохранилась замечательная шкура северного медведя, она лежала на кресле-качалке, но со временем потеряла свою былую красоту. А вообще она часто возила с собой книги.

– Ваша мама была знакома с Высоцким?

– Нет, с Высоцким она знакома не была, а была знакома с Анной Ахматовой, Александром Галичем и немного с Горюхиным.

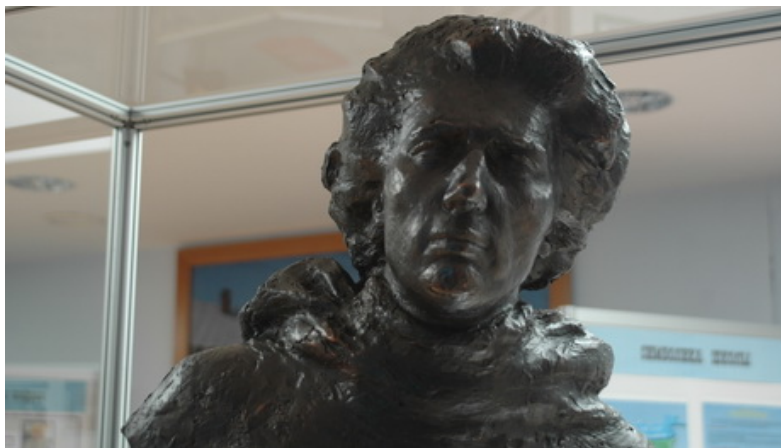
А лучшим был признан вопрос: «Вы хотели бы жить в нашем городе?», на который Наталья Попугаева не задумываясь ответила: «Хотела бы!», чем вызвала шквал аплодисментов.

В завершение встречи Наталья Попугаева сделала потрясающий подарок школе № 19 – бронзовый бюст Ларисы Попугаевой. «Он для меня очень дорог, – сказала Наталья Попугаева, – потому что это прижизненная скульптура: автор Василий Гу-

цин смотрел на маму и лепил. Надеюсь, вы найдете надежное место этому бюсту!»

В мастерской скульптора Василия Гущина, 1964 г.

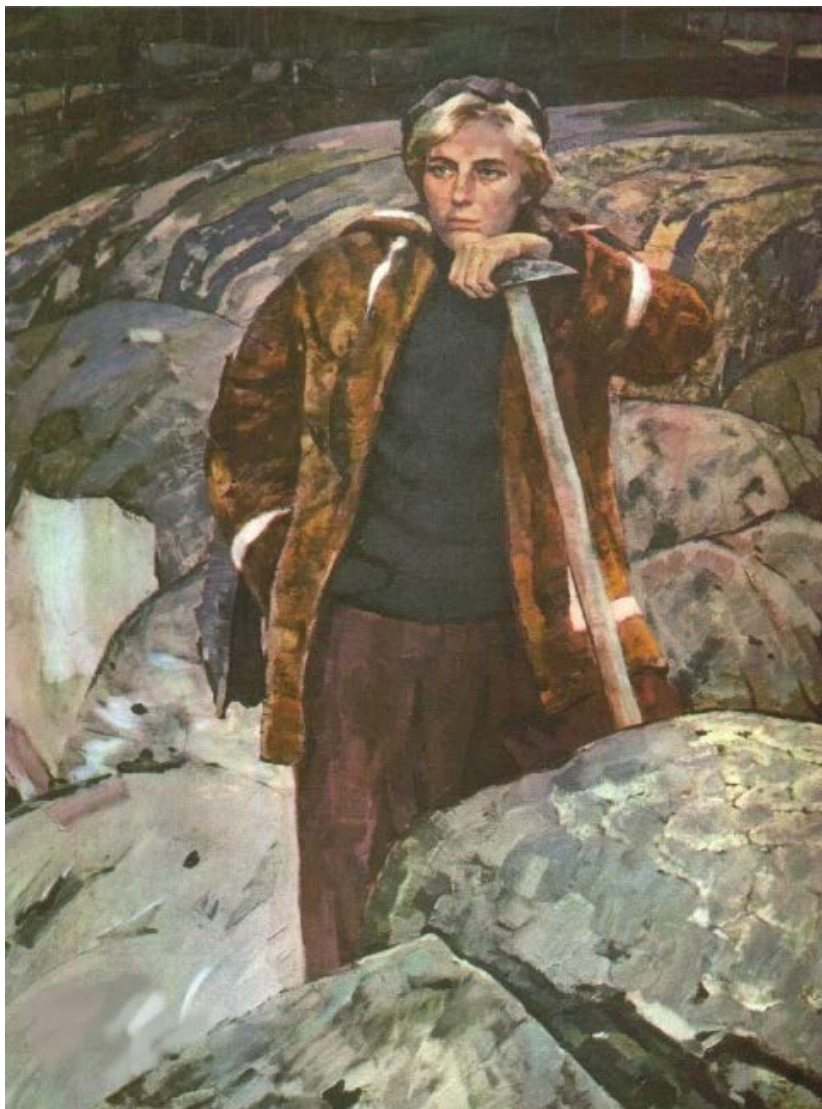
Бронзовый бюст Л. А. Попугаевой, подаренный
школе № 19 в г. Мирный, 2013 г.

ПРИЗНАНИЕ ЗАСЛУГ И НАГРАДЫ Л. А. ПОПУГАЕВОЙ

Приказом управляющего трестом весной 1955 г. премию в виде месячного оклада получили Н. Н. Сарсадских и Л. А. Попугаева. В приказе говорилось о проведённой «летом 1954 года геологом партии № 26 Попугаевой Л. А. при участии коллектора Беликова Ф. А. в чрезвычайно труднодоступных таёжных районах» работе. Свою премию получил и Ф. А. Беликов: два месячных оклада. Но всю жизнь он прожил в коммунальной квартире на Васильевском острове, в одной комнате, и продолжал работать, будучи уже престарелым шофёром на мусоровозке.

В ознаменование 325-летия вхождения Якутии в состав России (1957 г.) Л. А. Попугаева награждена **орденом Ленина**, Н. Н. Сарсадских – **орденом Трудового Красного Знамени** (среди 350 человек) «За достигнутые успехи в хозяйственном и культурном строительстве». По сути, это было принижение их заслуг.

В 1964 г. ленинградский художник Борис Корнеев написал большой **портрет** (165×120 см) **маслом Ларисы Попугаевой**, снимок которого воспроизводился в журналах «Огонёк», «Работница», других изданиях, экспонировался на выставках. Он принёс ей широкую известность. Она стоит среди каменных глыб, опершись на геологический молоток, с грустным задумчивым лицом и глазами, устремлёнными вдаль. Те, кому неизвестна её подлинная судьба, могут счесть этот портрет как приподнято романтический. Однако после знакомства с истинной одиссеей её жизни он воспринимается как правдивый и достоверный. Художник почувствовал внутренний мир Ларисы Попугаевой, ее размышления об открытии и чем обернётся оно для неё в действительности. В полевых условиях Лариса не расставалась с молотком, любила с ним фотографироваться. Имеются несколько таких снимков, сделанных в разные годы. Так что она с молотком на картине – это не надуманный изыск художника.

Лариса Анатольевна Попугаева (портрет художника Б. Корнеева)

В 1985 г. режиссер Леннаучфильма Валентин Витальевич Венделовский в своем фильме **«Якутские алмазы»** поведal

настоящую историю открытия «Зарницы», признав огромное значение работ Л. А. Попугаевой, Н. Н. Сарсадских, А. А. Кухаренко, И. И. Краснова, Н. В. Кинд, В. Л. Масайтиса.

Съемка фильма «Якутские алмазы», режиссер В. Венделовский, 1985 г.
Первооткрыватели якутских алмазов впервые встретились
после открытий коренных алмазов.

Слево направо: Ю. Хабардин, В. Венделовский,
Е. Елагина, сотрудница съемочной группы, Н. Кинд,
Наталья Попугаева, Ф. Беликов, Г. Файнштейн

В фильме есть кадры: ссутулившийся и сильно сдавший Беликов ходит вокруг громадной городской свалки. Пьяница-сосед, бывший милицейский капитан, терроризировал его и его жену, не давал выйти на кухню, и они сидели впроголодь по целым дням. Венделовский, подружившийся с Беликовым, привёл несколько крепких парней-альпинистов. Один из них сжал руку этому типу так, что тот завертелся на месте. Пригрозили переселить его в подвал. Беликов Ф. А. умер 4 января 1995 г.

Якутия, 1985 г. Слева направо: Валентин Венделовский,
Наталия Попугаева, Федор Беликов

В 2007 г. вышел документальный историко-познавательный фильм **«Победительницы. Лариса Попугаева»**, ТРК «Петербург», режиссер Владимир Невинный, Ирина Пейсаховская, ведущий Павел Лобков.

В 2011 г. на канале «Культура» был показан фильм **«Студеное лето 53-го»**, рассказывающий о первооткрывателе якутских алмазов **Ларисе Попугаевой** и о начале развития алмазной промышленности в Якутии. Об истории открытия якутской алмазоносной провинции рассказали историк Ришат Юзмухаметов, дочь первооткрывателя Наталия Попугаева, ветеран-автодорожник Анатолий Пичкалев, пилот Валерий Чередниченко и другие свидетели истории. Фильм снят в рамках Форума духовности, при поддержке правительства республики и министерства культуры и духовного развития Якутии.

В 1970 г. Л. А. Попугаева награждена **Почётным дипломом** и знаком **«Первооткрыватель месторождения»**. Отметим её одной из первых в нашей стране, поскольку лишь незадолго до этого ввели такой знак отличия. Знак изображает земной шар-глобус голубого цвета с градусной сеткой. Очевидно, его создатели были романтиками и помнили гимн студентов-геологов 1950-х годов:

Я не знаю, где встретиться
Нам придётся с тобой.
Глобус крутится-вертится
Словно шар голубой.
И мелькают города и страны,
Параллели и меридианы...

На фоне глобуса крупно выделен контур СССР с территорией, окрашенной в красный цвет, внизу – белая стрелка компаса.

Таким же дипломом награждена Н. Н. Сарсадских, но уже в 1990 г. – через 36 лет после открытия кимберлитовой трубки «Зарница».

В честь заслуг Л. А. Попугаевой **крупный алмаз** весом в 29,4 карата (около 12 мм в поперечнике) и недалеко от «Зарницы» **кимберлитовая трубка, открытая в 1973 г.**, названы ее именем.

На кимберлитовой трубке «Зарница» установлен **столб с текстом её записки** от 21–22 августа 1954 года. **Улицы в городах Удачном и Айхале** носят её имя.

В ознаменование 50-летнего открытия «Зарницы» в 2004 году в г. Удачный установлен **бронзовый памятник на постаменте из красного гранита** по проекту петербургского архитектора **Валерия Баркова** с надписью: **«Ларисе Анатольевне ПОПУГАЕВОЙ – первооткрывателю кимберлитовой трубки в Советском Союзе»**. Модель головы памятника принадлежит скульптуру Василию Гущину. Позади её фигуры на полукруглой стеле-барельефе из бронзы – тайга, Лариса у костра с Фёдором Беликовым, якут проводник с оленями и детали современного индустриального пейзажа тех мест: линия электропередачи, карьер на алмазной трубке, дороги. На задней стороне стелы выступают величественные каменные столбы – яркая достопримечательность долины реки Лены. Постамент памятника – из крас-

ного гранита. Он символизирует то, какой кровью далось открытие сибирских алмазов: «История Амакинки полна скрытого и явного драматизма. За годы существования экспедиции погибли десятки её сотрудников. Сгорали в палатках и балках, гибли на транспорте, тонули при переправах, попадали под электроток, отравлялись продуктами».

Памятник Л. А. Попугаевой
в г. Удачный, Якутия

По мнению **Е. Б. Трейвуса**: «Попугаева Лариса Анатольевна, по-видимому, единственный геолог России и четвертая женщина г. Санкт-Петербурга, которой установлен *полнофигурный памятник*. Первые два памятника принадлежат императрицам (Елизавете Петровне в городе Балтийске и Екатерине Второй на Невском проспекте), третий – поэтессе Анне Андреевне Ахматовой на улице Восстания».

Открывали памятник 17 июля 2004 г., в год 50-летия обнаружения «Зарницы», президент республики Саха (Якутия) Н. А.

Штыров, дочь Л. А. Попугаевой – Наталья Викторовна Попугаева и Наталия Николаевна Сарсадских. На митинге находилось практически всё взрослое население Удачного (10–12 тысяч человек). Президент республики сказал: *«Это дань великому человеку и геологу, вписавшему своё имя в историю страны»*. К памятнику был возложено множество венков и цветов.

В настоящее время все профессиональные праздники геологов в г. Удачный обычно начинаются с возложения венков и цветов к памятнику Л. А. Попугаевой, первооткрывателю месторождений алмазов.

В 2005 г. в городе Мирном установили скульптурную группу «Каюр и геологи». В лице женщины узнаются черты Ларисы Анатольевны Попугаевой.

Скульптурная группа «Каюр и геологи», г. Мирный

Ей посмертно присвоено звание *«Почетный гражданин г. Удачный»*. Средней общеобразовательной школе № 19 в г. Удачном для детей работников Удачинского горнообогатительного комбината АК «АЛРОСА» при переезде в новое совре-

менное каменное здание в 2007 г. **присвоено имя Л. А. Попугаевой**, геолога-первооткрывателя алмазной трубки «Зарница».

В 2014 г., накануне празднования Дня геолога (2 апреля), на Ученом совете Всероссийского научно-исследовательского геологического института (ВСЕГЕИ) имени А. П. Карпинского прошло знаменательное событие. Благодаря активной работе геолога, ветерана АК «АЛРОСА» А. А. Васильева и руководства Якутии приказом министра С. Е. Донского Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации (№ 546-лс от 24.07.2013 г.) бывший геолог Амакинской геологоразведочной экспедиции Лариса Анатольевна Попугаева и бывший старший сотрудник ВСЕГЕИ Наталья Николаевна Сарсадских награждены знаком **«Первооткрыватель месторождения» за выявление месторождения алмазов «Трубка Удачная»** (посмертно).

Наталья Попугаева и Елена Кухаренко

Свидетельства Первооткрывателей дочерям знаменитых геологов **Наталье Попугаевой** и **Елене Кухаренко** вручил ге-

неральный директор ВСЕГЕИ Олег Владимирович Петров. Заместитель Постоянного представителя Республики Саха (Якутия) в Санкт-Петербурге Алла Кондратьева поздравила семьи Ларисы Попугаевой и Натальи Сарсадских с вручением долгожданного звания Первооткрывателей трубки «Удачная». Она отметила неоценимый вклад геологов Ленинграда в освоение месторождений Якутии и в развитие алмазодобывающей промышленности России.

Президиум заседания при вручении знака «Первооткрыватель месторождения» за выявление месторождения алмазов «Трубка Удачная» Л. А. Попугаевой и Н. Н. Сарсадских, 2014 г.

Спустя 60 лет после открытия трубки «Удачная» восторжествовала историческая справедливость, её первооткрывателями заслуженно были признаны две легендарные женщины **Лариса Попугаева** и **Наталья Сарсадских**, которые сейчас признаны первооткрывателями не только трубки «Зарница», но и трубки «Удачная»! Жаль, что не при жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вы познакомились с деятельностью геолога Попугаевой Ларисы Анатольевны, открывшей первую кимберлитовую трубку алмазов «Зарница» в Советском Союзе. Геологические исследования на данном месторождении явились своеобразным научным, производственным и учебным полигоном для последующих исследователей по поискам коренных алмазов. Затем были открыты месторождения алмазов «Мир» и «Удачная». Эти открытия послужили важным началом промышленной добычи алмазов на территории России.

Сурово обошлась судьба с Л. А. Попугаевой, она прожила всего 54 года. Даже разработка открытого алмазоносного месторождения «Зарница» началась только через 44 года (в 1998 г.) и через 11 лет после ее кончины. *Тем не менее имя Ларисы Попугаевой навечно связано с алмазами, как имя Гагарина с космосом, и этого отнять невозможно.*

Попугаева Л. А. – участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., получила прекрасную профессиональную подготовку, работала с опытными ленинградскими учеными и исследователями алмазов. В результатах ее достижений есть труд преподавателей и геологов, работавших с ней, но мы не должны забывать ее самопожертвования во имя геологии, поисков алмазов, использования камней-самоцветов в отечественной ювелирной промышленности.

Имя Ларисы Попугаевой (Гринцевич) навсегда войдет в историю не только геологических факультетов Санкт-Петербургского и Пермского университетов, но и в историю отечественной и мировой минералогии, в методику поисков коренных месторождений алмазов. Такие открытия происходят раз в 100 лет и совершаются они особыми людьми, безгранично преданными своему делу, смелыми, умеющими добиваться своей цели, решительными, самоотверженными, обладающими необыкновенным трудолюбием и безмерной верой в успех дела.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александров П.* Разведчица самоцветов // *Работница*, 1965. № 4. С. 25.
2. *Алексеева М.* Забытый герой алмазной эпопеи // *Петербургский дневник*. № 34 (245). 2009. 7 сентября.
3. *Анастасенко Г. Ф.* Лариса Анатольевна Попугаева (1923–1977). URL: <http://mineral.pu.ru/popugaeva.html> (по состоянию на 30.05.2011).
4. *Аренин Эд.* Подвиг разведчицы // *Вечерний Ленинград*, 1956. 26 ноября.
5. *Борисов С. З.* Алмазы и вожди. М., 2000.
6. *Булах А. Г.* Общая минералогия. СПб., 1999. (Указание на пироповый метод алмазных поисков и его авторов).
7. *Булах А. Г., Кривовичев В. Г., Орлова М. П.* Пути к алмазам // *Зап. Всерос. минерал. общества*. 1994. № 5. С. 112–115. (Мемориальный очерк об А. А. Кухаренко).
8. *Васильев А., Кобылкина О.* Письмо-исповедь Ларисы Попугаевой // *Вестн. АЛРОСА*, 1999. № 8. С. 15.
9. *Венделовский В.* Крик вдогонку // *Вилуйские зори*. 1999. № 3 (Рассказ о последнем периоде жизни Ф. А. Беликова).
10. *Вишневский Б.* Кто и как нашел алмазы России // *Общество*, вып. 100, 2010. 10 сентября.
11. *Галкин И.* Как это было // *Вилуйские зори*, 2000. № 4 (История открытия трубки «Мир»).
12. *Гневушев М. А.* Якутские алмазы. М., 1963.
13. *Гринцевич Л. А.* Личное дело // *Архив Пермского государственного университета*, 1942.
14. *Гринцевич Л. А.* Личное дело // *Архив С.-Петерб. гос. ун-та*, 1950. Список № 1, связка № 19.
15. *Давыдов Н. А.* Путь к трубке «Мир». Якутск: Сахаполиграфиздат, 1994. 78 с.
16. *Десяткин Т. Г.* Золото, алмазы и моя жизнь. М.: Яна, 1998. 224 с.
17. *Дорганов Г.* Из истории поисков алмазов в Якутии // *Вилуйские зори*, 2000. № 4.
18. *Елапина Е.* Лариса и после смерти не обрела покоя // *Вестн. АЛРОСА*, 1999. № 14 (32). С. 10.

19. *Елагина Е. Н.* Алмазные экспедиции: в 2 кн. М., 2003.
20. *Елисеев В. И.* К истории открытия сибирских алмазов // Бюл. Моск. о-ва испыт. Природы, 1994. Т. 69, № 4. С. 92–106.
21. *Елисеев В. И.* Алмазы и их приключения. М., 2000.
22. *Зубарев В.* Защищается геолог Попугаева // Ленинградская правда. 1970. 13 декабря (Описание кандидатской защиты Л. А. Попугаевой и конфликта во ВНИИЮвелирпроме).
23. *Кауров Б.* Зарница // Сквозь годы и бури / Сост. Г. В. Куликовская. М., 1969. С. 156–159.
24. *Кинд Н.* Если идти по пиропам // Химия и жизнь, 1987. № 1. С. 56–57.
25. *Кожевникова К.* Человек и камень // Комсомольская правда. 1971. 5 февраля.
26. *Кожевникова К.* Женщина без брильянтов // Вестник (Балтимор, США), 1999. Т. 11, № 10. С. 27–31.
27. *Коротеев Н.* Быль о якутских алмазах // Вокруг света, 1956. № 11. С. 17–21; № 12. С. 27–31.
28. *Костицын В. И.* Геолог Л.А. Попугаева – первооткрыватель первого коренного месторождения алмазов в СССР. Пермь, Перм. гос. ун-т, 2011. 72 с.
29. *Костицын В. И.* Пермский период Ларисы Попугаевой – первооткрывателя коренных алмазов в России // Вестник Пермского университета. Геология, 2012. Вып. 2 (15). С. 94 - 104.
30. *Краснов И. И., Масайтис В. Л., Сарсадских Н. Н.* и др. Ещё раз о краже века // Мирнинский рабочий, 1994. 8 июля.
31. *Куличкина В.* Итоги тысячелетия, века, года // Дам. Экспресс, 2000. 29 декабря.
32. *Кухаренко А. А.* Алмазы Урала. М.: Госгеолтехиздат, 1955. 165 с.
33. *Липовский Ю. О.* В Хангай за огненным камнем. Л., 1987.
34. *Лифшиц Л.* Сибирские алмазы // Восточно-Сибирская правда, 1956. 8 мая.
35. *Ляхович В. В.* Алмазные экспедиции. М., 2000.
36. *Масайтис В.* Алмазный корень // Вилуйские зори, 1999. № 3. (Очерк о И. И. Краснове).

37. *Масайтис В. Л.* Где там алмазы? Сибирская Диамантиада. СПб., 2004.

38. *Мелуа А. И.* Геологи и горные инженеры. Нефтяники. М.; СПб., 2003. Т. 2.

39. *Милашев В. А.* Алмаз. Легенды и действительность. Л., 1989.

40. *Моор Г. Г., Соболев В. С.* К вопросу о сибирских кимберлитах // Минер. сб. Львовск. геол. о-ва, 1957. № 11. С. 369–371.

41. *Одинцов М. М.* По Восточной Сибири в геологических партиях. Иркутск, 1981.

42. *Осинов В.* Тайна Сибирской платформы. М., 1958; 2-е изд. М., 1960.

43. *Осовецкий Б. М.* «Алмазная» дорожка к кимберлитам // Вестн. Перм. науч. Центра, 2009. № 2. Пермь: Перм. науч. центр УрО РАН, С. 51–63.

44. *Пасенюк Л.* Отряд ищет алмазы // Молодая гвардия, 1958. № 1. С. 9–85.

45. *Попугаева Л. А.* Исследование некоторых видов камне-самоцветного сырья и перспективы его использования в отечественной ювелирной промышленности: Обобщающий доклад на соискание ученой степени кандидата геолого-минералогических наук. Л., 1970. С. 8.

46. *Попугаева, Лариса Анатольевна* // Википедия – свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>(по состоянию на 09.01.2015).

47. *Применение* аэрометодов при поисках коренных месторождений алмазов / ред. Н. Г. Келль. М.; Л., 1960 (Описание характера местности, лесного покрова, аэрофотоснимки и пр. в районе «Зарницы»).

48. *Пуминов А. Г.* О первых находках пиропса в аллювиальных отложениях Сибирской платформы // Сб. статей по геологии Арктики / под ред. М. Ф. Лобанова. М., 1956. Вып. 6. С. 318–321.

49. *Репрессированные* геологи. 3-е изд. / Гл. ред. В. П. Орлов. М.; СПб., 1999 (Статьи о М. А. Гневушине, И. И. Краснове, Д. И. Мушкетове и В. М. Фёдоровском).

50. *Саврасов Джемс*. Годы далёкие... Новосибирск, 2003.
51. *Сальникова С.* Листки из блокнота // Полярная звезда, 1989. № 4. С. 114–119 (Изложение бесед с Ф. А. Беликовым, Е. Н. Елагиной, Н. В. Кинд и Н. В. Попугаевой).
52. *Сарсадских Н. Н., Попугаева Л. А.* Новые данные о проявлении ультраосновного магматизма на Сибирской платформе // Разведка и охрана недр, 1955. № 5. С. 11–20.
53. *Сарсадских Н. Н.* Поиски месторождений алмазов по минералам-спутникам // Информ. сб. Всесоюз. геол. ин-та, 1958. № 5. С. 122–128.
54. *Сарсадских Н. Н.* Как была открыта трубка «Зарница» // Мирн. Рабочий, 1990. 4, 6, 8 сентября.
55. *Сарсадских Н. Н.* Открытие «Зарницы»: История длинной в 40 лет: ист. очерк. СПб.: Эхо, 1997. 42 с.; 2-е изд. СПб: ВВМ, 2004. 51 с.
56. *Свиридов Г. И.* В краю голубых алмазов. М., 1978.
57. *Свиридов Г. И.* Охотники за алмазами. М., 1981.
58. *Семенов В. Е.* Алмазный крест. Санкт-Петербург: Изд. «Левша. Санкт-Петербург», 2014.
59. *Скульский В.* Те алмазные маршруты // Мирнинский рабочий, 1989. 25 июля.
60. *Сокурено Д.* Первое коренное месторождение алмазов: 45 лет спустя // Поляр. круг в Якутии, 2000. 24 ноября.
61. *Сокурено Д.* Удачный ГСК приступил к промышленному освоению «Зарницы» // Якутия, 2000. 10 ноября.
62. *Трейвус Е. Б.* Еще раз об якутской алмазной эпопее // Природа, 2002. № 5. С. 87.
63. *Трейвус Е. Б.* Знаменитый универсант – геолог Лариса Попугаева, первооткрывательница промышленных коренных алмазов в России // Ленинградский университет, 2003. № 20. С. 19–23.
64. *Трейвус Е. Б.* Голгофа геолога Попугаевой // Нева, 2003. № 9. С. 159–169.
65. *Трейвус Е. Б.* Надломленная судьба. СПб., 2004.
66. *Трейвус Е. Б.* Ларисе Попугаевой поставили памятник // Санкт-Петербургский университет, 2005. № 14–15. 17 июня.

67. *Трейвус Е. Б.* Триумф и трагедия Ларисы Попугаевой // Российские недра, 2006. 10 июля. С. 3.

68. *Трейвус Е. Б.* Как далось «открытие века» // Санкт-Петербургский университет, 2007. № 9. С. 42–47. (Дневник Л. А. Попугаевой, лето 1953 г.).

69. *Трейвус Е. Б.* Мы мало считаемся с людьми и событиями // Вестн. АЛРОСА, 2007. № 10. С. 13 (Письмо Л. А. Попугаевой скульптору В. В. Исаевой).

70. *Трейвус Е. Б.* Геолог – первооткрыватель и защитник Родины Лариса Попугаева // Вестник Института геологии Коми НЦ УрО РАН, 2008. № 5. С. 23–24.

71. *Трейвус Е. Б.* Служебная записка секретаря райкома партии // КЛИО, 2008. № 3. С. 3–6 (Записка отца Л. А. Попугаевой и сведения о нём).

72. *Трейвус Е. Б.* Пермский университет –ALMA MATER геолога Ларисы Попугаевой // Проблемы минералогии, петрографии и металлогении: науч. чтения памяти П. Н. Чирвинского. Пермь, Перм. ун-т, 2008. С. 345–351.

73. *Трейвус Е. Б.* Сверкнувшая как зарница: Повесть о геологе Ларисе Попугаевой. СПб., 2009.

74. *Трейвус Е. Б., Жервз Н. Н.* Документы Ларисы Попугаевой обрели свой дом в СПбГУ // Санкт-Петербургский университет, 2011. №7. С. 85–88.

75. *Трейвус Е. Б.* Звезда российской геологии – Лариса Попугаева // Природа, 2012. № 9. С. 90–95.

76. *Трейвус Е. Б.* Алмазная тропа. Как ленинградские женщины в Сибири алмазы нашли // ММ (Машины и механизмы), 2013. № 10. С. 82–87.

77. *Трейвус Е. Б.* И. Ефремов и его рассказ «Алмазная труба» // Тиетта, 2014. № 1 (27).

78. *Файнштейн Г.* За нами встают города. Иркутск, 1988.

79. *Фалатова Е.* Кто же открыл российские алмазы? // Экспресс-Ювелир, 2002. № 10 (13).

80. *Ферсман А. Е.* Драгоценные и цветные камни СССР: в 2 т. Л., 1925. Т. II.

81. *Хабардин Ю. И.* Путь к алмазной трубке. М., 1999.

82. *Харькив А. Д., Зинчук Н. Н., Зуев В. М.* История алмаза. М., 1997.
83. *Червинский В.* Трудное счастье Натальи Сарсадских. 2008. URL: <http://www.aldan.info/news/0808/1sn25562.html> (по состоянию на 25.05.2011).
84. *Щукин В. Н.* Щедрое лето 1955 года // Мирнинский рабочий, 1985. 22 и 25 июня.
85. *Эрлих Э.* Найти месторождение // Звезда, 2004. № 10. С. 181–201.
86. *Эрлих Э.* Месторождения и История. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2006. 174 с.
87. *Эрлих Э.* Свет «Зарницы» // Наука из первых рук. 2012. № 6. С. 88–95.
88. *Юзмухаметов Р. Н.* Кража века // Мирнинский рабочий, 1992. 29 сентября (Интервью с Ф. А. Беликовым).
89. *Юзмухаметов Р. Н.* Звездный час и трагедия Ларисы Попугаевой. Мирный, 1995.
90. *Юзмухаметов Р. Н.* Женщины – первооткрывательницы якутских алмазов. Якутск: Кудук, 1998. 100 с.
91. *Юзмухаметов Р. Н.* История поисков и открытия коренных месторождений алмазов в Якутии (1948–1955). Якутск: Якут. филиал изд-ва СО РАН, 2001. 148 с.
92. *Юзмухаметов Р. Н.* Награды Родины и как они находили своих героев // Полярный круг, 2003. 25 июня.
93. *Юзмухаметов Р. Н.* Лариса Попугаева – женщина без бриллиантов // Якутия. 2003. 19 сентября.
94. *Юзмухаметов Р. Н.* Грани алмазной истории. Мирный, 2003. (Очерки о А. П. Бурове и М. Ф. Шестопалове, описание совещания в Нюрбе и предыстории наград за алмазные открытия).
95. *Юзмухаметов Р. Н.* Лариса Попугаева «...И даже после смерти она не обрела покоя» // ИЛИН, 2004. № 2 (37).
96. *Юзмухаметов Р. Н.* История поисков и открытия месторождений алмазов в России. Якутск, 2006.
97. *Юзмухаметов Р. Н.* Холодное лето 53-го // Якутия: республиканская газета, 2008. № 14 (31282). 25 января.

98. Юзмухаметов Р. Н. История открытия первого месторождения алмазов в России – кимберлитовой трубки «Зарница» (1950-1990-е годы) // Вестн. Челяб. гос. ун-та, 2011. № 1 (216). История. Вып. 43. С. 87–91.

99. Erlich E. I., Dan Hausel W. Diamond deposits. Origin, exploration and history of discovery. Littlton, USA, 2002 (Пер. названия: Алмазные месторождения. Происхождение, поиск и история открытия).

100. Smith G. R. Gemstones. London, 1950 (Пер. названия: Драгоценные камни).

101. Wende D. Diamanten Krieg. Larissa stürzt ein Weltmonopol // Jugend und Technik. 1975. N 10. S. 823–827 (Пер. названия: Алмазная война. Лариса свергает мировую монополию).

102. Wende D. Piropen Rausch. Larissa stürzt ein Weltmonopol // Jugend und Technik, 1975. N 11. S. 984–988 (Пер. названия: Пироповое опьянение. Лариса свергает мировую монополию).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

КОСТИЦЫН ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ

Доктор технических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации. С 1995 г. по настоящее время – заведующий кафедрой геофизики Пермского государственного университета (ПГУ). В разные годы одновременно с преподавательской деятельностью являлся заместителем декана по учебной работе геологического факультета (1977–1982), проректором по вечернему и заочному обучению (1983–1990), проректором по учебной работе ПГУ (1990–2002).

С 1993 г. по май 2015 г. – председатель диссертационного совета Д 212.189.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций по 3 научным специальностям: «Геофизика, геофизические методы поисков полезных ископаемых», «Гидрогеология» и «Геология, поиски и разведка твердых полезных ископаемых, минерагения».

Является председателем Пермского регионального отделения Российской академии естествознания (РАЕ), членом Учебно-методического объединения университетов России по специальности «Геофизика», членом редакционной коллегии «Вестник Пермского университета», серия «Геология». Член коллегии Областного отдела народного образования (ОблОНО) и затем Главного управления образования Пермской области (1983–1992), депутат Пермского городского совета (1990–1993), председатель Секции проректоров по учебной работе вузов Пермской области (1996–2000).

Автор и соавтор более 300 научных, учебно-методических и научно-популярных работ, в том числе 7 монографий и 2 учебников «Гравиразведка» и «Основы геофизических методов» для студентов вузов.

Научное издание

Костицын Владимир Ильич

**ЛАРИСА ПОПУГАЕВА –
ПЕРВООТРЫВАТЕЛЬ АЛМАЗОВ В РОССИИ**

Издается в авторской редакции

Дизайн и компьютерная верстка *Н. М. Ржевитиной*
Дизайн обложки *И. В. Сибикиной, А. Ф. Молоштанова*

Фото из личных фондов *Н. В. Попугаевой, Е. Б. Трейвуса*

На лицевой стороне обложки:
Попугаева Лариса Анатольевна в разные годы (1941, 1945, 1964)

На обратной стороне обложки:
Санкт-Петербургский государственный университет (вверху),
Пермский государственный университет (внизу)

Подписано в печать 21.07.2016. Формат 60х84/16
Усл. печ. л. 13,49. Тираж 500 экз. Заказ № 2666

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано в ООО «Типограф»
618540, Пермский край, г. Соликамск, Соликамское шоссе, 17.

